М.Мендикулов

Памятники народного зодчества Западного Казахстана

М.Мендикулов

Памятники народного зодчества Западного Казахстана

Алма-Ата «Өнер» 1987

М. М. Мендикулов (1909—1986) — один из старейшин казахстанских ученых — принадлежал к первому поколению зодчих республики. Историк и теоретик, он внес большой вклад в развитие архитектуры Казахской ССР, сочетая научную работу с творческой и педагогической деятельностью.

Он — автор проектов Дворца бракосочетаний, реконструкции Музея Абая в Семипалатинске, памятников М. О. Ауэзову и Джамбулу, варианта проекта Казахского павильона на ВДНХ СССР, проектов планировки районов в городах Чимкенте, Абае и других.

Им было опубликовано более 50 научных трудов. Среди них наиболее значительны «Памятники архитектуры Казахстана с пирамидальными куполами», «Ушканские кулпытасы», «Памятники архитектуры полуострова Мангышлак и Западного Устюрта», «Архитектура Алма-Аты».

Книга «Памятники народного зодчества Западного Казахстана» — последняя его работа. Она написана на основе экспедиционных материалов, собранных в 50-е и 70-е годы, а также долголетнего изучения и осмысления развития архитектуры на территории Казахстана в целом и соседних регионов.

До сих пор архитектура Западного Казахстана рассматривалась как локальное явление в народном зодчестве Казахстана. Автор устанавливает ее связь со строительной культурой низовьев Сырдарьи, определяет ее хронологические рамки, периодизацию, виды и формы, характерные черты и особенности, раскрывающие ее своеобразие и художественную выразительность.

Архитектура Западного Казахстана рассматривается автором как своеобразное выражение длительного пути развития народной архитектуры Арало-Каспийских степей.

Впервые в книге публикуется материал о подземных мечетях Западного Казахстана — уникальном явлении народного зодчества, а также о некрополях, сформировавшихся около них. Подробно рассмотрены купольные и бескупольные мавзолеи и другие многообразные виды надгробий этого региона.

М. М. Мендикулов уделяет большое внимание народным мастерам-строителям, и в этом достоинство его работы, сохраняющей память о тех, кто создал отмеченные высоким талантом и вкусом произведения архитектуры.

Книга «Памятники народного зодчества Западного Казахстана» вводит в научный оборот большое количество оригинальных произведений архитектуры. Вместе с тем автор пересматривает датировки ряда сохранившихся и руинированных памятников, выдвигает ряд гипотез, подтвердить или отклонить которые — дело будущих исследователей архитектуры Западного Казахстана, изучение которой практически только начинается.

Работа М. М. Мендикулова привлечет внимание как специалистов — архитекторов, археологов, искусствоведов, этнографов, так и широкой общественности к проблемам изучения и сохранения уникальных памятников Западного Казахстана.

Доктор исторических наук **К. М. Байпаков**

ВВЕДЕНИЕ

Географические границы Западного Казахстана охватывают северную и северо-восточную часть Прикаспийской низменности, степную зону Приуралья, долину р. Эмбы, Мугоджары, Северное Приаралье, западную половину плато Устюрт и полуострова Мангышлак, входящие в состав Уральской, Гурьевской, Актюбинской и Мангышлакской областей. Значительная часть этой обширной территории (Прикаспийская низменность, Приаралье, плато Устюрт и Мангышлак) относится к зоне пустынь.

Плато Устюрт — это известняково-глинистая пустыня, расположенная между Каспийским и Аральским морями. Почти со всех сторон ограниченное обрывистыми уступами — чинками, оно представляет слабо расчлененную равнину, имеющую местами пологие увалы и прогибы, заполненные песками, и покрытую супесчаными отложениями.

Растительный покров Устюрта представлен полынно-баялычными кустарниками, которые пригодны как корм для овец и верблюдов. Но необеспеченность достаточными источниками водоснабжения препятствует полному использованию плато как пастбища.

Климат плато, как и соседних районов, резко континентальный, с большими колебаниями температуры воздуха и малым количеством осадков. Средняя температура июля составляет 25°—26°С. Средняя температура января —10°—15°С. Общее годовое количество осадков 100—120 мм, а в течение июля и августа осадков выпадает не более 25 мм (84, с. 21, 22).

На западе плато Устюрт переходит в полуостров Мангышлак, природно-климатические условия которого несколько отличаются от устюртских. Прежде всего он имеет гористый рельеф, расчлененный невысокими горами Каратау и Актау, многочисленными саями, глубокими впадинами, лежащими ниже уровня Каспийского моря. Так, например, впадина Карагие имеет абсолютную глубину 132 м. У подножия кряжа Каратау имеются выходы пресных подземных вод в виде родников, развитая сеть неглубоких колодцев. Каспийское море несколько смягчает микроклимат прибрежной части полуострова. Средняя температура января здесь близка к 0° и выше, осадков выпадает 100—250 мм, неглубокий снежный покров 10—20 см держится с декабря по март.

Обилие кормов для скота, наличие источников воды, защищенность территории от зимних буранов и стужи издревле сделали Мангышлак местом зимнего стойбища кочевых племен и народностей.

По ал-Истахри, в IX в. Мангышлак заселило «племя тюрок». Это были предки адаев, входившие тогда в состав огузских племен, а по свидетельству Абулгази, в конце X — начале XIII в. здесь появились огузо-туркменские племена, кочевавшие вместе с предками адаев (23, с. 85—86).

В середине XI в. кипчаки, разгромив огузов, стали хозяевами обширных степных пространств от Иртыша на востоке до Волги на западе. Несмотря на периодические военные столкновения кипчаков с правителями Хорезма, политическая гегемония племенного союза кипчаков в степи сохранялась до нашествия монголов в первой четверти XIII века. Известно, что, когда в середине XII в. хорезмшах Астсыз временно захватил Мангышлак, здесь среди кипчаков находились их союзники — огузо-туркменские племена язырского объединения (34, с. 65—67).

В последующие XIII—XIV вв. этнический состав кочевого населения Дешт-и-Кипчака в основном сохранялся. Так, об этническом составе населения времени распада Золотой Орды известный востоковед Н. А. Аристов писал: «Основная половина Улуса, именовавшаяся Дешт-и-Кипчак, т. е. Кипчакская степь, была заполне-

на, кроме небольшого количества найманов, аргынов, многочисленными кипчакскими, а также родами племен алчинов» (6, с. 40).

Известно также, что в результате последовательного распада Золотой, Белой и Ногайской орд значительная часть местных тюркских племен вошла в состав Казахского ханства, образовавшегося в 60-е годы XV в. и усилившегося в начале XVI века. (34, с. 255—270).

Сказанное дает основание предполагать, что создателями памятников архитектуры Западного Казахстана были местные тюркские племена, хотя они в разное время входили в состав того или иного политического объединения.

Большинство памятников каменной архитектуры долины реки Эмбы, Устюрта и Мангышлака было построено из ракушечника — прекрасного строительного и декоративного материала, а в юго-западных районах Актюбинской и Уральской областей из песчаников, в основном малые формы надгробий — кулпытасы. В строительстве отдельных памятников XI—XII вв. использовался и обожженный кирпич. В долине реки Эмбы и в отдельных местах Устюрта встречается немало надгробных сооружений из глины и сырцового кирпича.

В 1946 г. экспедицией Управления по делам архитектуры при Совете Министров Казахской ССР были исследованы памятники среднего течения реки Эмбы и части северо-западного Устюрта. Результаты этой работы опубликованы в книге Т. К. Басенова «Архитектурные памятники в районе Сам» (12). В 1951—1952 гг. две экспедиции сектора архитектуры Академии наук Казахской ССР изучали памятники Западного Устюрта и центральной части полуострова Мангышлак. Часть материалов этих экспедиций опубликована в работе М. М. Мендикулова «Памятники архитектуры полуострова Мангышлака и Западного Устюрта» (64). Описанию подземной мечети Шакпак-ата посвящена статья А. Г. Медоева «Подземная архитектура кочевников полуострова Мангышлак» (61). В статье Б. А. Ибраева «К генезису форм купольных мавзолеев Западного Казахстана» была сделана попытка выяснения происхождения шлемовидных куполов на основе материалов Мангышлака и Устюрта (32). Кроме этих работ в течение последнего десятилетия в Казахской Советской Энциклопедии автором было опубликовано несколько небольших тематических статей, в которых кратко описаны отдельные памятники Устюрта и Мангышлака. Проведенные в 60—70 годы научно-исследовательские работы института «Казпроектреставрация» Министерства культуры Казахской ССР и Общества охраны памятников истории и культуры республики позволили выявить новые районы распространения памятников, имеющих общие признаки архитектурно-строительных приемов с устюртско-мангышлакскими. Это юго-западные районы Актюбинской и Уральской областей.

Накопленный большой фактический материал позволяет дать общую характеристику многочисленных и разнообразных памятников Западного Казахстана, показать наиболее интересные в историко-архитектурном отношении, рассмотреть некоторые проблемные вопросы средневекового зодчества, в частности, истоки и генезис шатрового, шлемовидного куполов и др.

Иллюстративный материал собран автором в результате экспедиционных работ в 1951—1952 и 1973 годах, частично использованы фондовые материалы института «Казпроектреставрация» Министерства культуры Казахской ССР. В работе экспедиции Общества охраны памятников истории и культуры республики 1973 г. принимали участие архитекторы Б. А. Глаудинов, А. С. Карпыков, Б. А. Ибраев, инженеры В. Н. Корнеев и Р. К. Асенова, руководил экспедицией автор настоящей работы.

ГЛАВА I

НЕКРОПОЛИ И ПОДЗЕМНЫЕ МЕЧЕТИ

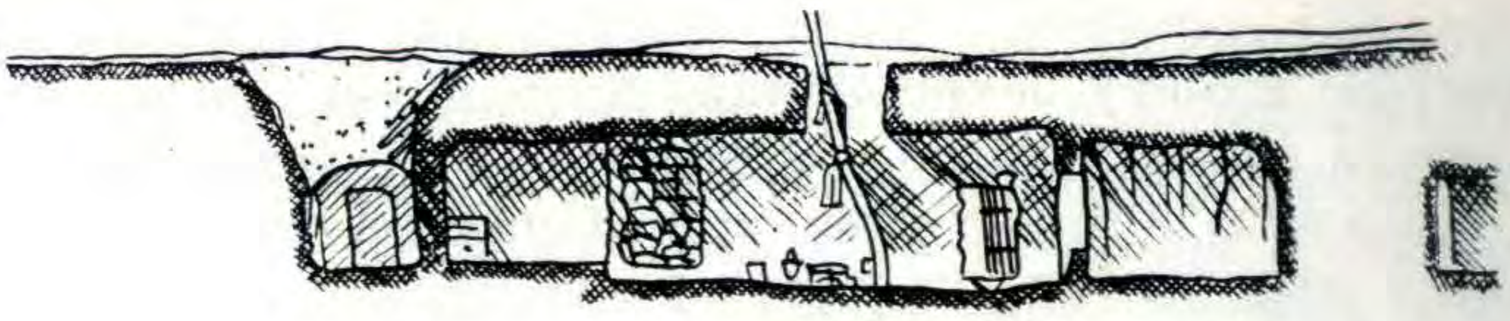
Обширные пустынные просторы Прикаспийских Каракумов, долины реки Эмбы, Устюрта и Мангышлака насыщены огромным количеством разнообразных надгробных памятников. Значительная их часть сосредоточена на родовых кладбищах — малых и больших некрополях. Древние некрополи, по народным преданиям, возникли и расширялись вокруг гробниц или подземных мечетей первых проповедников мусульманской религии в Западном Казахстане. Подземных мечетей, вырубленных в массивах приовражных скал и на склонах гор, на Эмбе, Устюрте и Мангышлаке обнаружено более десяти. Мечети Шопан-ата на Мангышлаке и Бекет-ата в старом Бейнеу обнаружены в 1952 г. экспедицией Сектора архитектуры Академии наук Казахской ССР (64), мечеть Шакпак-ата на Мангышлаке — в 1966 г. экспедицией АН Казахской ССР (61), мечети Караман-ата на Мангышлаке и Бекет-ата в Огланды на юго-западном чинке Устюрта — в 1973 г. экспедицией Общества охраны памятников истории и культуры республики (70).

НЕКРОПОЛЬ И ПОДЗЕМНАЯ МЕЧЕТЬ ШОПАН-АТА

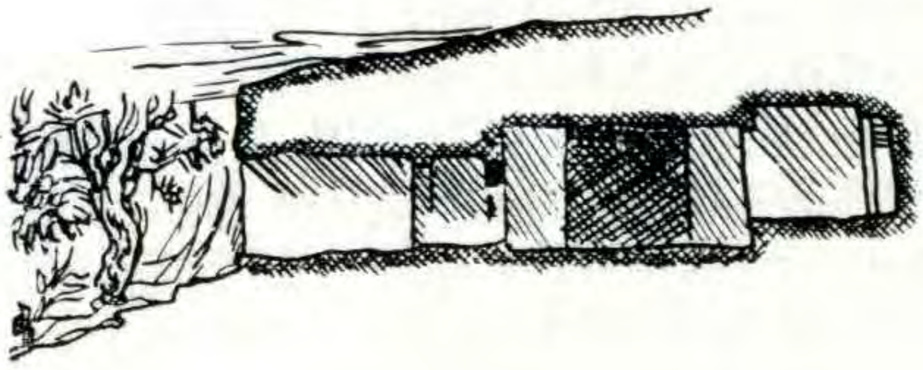
Некрополь Шопан-ата, расположенный на трассе старой караванной дороги с Мангышлака в Хорезм, находится в юго-восточной части полуострова и является наиболее обширным и, возможно, древнейшим на Мангышлаке. Он раскинулся по обе стороны неглубокого и узкого оврага, спускающегося по склону холма «священной горы Шопан-ата» в направлении с юго-запада на северо-восток. Подход к некрополю расположен в восточной стороне, здесь же находятся древний колодец с водопойным каменным корытом и поздние надгробные памятники из силикатных кирпичей. В юго-западной части находятся подземная мечеть и гробница Шопан-ата, а также древнейшие надгробные памятники, построенные, возможно, огузо-кыпчакскими племенами, периодически обитавшими здесь на протяжении X—XIII вв. Это примитивные ограды, бескупольные мавзолеи — сагана-тамы, стелы — кулпытасы и койтасы, которые в результате выветривания в большей части превратились в бесформенные развалины. Несмотря на сильное разрушение, среди них можно различить отдельные туркменского типа плоские стелы.

В восточной и северо-восточной частях некрополя также расположено много бескупольных мавзолеев и отдельных купольных мавзолеев, построенных в XIX— начале XX вв. и отличающихся от туркменских стилевыми признаками и родовыми тамгами.

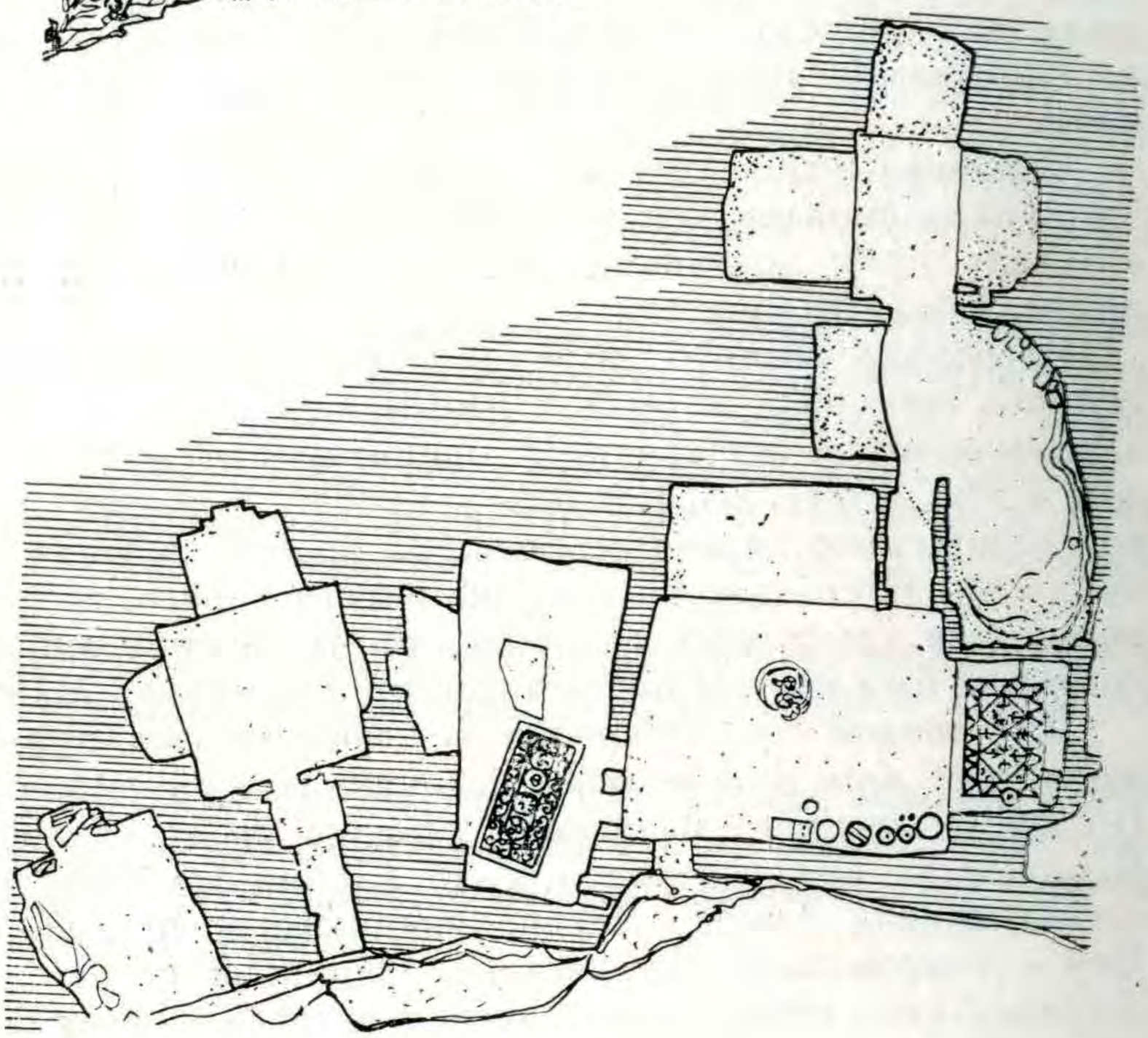
План и разрезы подземной мечети Шопан-ата. Мангышлак. XII в. Обмер 1973 г.



РАЗРЕЗ 1



РАЗРЕЗ 2



Мечеть-гробница Шопан-ата вырублена в массиве приовражной скалы и, возможно, возникла ранее кладбища. Она сооружена с целью превращения ее в религиозный центр района, о чем говорит развитый состав помещений, разделенных на три основные группы. Центральное положение занимает прямоугольный зал (7,1×5,1 м.), решенный наподобие гостиной — ханаки. Пологая лестница, расположенная в юго-западном углу центрального зала, теперь превратилась в пологий пандус. Он ведет наверх к группе помещений гробницы, состоящей из молельной комнаты и двух камер захоронения. Закругленная западная стена молельной комнаты обрушилась, поэтому трудно установить, имела ли она перекрытие или представляла собою открытую, огражденную площадку. Погребальная камера, в которой, по преданию, похоронен сам Шопан-ата, значительно углубленная в толщу скалы,— это небольшое сводчатое помеще-

ние. По длинному, ныне заваленному коридору можно было попасть во вторую камеру захоронения, расположенную в северо-западном углу комплекса мечети, где, по преданию, находится могила его дочери.

На всю ширину южной и западной торцовой стен центрального зала были вырублены два просторных помещения, предназначенные для посетителей-паломников. Вдоль северной стены расставлена посуда — котлы, самовары, чайники, кумганы, ведра и прочая хозяйственная утварь. Днем помещение освещается через круглый световой люк диаметром 1,2 м, который несколько смещен относительно центра потолка. Длинный деревянный шест, увешанный полосками ткани и рогами архаров, прислонен к стволу люка и выходит наружу на высоту более одного метра. Место, где стоит шест, считается священным. Помещение мечети, расположенное с восточной стороны центрального зала, связано с ним дверным проемом и окном-лазом. Из-за выветривания северная стена мечети сильно разрушена.

Скальные стены всего комплекса мечети грубо отесаны и не имеют никаких элементов декора. Очевидно, такая суровая обстановка соответствовала духу аскетизма мистиков-отшельников, к которым, вероятно, принадлежал Шопан-ата.

Несколько позднее, видимо, была сооружена вторая мечеть, расположенная восточнее первой и имеющая отдельный вход. Ее молитвенный зал расположен поперечно и ориентирован михрабом на юг. Перед входом в эту мечеть, обращенном на север, в сторону кладбища, стоит тутовое «священное дерево» с большой кроной, дающее летом густую тень и прохладу. Восточнее него, вдоль берега оврага, вырублено еще несколько камер для групповых захоронений. В течение многих веков подземный комплекс был местом паломничества кочевников Мангышлака.

Для точной его датировки нет достоверных исторических сведений, в известных нам письменных источниках имя Шопан-ата не встречается. Но среди местного населения широко распространены предания о нем. В одном из них говорится, что Шопан-ата был учеником знаменитого шейха Ходжи Ахмеда Ясави, жившего во второй половине XII в. в г. Ясы — современном Туркестане. Однажды после окончания обучения Ходжа Ахмед собрал своих последователей — учеников и объявил им, что они должны пустить стрелы через шанрак — отверстие в своде его юрты и там, куда прилетят стрелы, будут проповедовать идеи суфизма... Стрела Шопан-аты, прилетев на Мангышлак, упала на небольшую гору близ аула богатого скотовода Баяна. Через несколько месяцев Шопан-ата, прибыв сюда, нашел свою стрелу и нанялся пастухом — шопаном к баю Баяну. Бай скоро догадался, что его пастух не простой человек, отдал ему в жены свою дочь и покровительствовал им. У подножия горы, на вершину которой упала стрела, Шопан-ата и построил подземную мечеть.

Известно, что Ходжа Ахмед Ясави — историческая личность, возглавлял первую тюркскую общину суфиев, ставшую центром распространения этого учения в Средней Азии и Казахстане в XII—XIII вв. (40, с. 613). После смерти Ходжи Ахмеда в 1166 г. в Туркестане был построен над его могилой небольшой мавзолей, на месте которого в конце XIV в. по указанию и на средства Тимура сооружено огромное здание мавзолея-ме-

чети, сохранившейся до нашего времени. Первым преемником Ходжи Ахмеда считается его ученик — Сулейман-Бакыргани, прозванный Хаким-ата. Его преемником стал Зенги-баба, мавзолей которого также дошел до наших дней (94, с. 165). В другом народном предании говорится еще об одном ученике шейха под прозвищем «Данишпан», который одновременно с Шопан-атой прибыл в другой район Мангышлака. В этом предании рассказывается, что самый младший из учеников Ходжи Ахмеда, выпустив свою стрелу, остался сидеть в юрте шейха, хотя все остальные ученики тут же отправились на поиски своих стрел. Учитель был удивлен и спросил его, почему он задерживается и не идет вслед за своей стрелой. Ученик ответил, что на поиски ее потребуется немало времени, а он хочет перед дальней дорогой еще раз поклониться своему наставнику и выслушать его советы. Учитель, удовлетворенный его ответом, благословил своего воспитанника, дал ему лакаб «Данишпан», что значит ученый, провидец. В северо-западной части Мангышлака действительно имеется гора «Данишпан», у подножия которой существует старинное кладбище, общий вид которого был зарисован еще в середине XIX в. Т. Г. Шевченко под названием «Данисман».

Среди казахов, каракалпаков и туркмен бытует немало подобных преданий и легенд. Некоторые из них были записаны и опубликованы в трудах ряда советских ученых — М. Е. Массона, С. П. Толстова, Т. А. Жданко и др. Так, в каракалпакском предании, записанном Т. А. Жданко в 1948 г., сообщается о распре между каракалпаками и туркменами, о наказании последних Ходжой Ахмедом Ясави и бегстве их из Туркестана на Мангышлак (85, с. 95).

В одном из туркменских преданий утверждается, что родоначальник огинского племени Гезли-ата был современником и учеником Ходжи Ахмеда (14, с. 162).

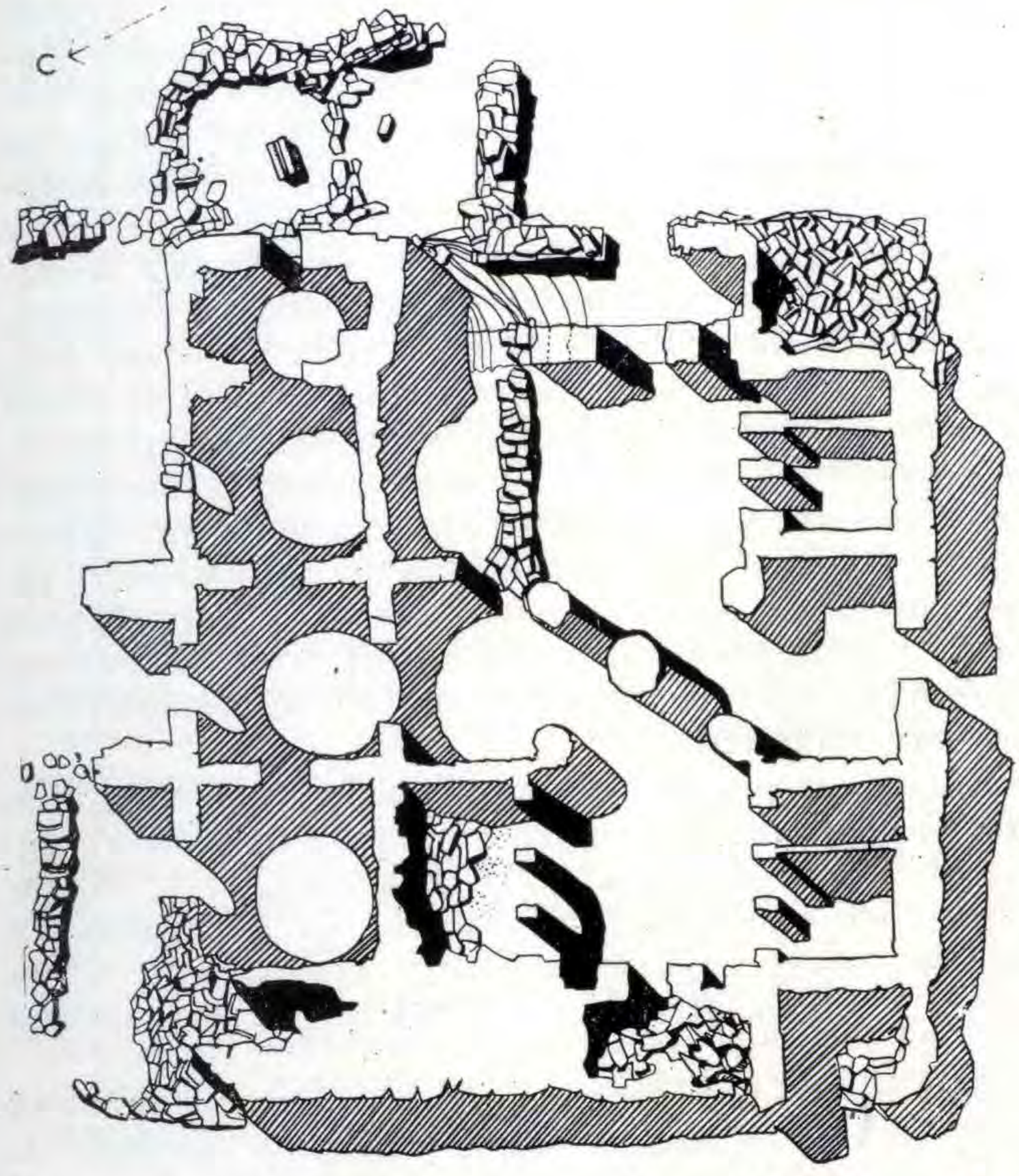
Все приведенные исторические сведения и народные предания дают основание датировать комплекс мечети Шопан-ата концом XII— началом XIII вв., когда началось проникновение первых проповедников суфизма в глубинные уголки Дешт-и-Кипчака.

НЕКРОПОЛЬ ХАНГА-БАБА

Некрополь Ханга-баба расположен в одноименном урочище в 30 км к востоку от форта Шевченко, на трассе древней караванной дороги, ведшей в Хорезм, также, возможно, достаточно древней.

Т. Г. Шевченко, посетивший этот некрополь в пятидесятых годах XIX в., сделал зарисовку общего вида его центральной части. При сравнении рисунка с современным состоянием некрополя можно заметить значительные изменения: пирамидальная меловая гора теперь превратилась в пологий холм, портально-купольный мавзолей — в руины, в карагачевой аллее появились надгробные памятники (илл. I на с. 105).

Полковник Н. П. Ломакин, производивший в 1870 году рекогносцировочное обследование Мангышлака, писал, что «в Ханга-баба находятся несколько меловых гор и большие залежи алебастра. Тут была прежде большая туркменская мечеть, при ней несколько школ и странно-прием-



Туркменская мечеть на некрополе Ханга-баба. План. Обмер 1973 г.

Туркменская мечеть на накрополе Ханга-баба. Северный фасад. 1973 г.

ный дом, остатки стен коих видны еще и теперь. По склонам оврага, опускающегося к этим развалинам, растут около 800 тутовых деревьев, которые киргизы берегут и считают за грех отломить даже прутик от этих деревьев» (52, с. 11).

Описанная Н. П. Ломакиным ситуация в основном сохранилась до наших дней.

Обширная территория некрополя руслами оврагов делится на три части. В первоначальном его ядре находятся туркменские и казахские памятники. Вероятно, несколько позже возникла вторая группа захоронений. В третью группу входят туркменские малые формы надгробий.

Все туркменские малые формы надгробий, по С. П. Полякову, делятся на два основных вида: плоские стелы и вертикальные каменные плиты, которые называются «фертами» и обычно ставятся по одной или по две над могильной насыпью; так называемые «пирамидки», представляющие собою прямоугольные призмы или цилиндрической формы бруски, установленные на ступенчатом пьедестале или на высоких каменных ящиках (75, с. 48, 53).

Туркменские стелы-ферты, встречаемые изредка на мангышлакских некрополях, не имеют ничего общего с казахскими кулпытасами. «Койтасы» напоминают «рогатые пирамидки» объемной структурой и изображением рогов архара, но мотив рогов известен у всех тюркских племен Средней Азии. Туркменские малые формы далеки от геометрической формы пирамиды. «Пирамидки» лишены декоративной обработки, за исключением изображения кривой сабли или эпитафии в виде цитат из корана, поэтому их легко отличить от подобного рода казахских памятников. Памятники сагана-тамы у туркмен не встречаются.

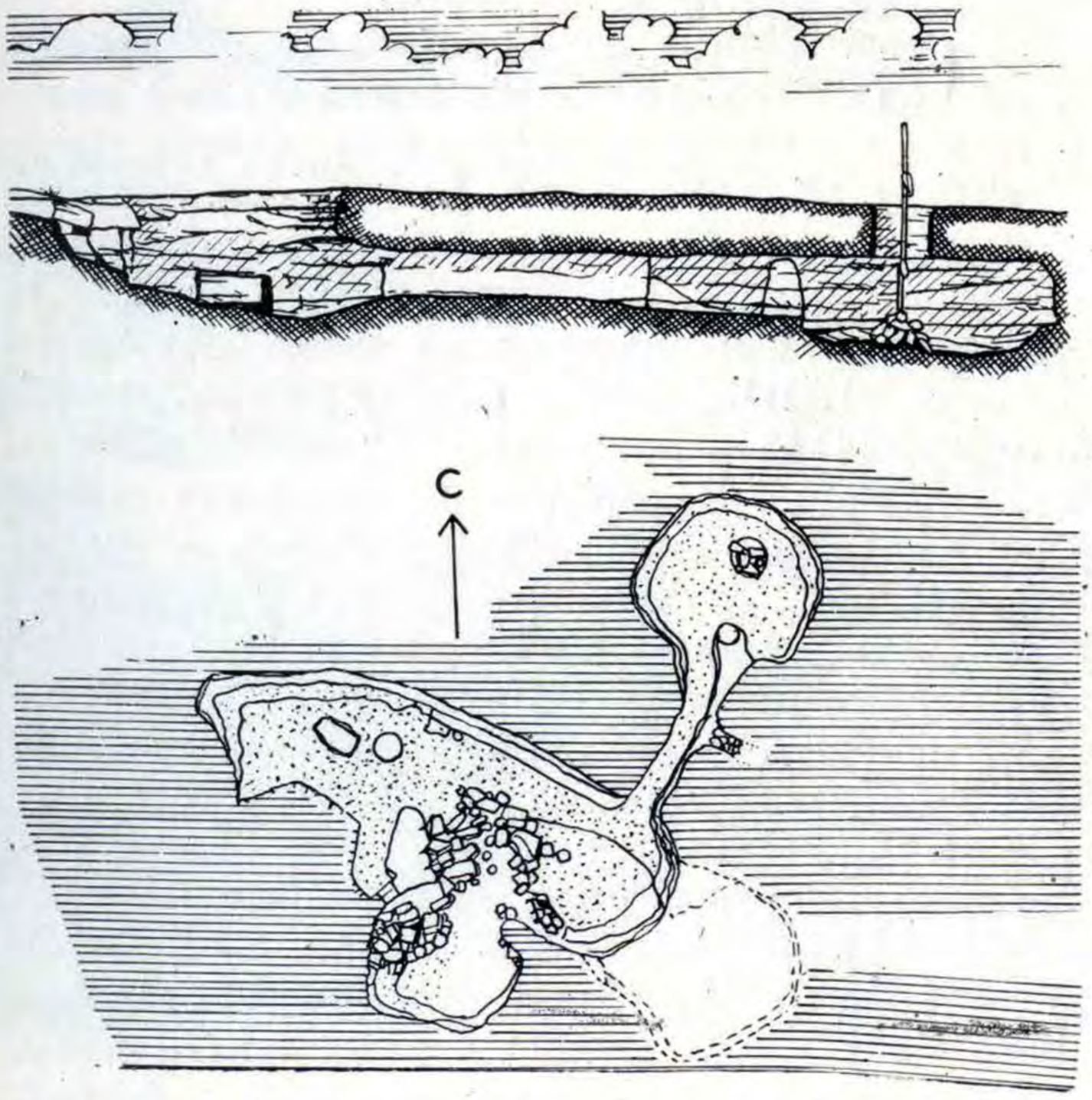
Развалины старой мечети, расположенные во второй части некрополя, главным фасадом обращены на прямоугольный двор, огражденный полуразрушенным глинобитным дувалом. Общий контур плана мечети представляет собой близкий к квадрату прямоугольник, вытянутый длинной стороной с юго-запада на северо-восток. Большой комплекс помещений мечети был расположен по двум взаимно перпендикулярным осям. По продольной оси за арочным порталом, обращенным на север, находится купольный вестибюль (3,64×3,58 м), покрытие которого сильно разрушено. По обе стороны от него анфилада небольших квадратных комнат, видимо, имевших служебное назначение. Некоторые из них были жилыми. В центре молитвенного зала, расположенного за вестибюлем, сохранилась нижняя часть мощного столба, служившего вместе с четырьмя угловыми пилонами опорой сводчатого покрытия или диагональных балок плоского перекрытия. По периметру молитвенного зала также размещены жилые и служебные помещения. В восточном и западном торцах зала устроены узкие айваны и хозяйственные помещения. Пристроенные к восточной стене мечети захоронения возникли позднее.

Стены мечети, имевшие разную толщину, были сложены из плоских мелких каменных плит и булыжников на глиняном растворе. Ни в одном помещении не сохранились полностью перекрытия, лишь кое-где остались фрагменты сводчато-купольного покрытия. Судя по этим фрагментам, куполы центральной группы помещений имели полусферическую форму,

выложенную методом кольцевой кладки с постепенным напуском рядов. Арочные проемы окон и дверей, в большей части теперь заложенные камнями, были выполнены клинчатой кладкой и имели стрельчатые или эллиптические очертания.

НЕКРОПОЛЬ И ПОДЗЕМНАЯ МЕЧЕТЬ КАРАМАН-АТА

Некрополь Караман-ата находится в центральной части полуострова Мангышлак, в 5 км западнее урочища Кандыбас и занимает пологие склоны невысокой возвышенности. В западной части некрополя вблизи от перекрестка грунтовых дорог находятся подземная мечеть Караман-ата, туркменские стелы — кулпытасы и полуразрушенный шестигранный мавзолей. Северо-восточную и центральную части некрополя занимают многочисленные купольные и бескупольные мавзолеи, стелы, построенные адаевцами во второй половине XIX — начале XX вв. Среди них выделяется крупный купольный мавзолей Шойнбая, возведенный в 1914 г. артелью Умира Карина. При подходе к некрополю обращает на себя внимание новый мавзолей, расположенный в северо-восточной части казахской половины некрополя. Он возведен в 1970 г., как указывает надпись, «молодым талантливым мастером Толегеном Каунарулы над могилой Сейсена Кенебаева». Кубовидный объем, поставленный на высоком цоколе и увенчанный шлемовидным куполом на стройном цилиндрическом барабане, придает памятнику торжественный вид, что до некоторой степени оправдывает самовосхваление автора.



Разрез и план подземной мечети Караман-ата. Обмер 1973 г.

Подземная мечеть Караман-ата, вырубленная в пологом склоне небольшого холма, состоит из трех основных помещений. Это входная комната, северо-западная стена которой обрушилась и завалила коридор, превратив его в пологий пандус, и длинного помещения молитвенного зала, вытянутого с юго-востока на северо-запад (23×6 м), западная стена которого слегка закруглена. В зале оставлены два целика и устроен круглый столб, предназначенный для обеспечения прочности потолочной толщи грунта. Сделано это было не напрасно, так как средний большой целик вместе с потолочной толщей обрушились, завалив значительную часть молитвенного зала. Из-за неглубокого заложения все помещения мечети имеют низкую высоту стен. Полы покрыты наносной массой из глины и песка, попавшей с водою через входы и межпластовые трещины грунтов. В северо-восточной части мечети расположено третье круглое в плане помещение, в котором, по преданию, находится склеп Карамана-аты. Длинный коридор связывает его с молитвенным залом. Общее запущенное состояние, видимо, объясняется удаленностью памятника от населенных пунктов.

В казахских и каракалпакских сказках и легендах часто встречается имя Караман, но ни один из этих персонажей не относится к сословию ходжей, из среды которых обычно выходили служители религии. Так, в одной казахской сказке это имя носит одноглазый великан-людоед, которого батыр Исим обхитрил и убил (39, с. 157). В каракалпакской легенде Караман — жадный и злой туркменский бай, который за клевету и оскорбление Ходжи Ахмеда Ясави был проклят и превращен шейхом в собаку-людоедку (85, с. 96). Видимо, эти персонажи не могут иметь ничего общего с благочестивым Караманом-ата, который, по народным преданиям, считается святым отцом — аулие. В туркменской легенде рассказывается, что в то время среди туркмен жили два брата — Акман и Караман. Они, как святые, пользовались большим авторитетом в народе. После ссоры с Ходжой Ахмедом Ясави они увели своих сородичей — самыров на запад, на Мангышлак. Комментируя этот вариант легенды, исследователь А. Джикиев пишет: «В этих преданиях наряду с некоторыми вымышленными рассказываются о событиях, имевших место приблизительно в XIII—XIV вв., когда часть огузов покинула низовья Сыр-дарьи... На Мангышлаке имеется местность Караманлы с колодцем того же имени» (31, с. 47).

Вариант легенды, зафиксированный А. Джикиевым, отражает исторический факт переселения части огузов-туркмен на Мангышлак, но в ней получается большой разрыв во времени между ссорой туркмен с Ходжой Ахмедом Ясави и их откочевкой на полтора-два столетия, что, вероятно, не так. Ссора между ними могла произойти при жизни Ходжи Ахмеда, умершего в 1166 г. Если так, то откочевка туркмен должна быть не позже конца XII — начала XIII вв.

В таком случае некрополь Караман-ата может быть датирован в пределах XIII века.

НЕКРОПОЛЬ И МЕЧЕТЬ БЕКЕТ-АТА В БЕЙНЕУ

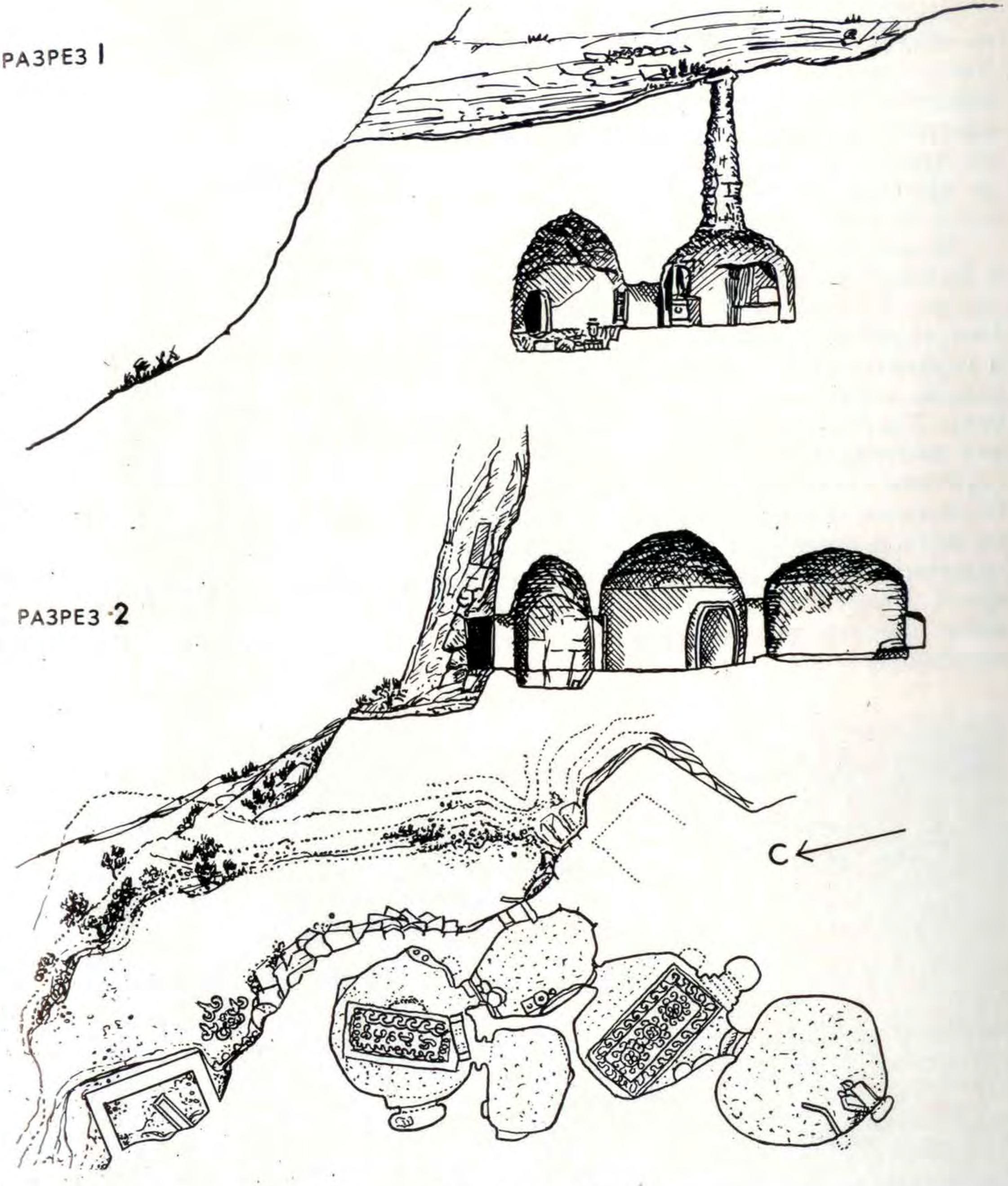
Старый Бейнеу — небольшой населенный пункт, состоявший еще до недавнего времени из нескольких сырцово-глинобитных домиков чабанов, расположен в том месте, где древний караванный путь, ведущий в низовья реки Эмбы, поднимается на Устюрт. Здесь находится родник, которому обязаны своим возникновением населенный пункт и древний некрополь. После трудного перехода через прикаспийскую солончаковую пустыню путешественники останавливались у этого благодатного родника. Возможно, что здесь имелся и караван-сарай, но следов его не обнаружено.

Юго-западнее от родника и домиков чабанов находится обширный некрополь, разделенный руслами двух оврагов на две половины. Древняя часть некрополя расположена за вторым, западным, большая часть ее памятников — сильно разрушенные малые формы надгробий и группа поздних сагана-тамов XX в. Вторая половина некрополя находится на высоком мысе, образованном пологими склонами двух оврагов. Памятники этой части некрополя сохранились лучше и могут быть ориентировочно датированы XVI—XIX вв. (илл. 2 на с. 106).

По народному преданию и отрывочным сведениям письменных источников, на протяжении всего средневековья здесь посменно кочевали огузы, кипчаки, ногаи, башкиры, туркмены и родо-племенные группы казахов — адаи, тама, табыны, кете, серкеши, берш и другие, а также в первой трети XVIII в. калмыки. Следовательно, наиболее древние надгробные памятники бейнеуского некрополя могли быть построены огузо-кипчакскими и кипчако-ногайскими племенами. Из-за сильного разрушения определить время их строительства и этническую принадлежность, за исключением одного, древнего койтаса с тамгой кипчаков «II—Косалиф», практически невозможно. Большинство хорошо сохранившихся памятников, датируемых серединой XVIII — началом XX вв., имеет родовые тамги.

Подземная мечеть Бекет-ата вырублена в массиве скального мыса. У входа в мечеть, ориентированного на юго-запад, недавно местным жителем Мынжасаром Бектлеуовым, который считается потомком Бекета-аты в шестом колене, построен колодец.

Главное помещение мечети круглое в плане (диаметр около 4,5 м). Потолок имеет форму плоского купола. В целом интерьер имитирует казахскую юрту. Судя по наличию михрабной ниши на юго-западной стене, это молитвенный зал. С западной стороны к нему примыкает полукруглое помещение, в котором за угловыми пилонами уровень пола поднят наподобие суфы. Очевидно, это помещение предназначалось для отдыха паломников. С северной стороны зал связан широким проходом с третьим помещением, не уступающим ему по величине. Назначение этого помещения не совсем ясно. Оно могло быть или дополнительной площадью молитвенного зала или складским помещением. Обычно по пути кочевки с Мангышлака на Эмбу устраивали подземные склады для хранения громоздких вещей (74, с. 263). Узкий дверной проем этого помещения связывает его еще с одним — четвертым, примыкающим к нему с



План и разрезы подземной мечети Бекет-ата в Огланды.

восточной стороны. Стены и потолок последнего обрушились, а на полу обнаружены обломки надгробных памятников.

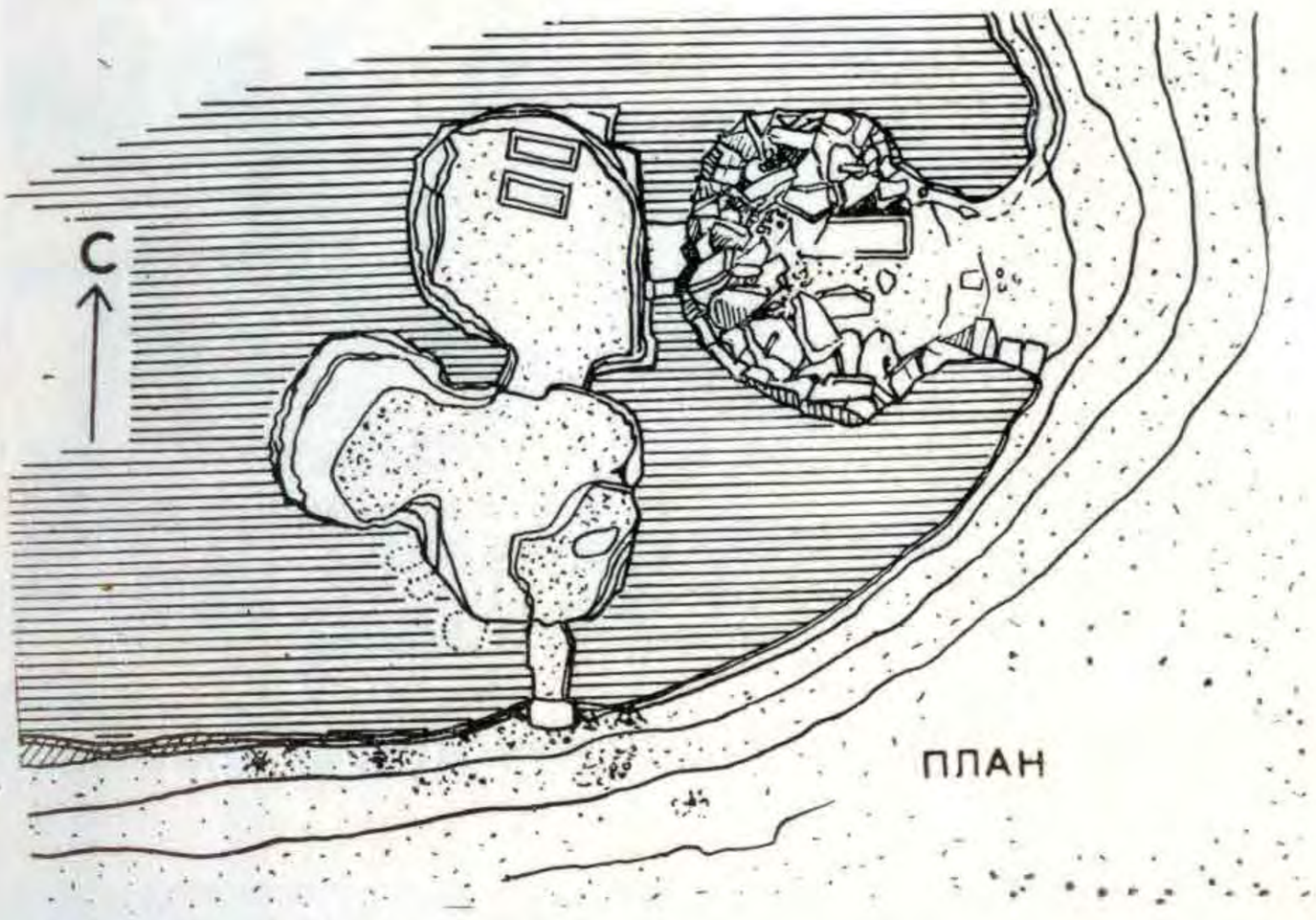
Стены всех помещений мечети гладко отесаны и не имеют следов декоративного оформления, за исключением неглубоких ниш для светильников. По опрятному содержанию видно, что местное население оберегает этот памятник.

По народным преданиям и письменным источникам, Бекет-ата жил во второй половине XVIII века, в молодости учился в одном из медресе Хивы, достигнув сорока лет, стал суфием и начал обучать детей мусульманской грамоте; отличался богатырской силой и в битвах с калмыками совершил немало подвигов; при решении спорных вопросов с туркменами проявлял мудрость, приводившую обе стороны к согласию; прожил до преклонного возраста, умер примерно в 1813 г.; был похоронен в урочище Огланды возле построенной им подземной мечети.

В местах сезонных пастбищ им построено четыре подземные мечети в Бейнеу, Ак-мечети на Эмбе, Устюрте, вблизи Аральского моря и в Огланды (74, с. 143). Из них наиболее крупной является мечеть в Огланды. Она вырублена в среднем ярусе высокой скалы, уступами спускающейся в глубокую лощину, густо заросшую кустарником. Узкие и крутые ступеньки ведут на небольшую площадку, устроенную перед входом в мечеть. Участок скалы, в котором вырублен входной проем — лаз, укреплен подпорной стенкой. Первое помещение — вестибюль, освещенный глубоким световым люком, пробитым в центре куполообразного потолка. С западной стороны вестибюля находится молитвенный зал с михрабом на южной стене, а с юго-восточной — два анфиладно расположенные помещения, видимо, жилые. Все они в плане имеют форму неправильного круга. Высота их колеблется от 2,7 до 3,5 м. Стены с несколькими плоскими нишами для светильников гладко отесаны. В двух помещениях выровнены полы.

Мечеть Бекет-ата в Огланды. XVIII в. Восточный фасад со стороны обрыва. 1973 г.

РАЗРЕЗ



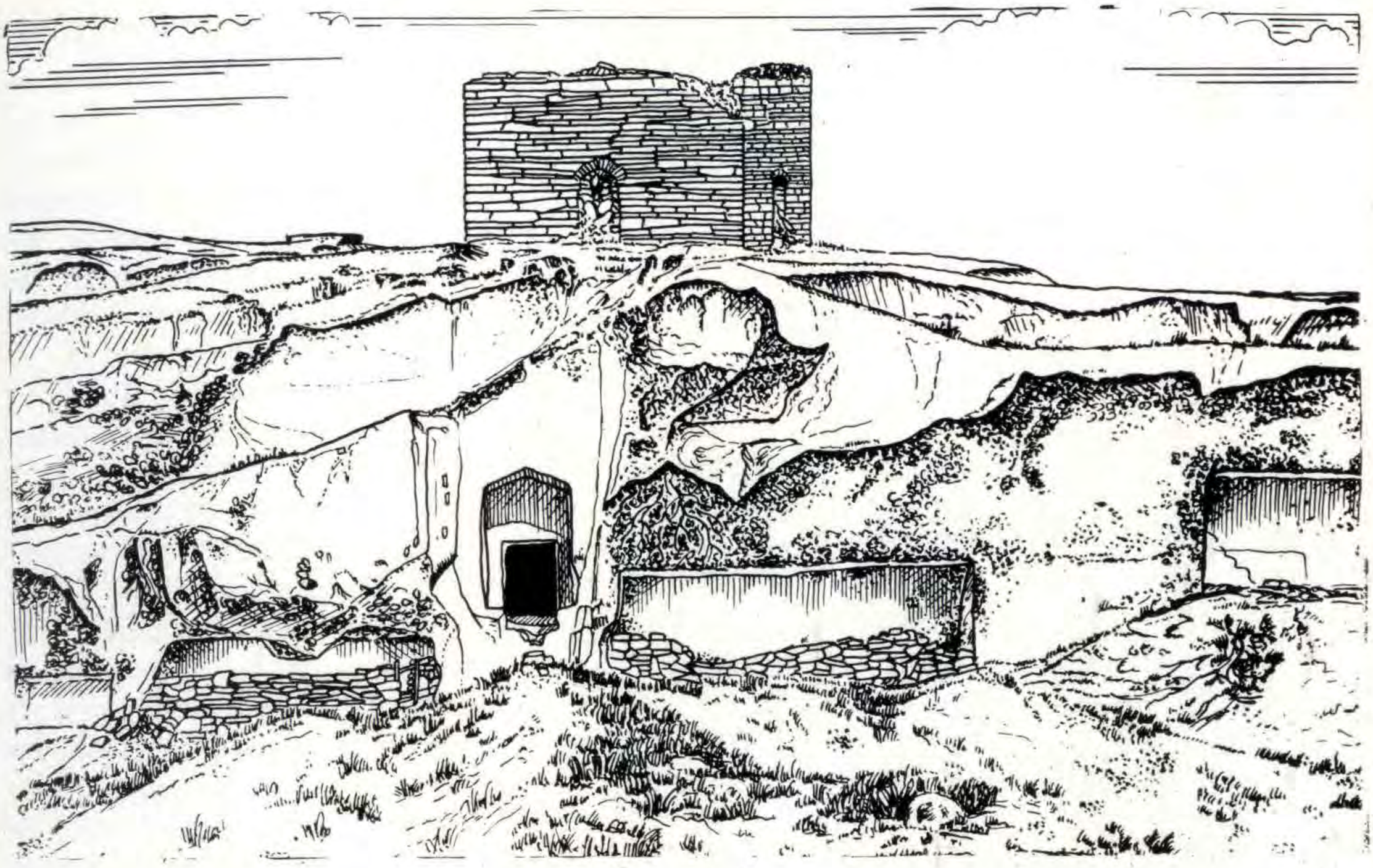
ПЛАН

План и разрез подземной мечети Бекет-ата в Бейнеу. Обмер 1973 г.

Укрепление входной части подпорной стены и глубокое заложение помещений обеспечили сохранность этой мечети в отличие от других подземных мечетей Устюрта.

НЕКРОПОЛЬ И МЕЧЕТЬ ШАКПАК-АТА

Мечеть Шакпак-ата, имеющая в плане форму латинского креста, вырублена в толще скального мыса, образованного руслами двух оврагов, опускающихся по склону горы Унгазы с юга на северо-запад, к заливу Сары-тас Каспийского моря. В концах длинной ветви креста, вытянутой с запада на восток, устроены два входа в мечеть: западный, к которому ведет высеченная в скале лестница, и восточный, имеющий служебное назначение. Портальная ниша главного входа имеет форму треугольной арки. Внизу справа и слева от входа устроены погребальные ниши, укрепленные снизу подпорными стенками. За дверным проемом и расположенным за ним коротким проходом находится просторный аван-зал (4,5×3,22 м). Его пол и потолок имеют уклон — понижение в сторону входа. Поперечная часть креста расположена ближе к западной входной группе помещений.

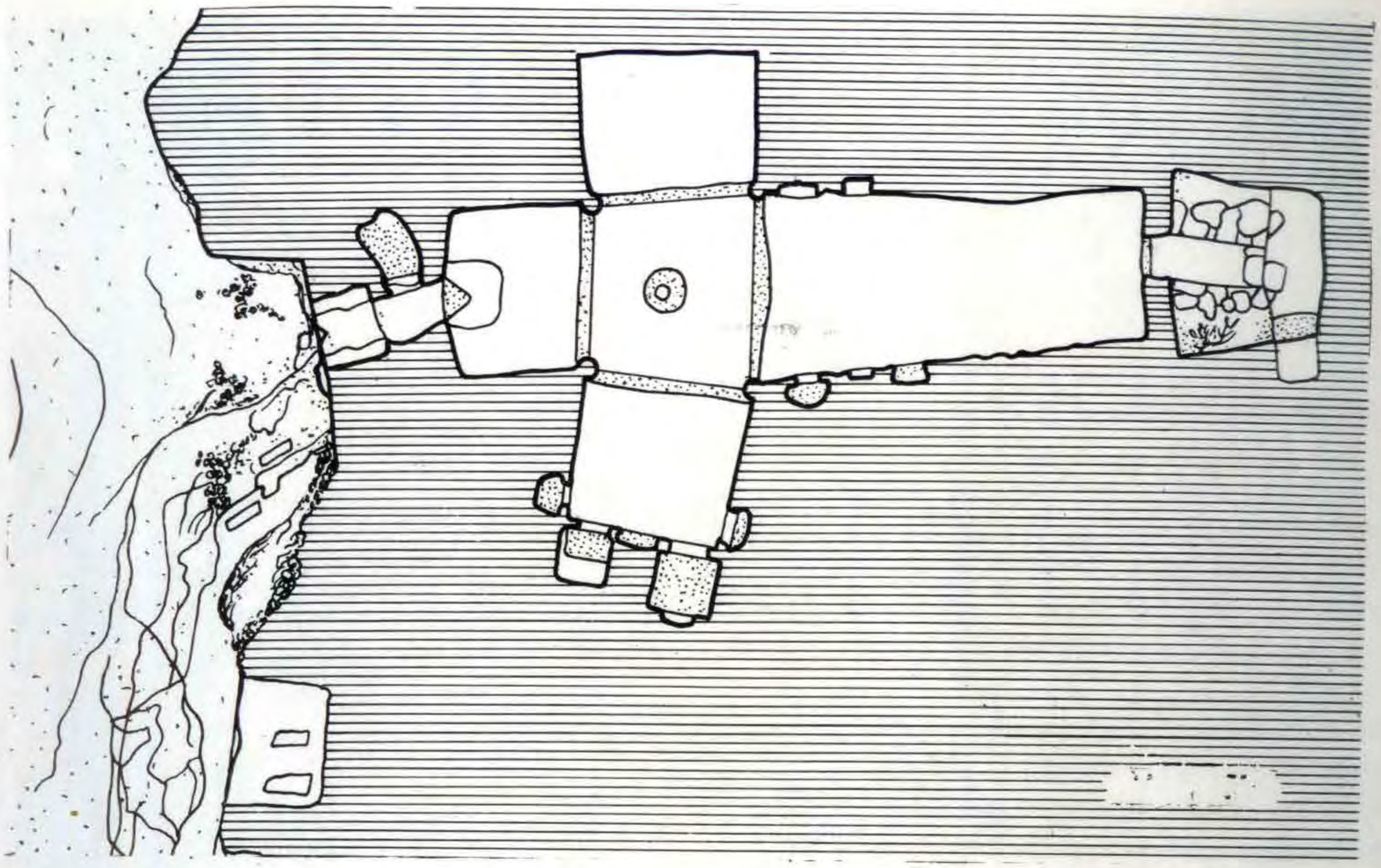


Скальная мечеть Шакпак-ата. Общий вид с запада. Мангышлак. Первая половина XIV в.

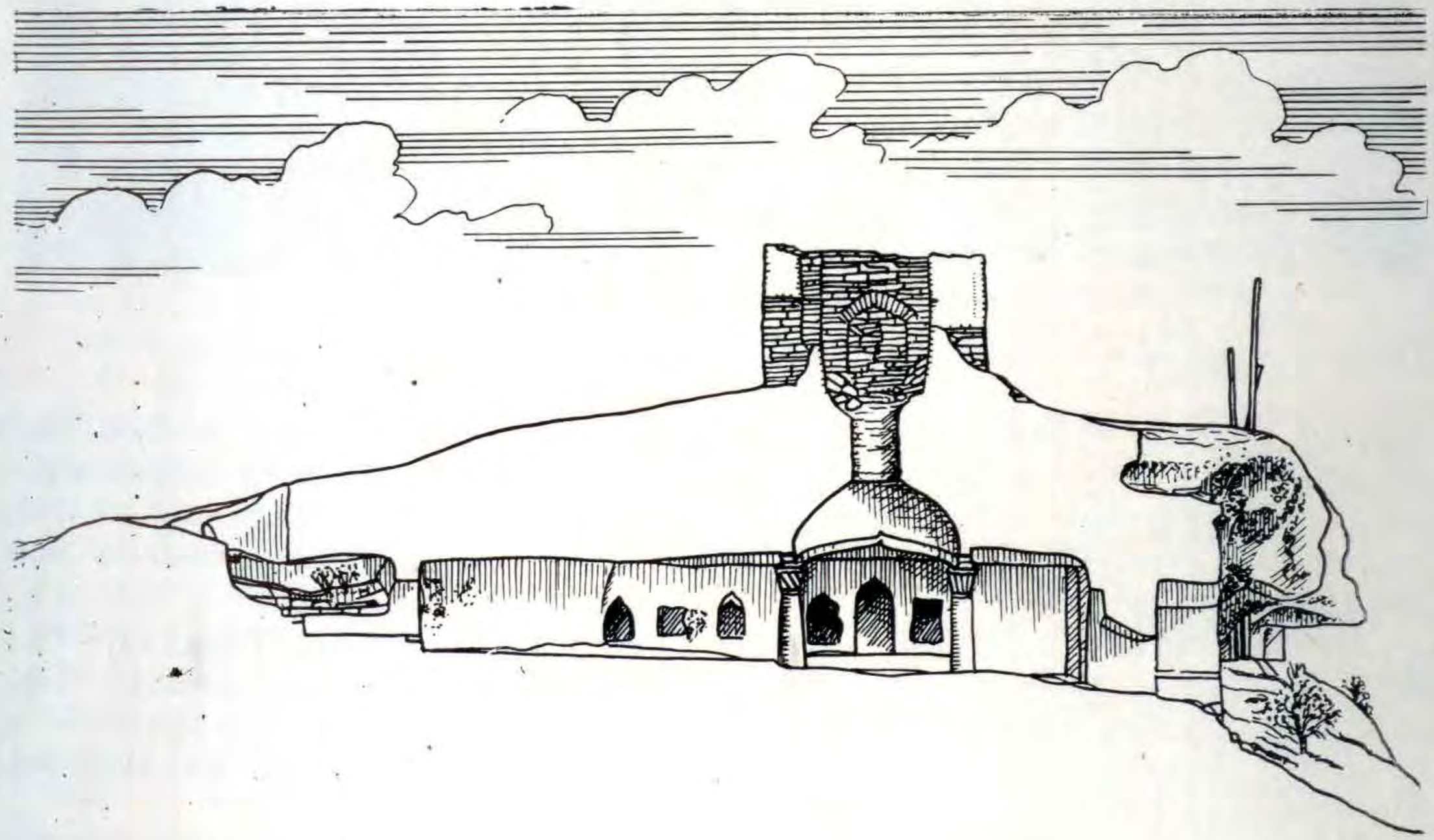
Центр интерьера — средокрестие, близкое по форме к квадрату (4,5×5 м), выделенное полусферическим куполом и четырьмя угловыми трехчетвертными колоннами без баз с несколько тяжеловесными пропорциями — 1:4. Между колоннами ложные подпружные арки эллиптического очертания. В зените купола вырублен световой люк диаметром 1,2 м и высотой 5 м. Снаружи над ним был возведен квадратный павильон, служивший защитой от атмосферных осадков и башней-минаретом. В настоящее время его верхняя часть разрушена, высота сохранившихся стен — 3,9 м.

Судя по массе обрушившейся части и наличию остатков винтовой лестницы, можно предположить, что павильон имел значительную высоту и покрытие, над которым, возможно, была башенка-фонарь наподобие обычного завершения минаретов. Три оконных проема, перекрытые клинчатыми стрельчатыми арками, а теперь частью заложенные, косвенно подтверждают существование покрытия над стенами павильона.

Концы поперечного зала представляют собою просторные помещения, отделенные от центрального зала устройством суф, которые несколько приподняты над уровнем пола центрального зала. Интерьер мечети не имеет элементов декоративного оформления, за исключением названных колонн и арок центрального зала. Стены двух главных залов и боковых помещений вчерне отесаны. Стены портала и ниши испещрены разновременными надписями, контурными изображениями лошадей, быков, рас-



Скальная мечеть Шакпак-ата. План. Обмер 1973 г.



Мечеть Шакпак-ата. Продольный разрез. Обмер 1973 г.

Рисунки и надписи на стене ниши портала. Подземная мечеть Шакпак-ата

крытой ладони, трилистника. Среди надписей выделяется суфийское стихотворение, в котором говорится о бренности этого мира и кратковременности человеческой жизни и т. д. Оно было начертано, видимо, после окончания строительства мечети и оказалось важным источником для датировки памятника.

Вторая группа надписей «башим Бердимухаммед уста Тархан», «башим Мухаммед Бахи-Хафиз» и т. д.— подобие фамильных печатей. Рисунки животных, лошадей, быков могут быть разделены на древние и поздние. Подобные рисунки встречаются на надгробных памятниках Мангышлака (илл. 3, 4 на с. 107).

Изображение человеческой раскрытой ладони — пятерни, по нашему мнению, следует считать суфийским оберегом, защищающим священное место от нечистых сил — чертей, дьяволов и прочих враждебных чело-

веку персонажей религиозной мифологии. Можно указать на ряд подобных примеров. Так, изображение руки Фатимы — дочери пророка Мухаммеда было настолько традиционным у мусульман Северной Африки, что впоследствии вошло в государственный герб Алжира (78, с. 32). Символическое изображение руки почитаемого человека встречается на фасадах жилых домов в Южной Туркмении, например, в селе Багар в предгорьях Копет-дага (99, с. 10).

А. Г. Медоев, обследовавший комплекс Шакпак-ата в 1966—1968 гг., датировал его IX—X вв., подкрепляя такую датировку рассуждением, что «сельджуки, по определению В. В. Гордлевского, бесстрашно уклонялись от мусульманского ригоризма, допуская изображения живых существ — птиц и животных» (61, с. 54).

На наш взгляд, изображение живых существ не может быть надежным аргументом для датировки памятников в историко-культурных условиях Казахстана, ибо это древне-тюркская традиция, унаследованная казахами от кипчаков, не прерываясь на протяжении веков, дошла до нашего времени. Это общеизвестный факт, достаточно отраженный в письменных источниках и многочисленных памятниках Казахстана.

Развивая тезис о сельджукском происхождении искусства (архитектуры — *М. М.*) Мангышлака, А. Г. Медоев делал следующее заключение: «Искусство Мангышлака отличается гармоническим сочетанием автохтонных традиций необычайного своеобразия со знакомыми тенденциями древнего и средневекового искусства стран Каспийского бассейна. Доминируют в этом далеком от эклектики сплаве традиции сельджукского искусства (XI—XIII вв.)» (61, с. 52).

Были ли вообще сельджукские огузы на Мангышлаке и Устюрте, и если были, то в какое время? Известно, что в IX—X вв. Каспийское побережье, Большие Балханы, Мангышлак и Устюрт были заняты язырским объединением огузов (35, с. 199). Сельджукская группировка огузов, поссорившись с Янги-Кентским ябгу, переселилась в г. Дженд, где в 992 г. умер Сельджук. Его сыновья и внуки, окончательно победив в 1040 г. газневидов, образовали империю сельджукидов. С этого времени, по словам В. В. Бартольда, различается три ветви огузов: сельджукские, балханские и иракские, которые были разобщены между собою (10, с. 567—570).

О судьбах огузов, оставшихся в Средней Азии, В. В. Бартольд писал: «Чувствуя себя более мусульманскими, чем турецкими государями, сельджукские султаны не обращали большого внимания на эту окраину своей империи, не препятствовали занятию ее части турецким народом, кипчаками. Сельджукские султаны были совершенно равнодушны к судьбе огузского народа как целого и, наверное, не знали, что в 1065 г., когда Алып-Арслан действовал на Сыр-дарье, произошли переправы огузов через Дунай и их вторжение на Балканский полуостров» (11, с. 573). Сведения из приведенных письменных источников не подтверждают пребывания сельджукских огузов на Мангышлаке в IX—X вв., когда, по мнению А. Г. Медоева, была построена подземная мечеть Шакпак-ата. Однако сохранившиеся развалины отдельных памятников архитектуры показывают, что огузы-туркмены внесли определенный вклад в развитие зодчества Мангышлака, но его строительные приемы имеют чисто сред-

неазиатские истоки, не сходные с явным синкретизмом архитектуры Малой Азии сельджукского периода.

Как известно, замечание В. В. Гордлевского относилось к искусству сельджуков Малой Азии, поэтому механически переносить его на искусство сельджуков Средней Азии не следовало бы, так как общеизвестно, что на сельджукскую архитектуру Малой Азии в отличие от среднеазиатской сильное влияние оказала строительная культура сопредельных стран — Византии, Армении, Азербайджана.

Поиски литературных источников, исследование стилевых признаков архитектуры верхнего павильона и интерьера памятника не дали ориентирующих данных для его датировки. Так, клинчатые арки проемов верхнего павильона в архитектуре Средней Азии известны с периода раннего средневековья (VI—VII вв.) и продолжали повсеместно применяться и в позднем средневековье; имитация архитектурных форм интерьера (колонн, подпружных арок центрального зала) примитивна и не имеет определенных признаков какого-либо архитектурного стиля.

Визуальное обследование некрополя Шакпак-ата позволило лишь установить, что его территория делится на южную туркменскую и северную казахскую части с их характерными памятниками, представленными главным образом стелами-кулпытасами. В обеих частях некрополя имеются как древние, так и поздние надгробия, частично отмеченные родовыми тамгами, но лишенные датирующих эпитафий, за исключением поздних адаевских памятников.

В 1975 году 81-летний житель аула Шаир около села Карадуан на Мангышлаке Асарбай Есбулатов сообщил народное предание, связанное с именем Шакпак-аты. Согласно этому преданию, Шакпак-ата — не имя основателя мечети, а прозвище, данное ему за то, что в битвах с врагами от его оружия летели искры, как от кремня — шакпак-таса. Это вызывало панику у неприятелей, и они бежали с поля боя. Он был из ногайлинцев, кочевавших на Мангышлаке и вытеснивших отсюда калмыков и туркмен.

Другой информатор Айтуар Буркутов — житель поселка Таучик на Мангышлаке также подтвердил существование такого предания, предположив, что, может быть, это прозвище появилось в связи с наличием около мечети кремниевого камня.

Итак, по преданиям, основатель мечети Шакпак-ата жил в Кипчако-ногайлинский период —XIV—XVI вв. Время проникновения и упрочения мусульманской религии в этом регионе—также XIV в. Академик В. В. Бартольд писал: «Господство ислама окончательно установилось при Узбек-хане (1312—1342 гг.)» (11, с. 152). Известно, что для упрочения своей власти Узбек-хан поощрял деятельность проповедников мусульманской религии и оказывал им материальную помощь в строительстве культовых зданий. В городах Поволжья, в Старом Крыму (Солхате) им были построены мечети-медресе, названные его именем (91, с. 122). И вполне допустимо предположить, что и постройка мечети Шакпак-ата не обошлась без государственной помощи со стороны наместника Хорезма Туглук-Тимура, так как создание этого подземного сооружения не было под силу суфийской общине. Здесь требовались инженерные знания. На наш взгляд,

наиболее вероятное время сооружения этого уникального памятника — первая половина XIV в., когда относительно стабильное политическое положение и кратковременный подъем экономики в стране способствовали развертыванию широкого строительства. Это предположение подтверждается тем, что в тексте суфийского стиха, начертанного на стене портала мечети, встречаются слова, характерные для огузо-кипчакского литературного языка периода Золотой Орды.*

VII. НЕКРОПОЛЬ СЕЙСЕН-АТА

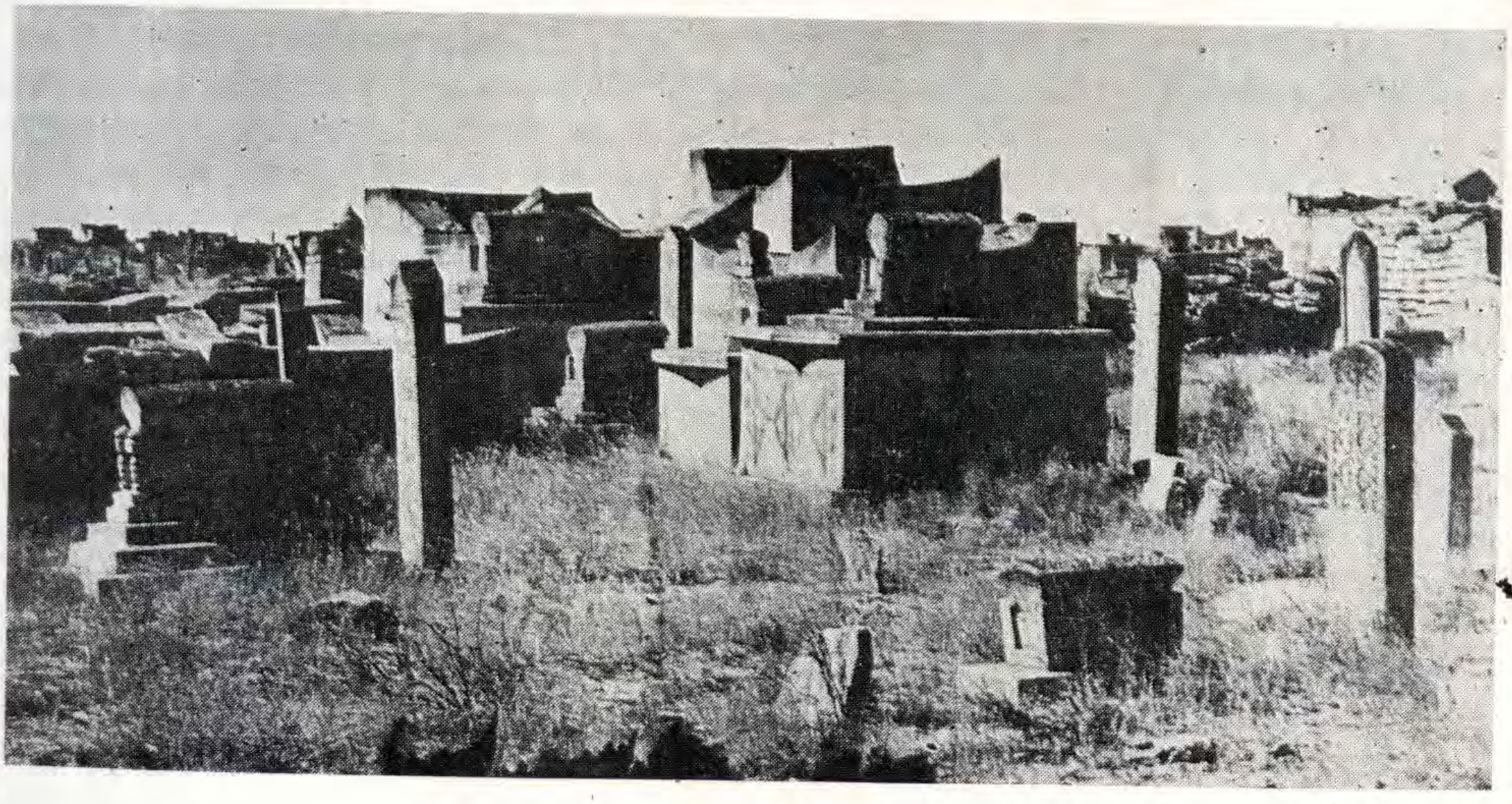
На территории Устюрта есть древние памятники, которые, как и мечеть Шакпак-ата, народные предания связывают с кипчако-ногайлинским периодом. Из них наиболее значительным является некрополь Сейсен-ата, находящийся в 2,5 км восточнее западного чинка Устюрта, обрамляющего восточные берега сора Кайдак. В литературных источниках впервые он упоминается в отчете первой русской военно-рекогносцировочной экспедиции 1825—1826 гг. под руководством полковника Берга. В краткой журнальной записи о нем сказано: «Это святое кладбище, состоящее из нескольких конусообразных каменных и земляных насыпей, но о древности их сведений нет, а судя по целостности их, надо полагать, что они принадлежат туркменам или первопришедшим сюда киргизам» (74, с. 263). Однако собранные нами материалы позволяют значительно отодвинуть время возникновения кладбища в глубь веков, примерно к XIV—XVI вв. Кроме развалин гробницы самого Сейсен-аты, к этому времени могут быть отнесены каменная скульптура шлема и надгробные стелы с изображением вооружения, связанные с военно-политическими событиями кипчако-ногайлинской эпохи в истории региона (илл. 5, 6 на с. 108).

Как показало обследование, историческое развитие некрополя от первоначального ядра шло в северо-восточном и южном направлениях. Обширный комплекс разнообразных по типологии надгробных памятников, сгруппированных в различных сочетаниях, ориентирован в сторону разрушенной гробницы Сейсен-ата в центре западного участка некрополя. Вблизи развалин гробницы Сейсен-ата, в юго-западной части некрополя, сохранились остатки стен мечети и жилого дома, где прежде проходили обряды поклонения. Более пятнадцати крупных купольных мавзолеев полукольцом обрамляют северную, восточную и южную границы обширной территории некрополя. Среди других древних некрополей Сейсен-ата выделяется сохранностью великолепных памятников, созданных вдохновенным трудом народных мастеров. Он представляет собою как бы музей народного зодчества под открытым небом, в котором особенно замечательны сагана-тамы, кулпытасы, койтасы и их гармонические сочетания.

---

* Консультация члена-корреспондента Академии наук Казахской ССР, профессора Г. Г. Мусабаева.

Некрополь Сейсен-ата. Развалины надгробия



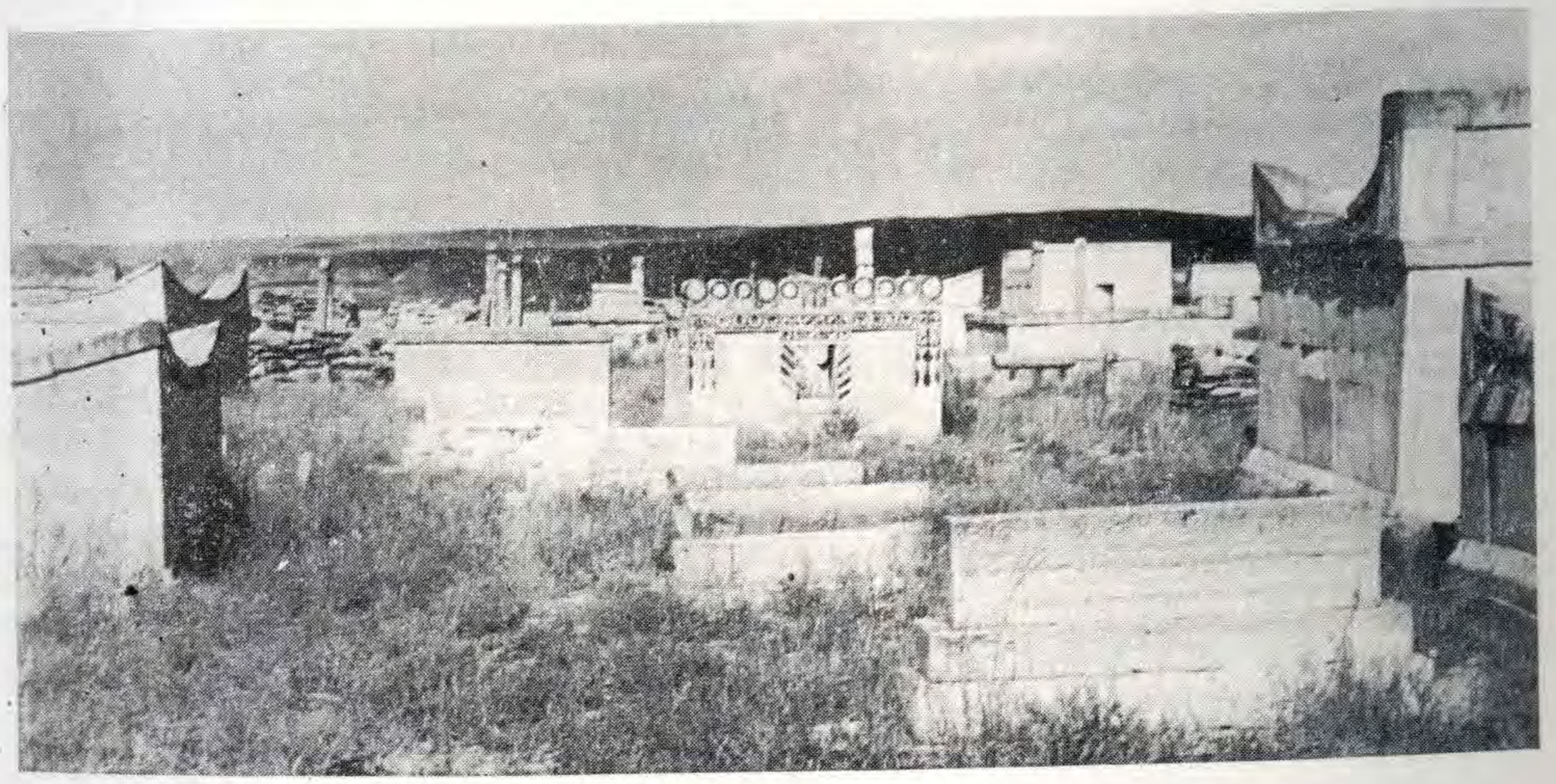
Некрополь Сейсен-ата. Северо-восточная часть. Фото 1952 г.

Каменный шлем. Некрополь Сейсен-ата. XIV—XVI вв. Фото 1952 г.

НЕКРОПОЛЬ КАМЫСБАЙ

Некрополь Камысбай, расположенный у подножия южных склонов Восточного Каратау, в 14—15 км от населенного пункта Шетпе, по рассказам местного населения, возник как родовое кладбище одного подрода адаевцев в конце XVIII— начале XIX вв. За полтора столетия оно застроено огромным числом надгробных сооружений традиционных типов.

Хорошая сохранность памятников и эпиграфики на них подтверждают указанное время возникновения некрополя. Все памятники построены из отесанных и отшлифованных каменных блоков и плит. В планировке



Некрополь Камысбай. Северо-восточная часть. Начало XX в. Фото 1952 г.

территории некрополя соблюден определенный порядок: два крупных и два малых мавзолея, расположенные параллельным уступом на юго-восток, образуют его центральное ядро. Система небольших открытых пространств, предназначенная, по-видимому, для совершения поминального жертвоприношения, создавалась почти на всей территории некрополя.

К сожалению, первоначальная идея планировочной связи между отдельными группами памятников была нарушена (илл. 10 на с. 111).

Архитектура большинства памятников некрополя отражает общий характер развития зодчества региона в конце XVIII— начале XIX вв., но несколько ранних памятников, расположенных в его центральной части, отличаются стилистически. Один из них — это монументальное величественное сооружение из крупных и мелких каменных плит, сложенных листами неправильной перевязкой швов, что придает ему черты архаики. Вероятно, он является фамильной гробницей Камысбая и его потомков (илл. 7 на с. 109).

Два небольших мавзолея, расположенные в этой же центральной части, также имеют необычное для памятников этого региона архитектурное решение. При небольших размерах фасады их расчленены слегка выступающими из плоскости стены тонкими рельефными полочками. Подобная отделка фасадов встречается на туркменских мавзолеях конца XVIII века, зафиксированных в середине XIX века Т. Г. Шевченко (илл. 8, 9 на с. 110).

Из рассмотренных восьми некрополей четыре возникли вокруг подземных мечетей или гробниц проповедников мусульманской религии, три — при долговременных стойбищах кочевников у родников и один — при могиле представителя подрода адаев.

Появление здесь подземных мечетей мы связываем с древней традицией строительства подземных культовых сооружений в Южном Казахстане, где они известны с XII в. Это Шилля-хан и Аулие-Кумчик-ата в г. Туркестане, пещеры в древнем Сайраме и в горах Казы-курт.

ГЛАВА II

РАЗВАЛИНЫ СТАРОЙ НОГАЙСКОЙ ДОРОГИ

Так называемая Старая ногайская дорога была главным путем торговых караванов из Средней Азии в Восточную Европу. Путь от Сарайчика на реке Урал до Куне-Ургенча может быть разделен на два главных отрезка: северный — от Сарайчика до северо-западного чинка Устюрта (Кос-Кудук) и южный — от Кос-Кудука до Куне-Ургенча. На северном отрезке дорога шла по пунктам — Сарайчик — Так-Кудук — Мост Таскешу через р. Сагыз — Ключ Кайнар — Бокаш-аулие на Эмбе — Ушкан-ата — Мынсуалмас (Кос-Кудук). Южный отрезок от Кос-Кудука поворачивал на юго-запад и проходил через Куптам, Сам, Чурук и узловой пункт Белеули, в направлении на Куне-Ургенч. На этом отрезке только два караван-сарая — Кос-Кудук и Куптам находятся в казахстанской части Устюрта, остальные — Чурук, Белеули, Кос-булак, Булак, Уч-Кудук и Пулжай — на территории Каракалпакии.

К началу XIX в.— к 1803 г., когда первый отрезок был обследован Оренбургской таможней, из многочисленных его построек в относительной сохранности находились подводный мост Таскешу на р. Сагыз, три крепости на северо-западном чинке Устюрта, и почти повсеместно — в Ушкан-ата, Кос-Кудуке, Куптаме, Саме и других местах отмечались развалины крупных зданий караван-сараев (27, с. 110, 111, 113).

О мосте Таскешу сообщалось, что «...речку сию проезжают по некоторого рода плотине из тесаных белых камней, сделанных так, что вода поверху потечет, имея глубину не меньше четырех вершков. Строение сие по словесным традициям есть одного из Чингизхановских сынков» (27, с. 109).

Обследование моста Таскешу в 1973 г. показало, что от его пролетного строения остались лишь отдельные блоки ракушечника, обнаруженные на болотистом дне речки, и части левобережного устоя, сложенного из жженого квадратного кирпича и каменных плит.

Около моста существовало еще одно сооружение, которое офицер генерального штаба русской армии Л. Мейер, побывавший здесь в 60-е годы XIX в., считал крепостью и о ней писал: «На этом пути особенно замечательна крепость Таскечу на р. Сагызе, построенная, очевидно, с целью обеспечения переправы караванов через речку... По времени существования и материалам построек ближе к упомянутой крепости подходит часть развалин на Сыр-Дарье. Здесь мы встречаем одинаково хорошо сохранившийся квадратный кирпич». (62, с. 785). Вероятно, Л. Мейер имел в виду обожженные квадратные кирпичи из развалин башен цитадели и

древних мавзолеев некрополя г. Джанкента, отмеченные и другими исследователями прошлого века. (72, с. 24).

В 1950 г. Уральско-Устюртский отряд Хорезмской археолого-этнографической экспедиции около Таскешу обнаружил и обследовал остатки караван-сарая, построенного из крупного квадратного кирпича (28×28×6 см). Здание имело прямоугольный план (42×45 см) с внутренним двором, окруженным жилыми и подсобными помещениями (87, с. 15, 16).

Если бы в свое время были построены оба здания — караван-сарай и крепость, то археологический отряд названной экспедиции мог бы обнаружить и остатки крепости. Видимо, речь идет об остатках одного памятника — укрепленного караван-сарая. Ко времени посещения экспедиции в 1973 году не удалось найти следов никаких наземных построек. Только восточнее переправы, на левом берегу речки, находилась приподнятая площадка, на которой были расположены несколько домиков с хозяйственными постройками и новый колодец, облицованный плитами ракушечника из развалин Таскешу. Может быть, это тот участок, на котором лежали остатки караван-сарая. Как бы то ни было, в строительстве этого сооружения был использован обожженный квадратный кирпич, подобный кирпичам сырдарьинских разрушенных построек.

Обожженный квадратный кирпич использовался также в строительстве караван-сарая в Ушкан-ате, Мынсуалмасе, Саме, Кунтаме и в облицовке колодцев от Сарайчика до Устюрта (74, с. 263—264; 12, с. 25).

Постройки южного отрезка дороги в большей части были сооружены из местного материала — ракушечника или известняка. Развалины караван-сарая Кос-Кудук, расположенные у северо-западного чинка Устюрта, в 1950 г. обследовались археологическим отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. По данным этого исследования, здание квадратное в плане (40×40 м) было ориентировано углами по сторонам света. Стены его были сложены из крупных каменных блоков на алебастровом растворе. Кроме того, при разведывательных раскопках отдельных помещений были обнаружены фрагменты конструкций перекрытия. Большие или квадратные помещения перекрывались куполами, а помещения небольших размеров — сводами балхи (87, с. 15).

Из однотипных караван-сараев Устюрта лучше других сохранился и изучен расположенный в крупном узле караванной дороги — в Белеули. Он состоит из укрепленного здания караван-сарая, большой группы сардов и хорошо оборудованных колодцев (86, с. 248, 263).

Краткие сведения о памятнике содержатся в трудах русских ученых дореволюционного периода — в «Топографии Оренбургской...» (часть II, СПб., 1762) П. И. Рычкова, «Описании киргиз-казачьих и киргиз-кайсацких орд и степей» (часть I, СПб., 1832) А. И. Левшина, «Описании Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковой крепости» (Записки ИРГО, 1861) В. В. Григорьева и других.

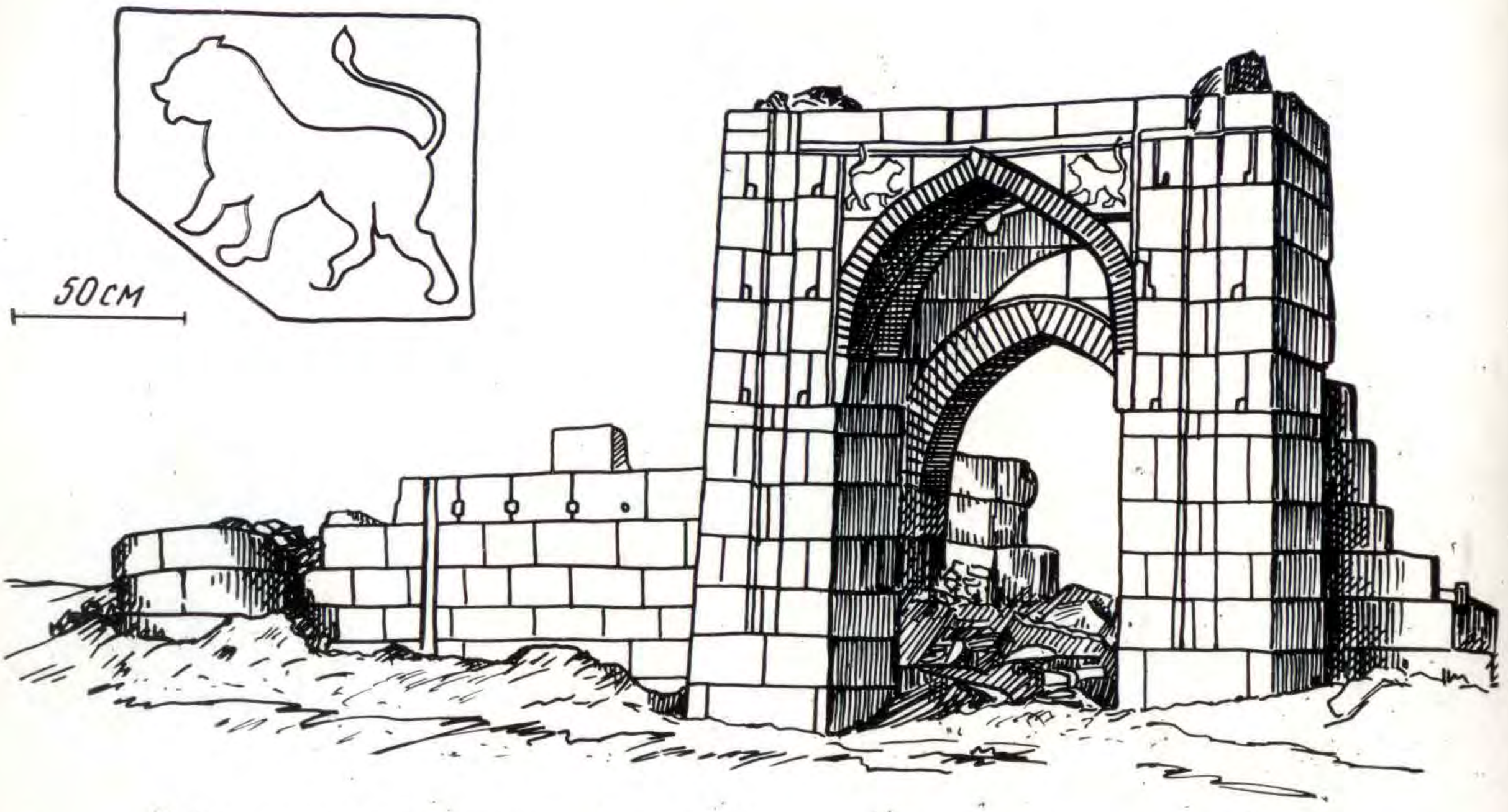
Первое подробное обследование караванного пути из Средней Азии в Восточную Европу и караван-сарая в Белеули было сделано в 1946 году сотрудниками Хорезмской археолого-этнографической экспедиции во главе с известным советским археологом С. П. Толстовым.

Сооружения в районе Каратау на Мангышлаке. XVIII в.

В результате изысканий разведочного отряда этой экспедиции на северном отрезке дороги в 50-е годы и экспедицией Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР в 70-е годы были дополнены и уточнены архитектурно-строительная характеристика и датировка всего комплекса построек (53, с. 112). По уточненным данным, здание караван-сарая в Белеули имело прямоугольный план (35,3×29 м), было ориентировано углами по сторонам света. Наружные его стены, местами сохранившиеся на высоту 1,5—1,7 м, были возведены из крупных блоков известняка на алебастровом растворе, размеры которых варьируются от 0,81×0,36× ×6,52 до 2×0,4×0,7 м.

Стены были трехслойные — из двух параллельных блоков и забутовки из отходов строительного материала и щебня. Углы здания были укреплены башнями диаметром около 3,2 м. В центре юго-западной стены находился въезд во двор караван-сарая, подчеркнутый монументальным порталом. Его сохранившаяся высота — 7,66 м. Свод стройной стрельчатой арки портала, перекрывающий пролет 3,8×1,92 м, выложен из каменных плит кирпичного формата на алебастровом растворе. По центру остальных стен, с выступом от них на 1,32 м, были построены полукруглые башни. Планировка помещений караван-сарая типична для этого вида зданий. Жилые комнаты, служебные и складские помещения размещены вокруг открытого двора размером 19,3×17,8 м, имеющего

Рис. Т. Г. Шевченко



Караван-сарай в Белеули. Портал. Первая половина XIV в. (по С. П. Толстову)

незначительное понижение к центру (53, с. 103). В некоторых помещениях сохранились проемы, перекрытые большими каменными плитами. Остатки конструкций самих помещений не обнаружены, но по аналогии с конструкцией перекрытия подобных небольших размеров помещений в караван-сарае Кос-Кудук, они, вероятно, представляли собою своды балхи, сложенные из каменных плит кирпичного стандарта.

С. П. Толстов писал, что «кладка конструкций из камня, обтесанного в форме кирпича, подчеркивает связь конструкций караван-сарая с исконно хорезмийскими традициями кирпичной кладки сводов» (87, с. 16). Сильно развитый портал также подтверждает связь с архитектурой Хорезма.

Очевидно, что опытные строители из Хорезма умело использовали местный камень в строительстве, отказавшись от применения привозного мелкоформатного кирпича золотоордынского времени (22—23×22—23×5—6 см), дорогого и трудоемкого в работе. На всей трассе дороги нигде пока не обнаружены остатки обжиговых печей, зафиксированы только карьеры камней, из которых строились караван-сараи.

Следует отметить, что никто из исследователей не отрицает участия в сооружении объектов дороги хорезмских строителей, но о времени ее строительства высказываются два различных мнения. Так, С. П. Толстов, описывая развалины караван-сараев южного отрезка дороги и называя ее большой царской дорогой на Волгу, не уступавшей по масштабам «царским дорогам древних персов», относил время ее строительства к концу X — началу XV вв. Уточняя эту датировку позднее, он писал: «Общая однотипность планировки, расположения и отдельных кон-

структивных деталей свидетельствует о сравнительно одновременном сооружении построек как единого комплекса оборудованной дороги. Возникновение их, очевидно, относится к расцвету Хорезмского государства XI—XII вв., когда торговые и политические интересы Хорезма связывали его с Поволжьем и Восточной Европой.

Группа ученых Каракалпакского филиала АН УзССР, основываясь на данных археологических исследований караван-сараев южной части Устюрта, проведенных в 1975—1978 гг., датирует их строительство золотоордынским периодом, точнее временем правления Узбек-хана (1312—1342 гг.) и его наместника в Хорезме Туглук-Тимура, а прекращение функционирования дороги связывает с последствиями разрушительных походов Тимура на Хорезм и Поволжье в 70-е годы XIV в. (53, с. 112).

Если учесть, что высокие и сильно выступающие порталы, подобные порталу караван-сарая в Белеули, характерны не только для архитектуры Хорезма первой половины XIV в. (мавзолеи Нажмед-дина-Кубраи, Тюрабек-ханум, караван-сарай на городище Ташкала в Куне-Ургенче), но и отражают общую тенденцию развития архитектуры северной половины Средней Азии в то время, правильность последней датировки, по нашему мнению, не вызывает сомнения.

Имеются также некоторые исторические сведения, косвенно ее подкрепляющие. Известно, что еще в раннем средневековье здесь проходил торговый путь, связывающий Среднюю Азию с Восточной Европой (96, с. 14). Видимо, тогда он не был еще оборудован караван-сараями, оборонительными сооружениями, мостовыми переправами и колодцами.

Академик В. В. Бартольд в своей работе «Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в.» указывает, что вместе с образованием монгольской империи возник новый торговый путь из Европы в Азию, путь от берегов Волги через Сарайчик на Урале, Куне-Ургенч, Отрар, Алмалык. Этим путем, который получил развитие со времени Узбек-хана (1312—1342 гг.), пользовались как мусульманские, так в XIV в. и европейские купцы (10, с. 55, 62).

Характеризуя степень благоустройства этой караванной дороги, путешественник М. И. Иванин писал: «В историческом отношении в этой части Азии особенно заслуживает внимания эпоха аравийской торговли и владычества Чингизидов, в которую выкопаны были в безводных степях глубокие колодцы, одетые внутри камнем, построены каменные здания (вероятно, караван-сараи и ныне видны), проложены пути, удобные для движения торговли, так что — по словам историка XIV в.— путешественники из Хивы в Крым могли не брать с собою никаких запасов, потому что все необходимое находилось в караван-сараях» (33, с. 1).

Изложенные факты позволяют говорить о том, что строительство этой дороги или окончательное ее благоустройство было осуществлено в золотоордынский период — в первой половине XIV в., когда караванная торговля, по словам А. Ю. Якубовского, «была организована в крупные кампании (уртаки — товарищества в деле), членами которых состояли не только профессиональные купцы, но и феодалы и богачи кочевого хозяйства, строившие свои конторы и караван-сараи в разных городах восточного мира» (96, с. 16).

Кирпичные караван-сараи северного отрезка дороги не сохранились до нашего времени. Вероятно, что они имели общий характер конструктивного решения с постройками южного отрезка дороги, так как и те и другие были построены «сравнительно одновременно, как единый комплекс оборудованной дороги» (87, с.18).

Крупноразмерный кирпич караван-сараев северного отрезка дороги (28×28×6 см), отличавшийся от мелкоформатного обожженного кирпича Хорезма золотоордынского периода (22—23×22—23×5 см), возможно, был привезен из низовьев Сырдарьи или из г. Сарайчика, который в XIII—XVI вв. был торгово-политическим центром нижнего Приуралья, где велось большое строительство и было организовано производство обожженного кирпича. О высоком уровне строительной культуры в Сарайчике в то время свидетельствует тот факт, что для переправы караванов через р. Урал был построен мост из судов, как мост Багдадский (55, с. 66—67).

Архитектурно-планировочные принципы объемной композиции и виды арочно-сводчатых перекрытий, отработанные в ранних караван-сараях Средней Азии (Рабат-Мадик, XI в. и Дая-хатун, XI в.), очевидно, были использованы хорезмскими строителями этого отрезка караванного пути.

Материалы исследований развалин Старой ногайской дороги, несмотря на их фрагментарность, свидетельствуют о крупных масштабах и высоком уровне строительных работ. Архитектура зданий караван-сараев оказала большое влияние на дальнейшее развитие народного зодчества региона. Это влияние выразилось прежде всего в освоении техники обработки и применении каменных блоков и плит при строительстве монументальных мавзолеев, которые знаменуют начало нового этапа в развитии местного мемориального зодчества.

ГЛАВА III

МАВЗОЛЕИ ШАТРОВОГО ТИПА

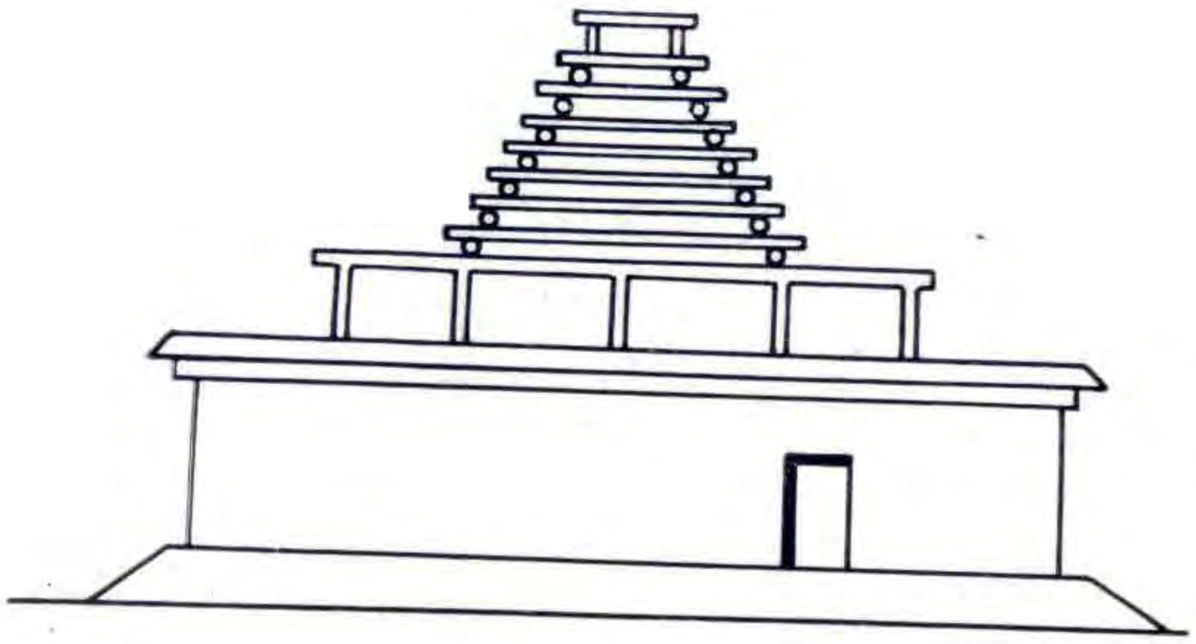
Многочисленная группа мавзолеев, широко распространенная на обширной территории Казахстана и в северном районе Хорезма, в научной литературе получила название «шатровый тип», характерной особенностью архитектуры которого является наличие конического или пирамидального купола (59, с. 86).

Отмечая большое распространение этого типа надгробных памятников в Казахстане, И. А. Кастанье писал: «Конусообразная чаще всего приближается к форме высокого киргизского малахая (киргизская шапка). Этот род памятников или нечто подобное встречается в разнообразных местах киргизских степей, но больше всего в Уральской области» (48, с. 42—43).

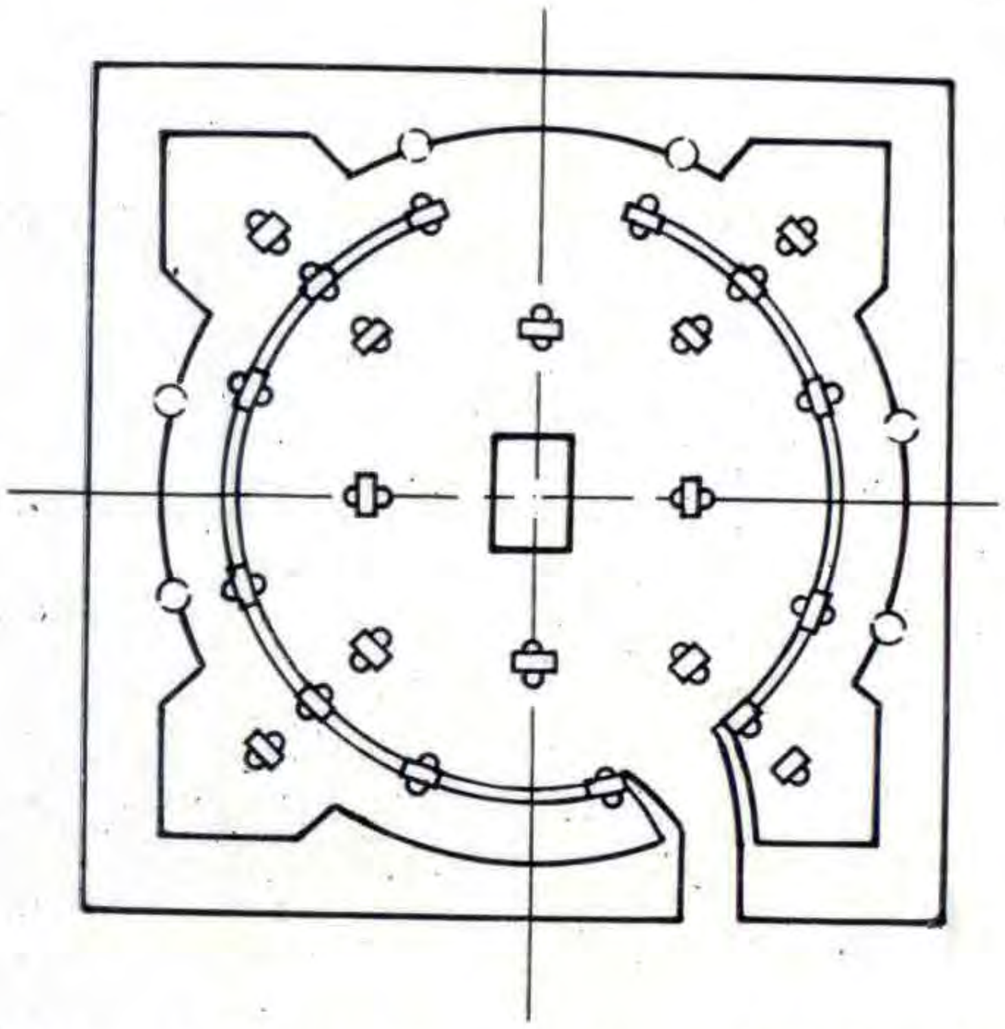
Наши разведывательные обследования подтвердили, что действительно развалины и сохранившиеся такие памятники в значительном количестве имеются в нынешних Гурьевской и Уральской областях, а также на Устюрте. В большей части это глинобитно-сырцовые мавзолеи, которые имеют близкое сходство с подобными сооружениями долины Сырдарьи, Южного и Центрального Казахстана.

Наиболее древние мавзолеи шатрового типа были открыты и обследованы в низовьях Сырдарьи и в Центральном Казахстане. В древней дельте Сырдарьи Хорезмской археолого-этнографической экспедицией Академии наук СССР была открыта и исследована большая группа памятников строительного искусства эпохи поздней бронзы и античного периода. Среди них наиболее ценными оказались северная группа гробниц Тагискена (IX—VIII вв. до н. э.) и мавзолей Баланды-2 (IV в. до н. э.). Тагискенские гробницы — это уже наземные мавзолеи, в объемной структуре которых умело сочетались квадрат внешних стен из крупноразмерного сырцового кирпича (34×28×10 см) с высокой цилиндрической погребальной камерой из деревянных столбов, увенчанной деревянным пирамидальным шатром (88, с. 82).

Возможно, что тагискенский мавзолей 5а — один из первых примеров превращения кургана в наземный мавзолей, ибо подобное же деревянное шатровое покрытие (конец II— начало I тыс. до н. э.) древнейшей гробницы Дандыбай-2 в Центральном Казахстане еще не освободилось от курганной насыпи (29, с. 132). Встречается и более поздний памятник— курган I могильника Сынтас (VI—V вв. до н. э.) на левобережье р. Илек в Актюбинской области, у которого остатки деревянной шатровой конструкции сохранились также под курганной насыпью (38, с. 140).



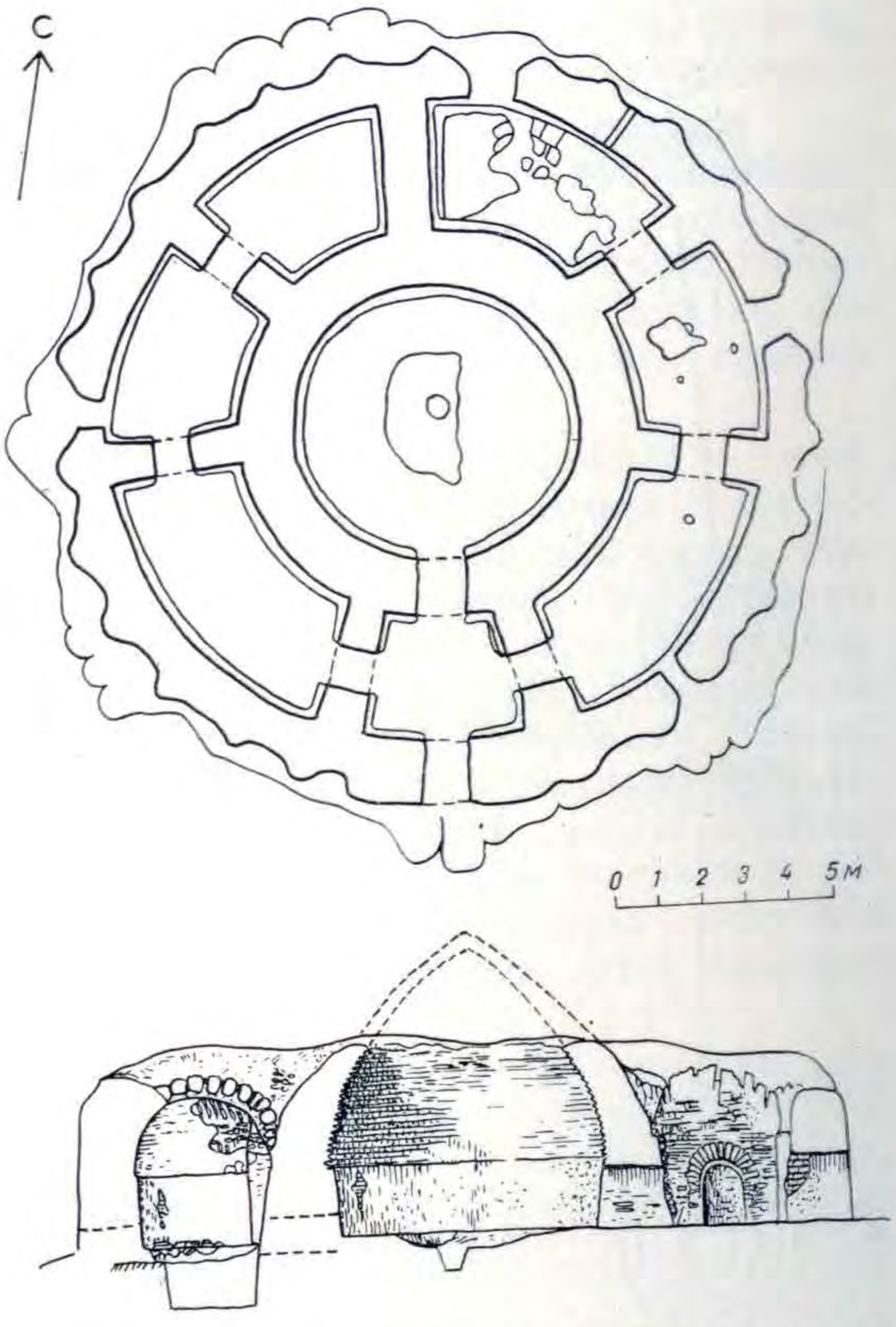
Мавзолей 5а из северной группы Тагискенских гробниц. План, восточный фасад. Авторский вариант реконструкции по описанию С. П. Толстова.



Может быть, это частный случай сохранения древней традиции подкурганных шатровых покрытий, не влиявших, однако, на общую тенденцию освобождения от насыпей погребально-культовых памятников.

Спустя почти четыре столетия после тагискенских мавзолеев появляется сырцовый купол мавзолея Баланды-2, выведенный методом ложного свода, что явилось крупным достижением строительной техники в этом безлесном районе. Подчеркивая важность открытия мавзолея Баланды-2, С. П. Толстов отмечал: «Открытие купола в архитектурном памятнике степных варварских племен северо-восточной периферии Хорезма, не знавшего вплоть до афригидского времени (III—VI вв. н. э. *М. М.*) техники купольного перекрытия — факт первостепенной важности... Именно здесь, в районе древней дельты Сыр-Дарьи, зародился ряд открытий и изобретений, которые отразились на культуре не только Хорезма, но и более отдаленных областей» (88, с. 174).

Памятник представляет собою круглое в плане сооружение диаметром около 16 м, поднятое на стилобат высотой 4,5 м над современным уровнем земли. Центральную часть здания занимает круглое помещение погребальной камеры, перекрытое ложным куполом. Хотя зарождение идеи ложного свода — купола известно по каменным погребальным со-



Мавзолей Баланды-2 План и разрез (по С. П. Толстову)

оружениям Центрального Казахстана эпохи поздней бронзы (гробницы Аксу-Аюлы-2) (57, с. 173), тем не менее ложный купол мавзолея Баланды-2, сооруженный из сырцового кирпича, связывает архитектурную идею тагискенских мавзолеев со строительной практикой раннего средневековья. Это положение может быть подкреплено приводимой схемой развития сырцовых мавзолеев древней дельты Сырдарьи от эпохи поздней бронзы до конца античного периода — IV—II вв. до н. э.

Кроме того, известно, что подобные отдельные надгробные памятники особо почитаемых людей, неоднократно восстанавливаемые местным населением и в какой-то степени сохранившие первоначальный облик, дошли до конца XIX в. и были зафиксированы учеными. Одним из таких памятников является мавзолей Коркыт-ата, подробно исследованный А. А. Диваевым и И. А. Кастанье в 1898 г. Этот этапный памятник был построен из сырцового кирпича, имел круглый план и шестигранный пирамидальный купол, т. е. воспроизводил существенные признаки архитектуры сырцовых мавзолеев древней дельты Сырдарьи, интерьер его имитировал внутренность юрты (68, с. 616).

Огузо-кипчакским периодом — VIII—IX вв. датируется группа памятников Центрального Казахстана, которые имеют такую же объем-

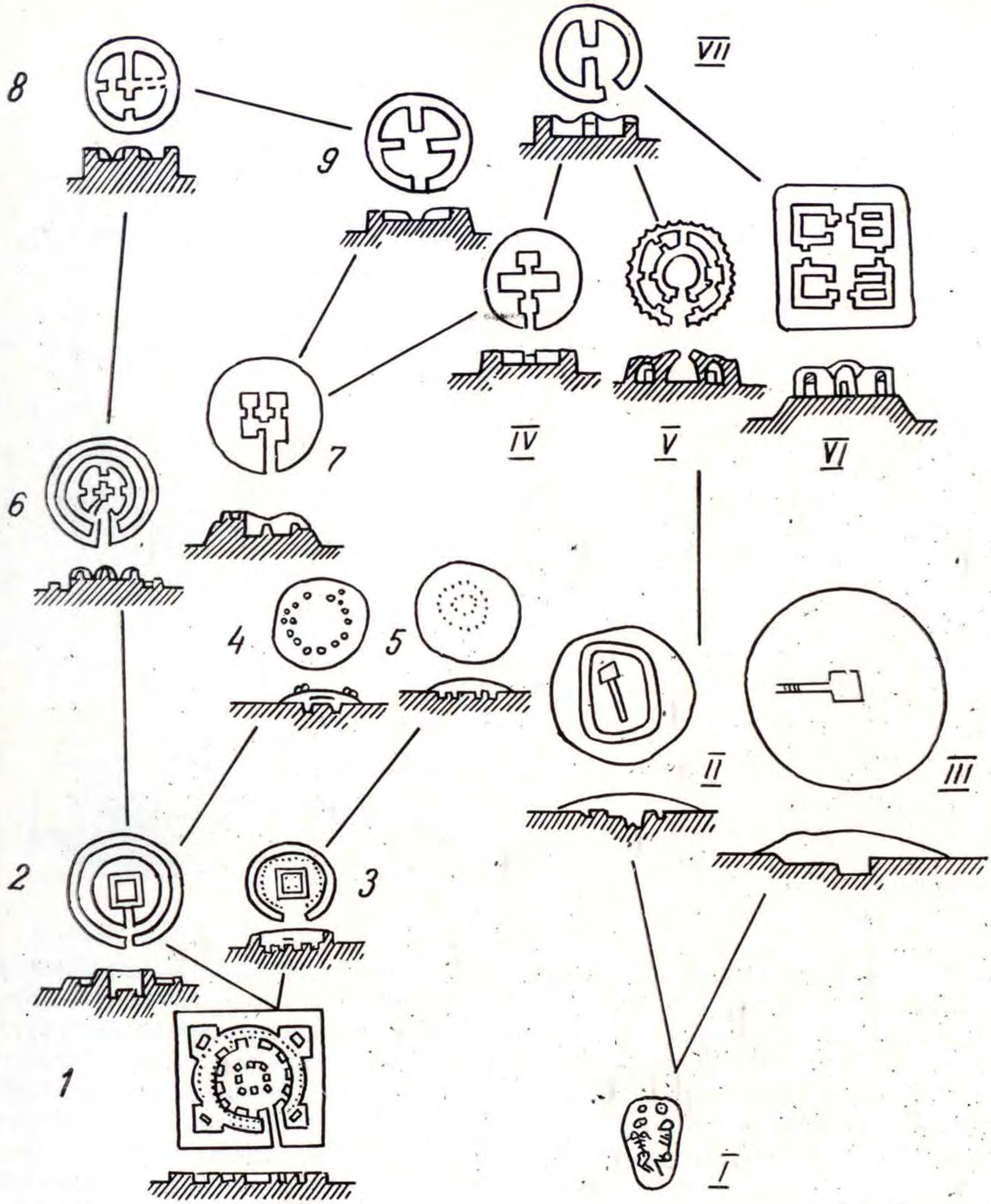


Схема развития погребальных сооружений племен древней дельты Сырдарьи (по С. П. Толстову):
1 — Тагискен, 5а; 2— Тагискен, 6; 3— Тагискен, 5в; 4— Шлаковый курган, 4; 5 — Уйгарак, курган 66; 6— Тагискен, 2; 7— Чирик-рабад, круглый мавзолей; 8— Баланды, 3; 9— Чирик, 2

I — Кокча, 3; II — Тагискен, 54; III — Чирик-рабад, курган, 1; IV— Тагискен, 1; V — Баланды, 2; VI — Бабиш-мулла, 2; VII — Асар

но-планировочную композицию, что и мавзолей Коркыт-ата, и известны под названиями Уйтас, Косуйтас, Домбаул. Они построены из камня-плитняка на глиняном растворе. Первоначально они имели конусовидные купола.

Из них по величине и сохранности выделяется мавзолей Домбаул, находящийся на левом берегу реки Кенгир в Джезказганской области. По современному состоянию стены толщиной 2,5 м квадратного четверика (9×9 м), едва заметно переходя в кривую массивного купола, образуют величественный юртообразный монолит, строительные приемы которого связываются с эпохой бронзы (42, с. 12).

Знаменитая гробница Козы-Корпеш — Баян-Сулу, связанная с именами лирико-эпической поэмы, является одной из древнейших в Казахстане, дошедших до нашего времени с некоторым изменением своего первоначального вида. Перед входом в мавзолей были попарно установлены четыре скульптуры, изображавшие, по народному преданию, Козы-Корпеша, Баян-Сулу, ее младшую сестру и старшую сноху. В 1856 году они были зарисованы Ч. Ч. Валихановым. Первоначально объемная композиция памятника при квадратном плане (6×6 м) представляла собой четырехгранную пирамиду, образованную путем напуска рядов горизонтальной кладки и увенчанную фигурным шпилем. После неудачных работ в 50-е годы ребра стен были сглажены, вершина купола получила конусовидное очертание, а верхняя, отремонтированная, часть сооруже-

Мавзолей Домбаул. VIII—IX вв. Джезказганская область. Фото 1968 г.

Мавзолей Козы-Корпеш—Баян-Сулу. X—XI вв. Семипалатинская область

ния покрыта слоем штукатурки. Кроме того, входной проем мавзолея был перекрыт полуциркульной аркой, обрамленной тонким наличником-архивольтом, что не согласуется со строгим характером древнего памятника. Башенный характер объемной композиции, архаизм строительной техники, а также мужские и женские скульптуры с кубками позволяют отнести этот памятник к домусульманскому времени, т. е. к X—XI вв. (5, с. 99).

Относительно сохранившиеся башенные мавзолеи Бегим-ана и Сараман-Коса, находящиеся вблизи развалин древнего города Джанкента, были построены из сырцового кирпича и облицованы обожженным.

Первое упоминание о мавзолее Бегим-ана известно из записок офицера Генштаба русской армии Л. Мейера: «Верстах в десяти от него (г. Джанкента — *М. М.*) находится могила в виде восьмиугольной башни из обожженного кирпича, вышиной до восьми саженей, известная под названием Бекмен (Бекмен-ана — искаженное имя, правильно — Бегим-ана — *М. М.*),что значит в переводе «княгиня-мать», т. е. будто бы похороненная здесь женщина была царица Джанкента и по клевете придворного невинно заподозрена в измене и, прогнанная мужем, проводила здесь свои дни в одиночестве и молитве и, наконец, тут же похороненная. Само разрушение Джанкента приписывается этому преступлению царя его» (62, с. 285). Позднее И. А. Кастанье также записаны различные варианты этой легенды.

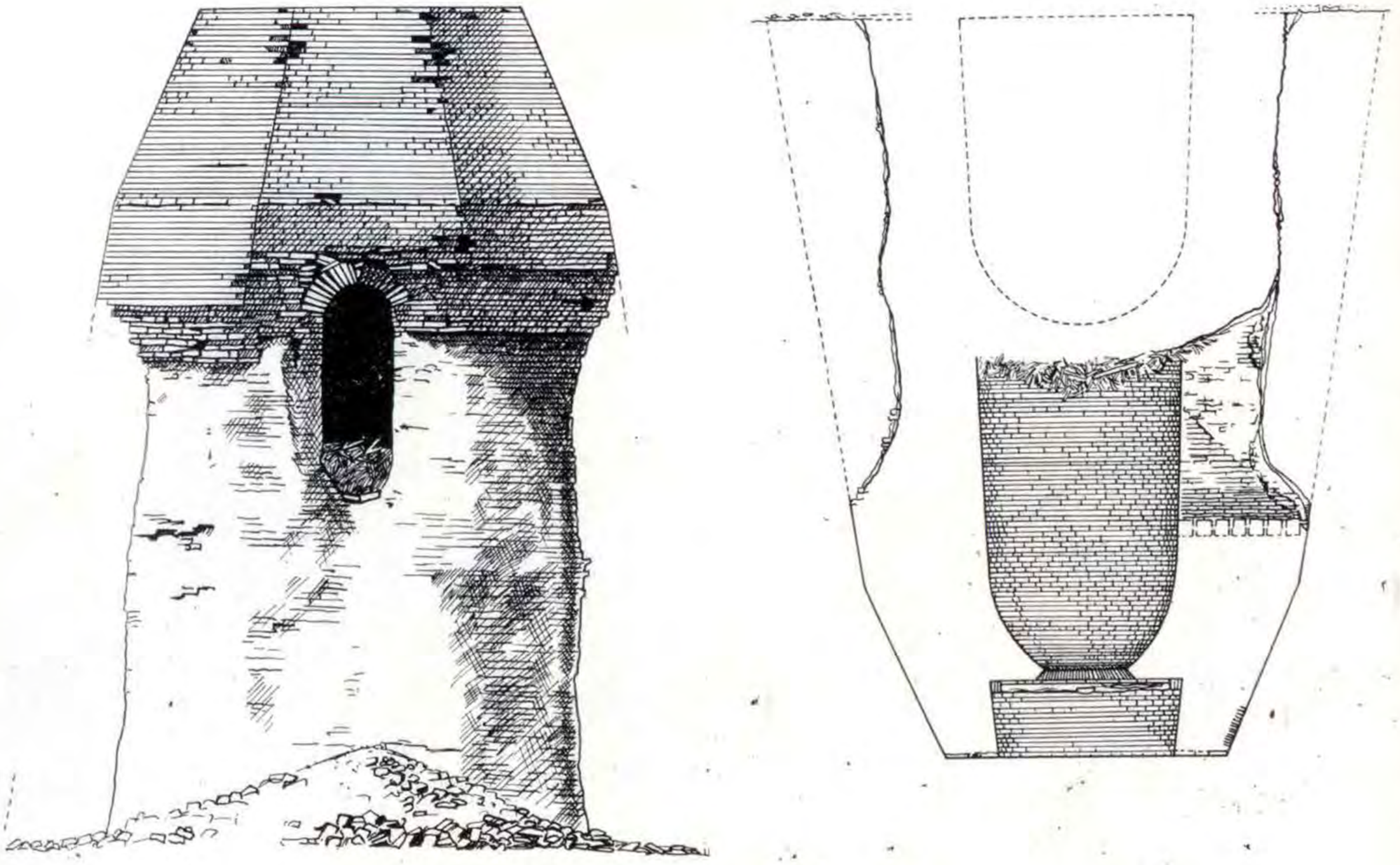
В настоящее время объемная структура здания состоит из нижнего восьмигранного тела, лишенного теперь наружной облицовки, и восьмигранной усеченной пирамиды, частично сохранившей облицовку из жженого кирпича. На уровне уступчатого карниза, разделяющего нижний

Каменные изваяния, установленные у мавзолея Козы-Корпеш — Баян-Сулу. Рис. Ч. Ч. Валиханова

объем и пирамиду, устроен проем второго этажа, перекрытый клинчатой аркой со слабо выраженным стрельчатым очертанием. Видимо, в этот проем попадали по приставной лестнице, ибо он высоко расположен от уровня земли. Стены имеют значительную толщину, междуэтажные перекрытия выложены методом ложного свода, что говорит о древности памятника. Он датируется X—XI вв., когда в строительстве постепенно заменялся сырцовый кирпич обожженным.

О втором мавзолее у Кастанье сказано: «Башня Сараман — Коса-мунара — памятник, построенный на месте убитых джигита Сарамана из каракалпаков и девушки Коса из г. Ургенча; его построили каракалпакские батыры Джаба и Айдос из сырцового кирпича и облицованного жженым кирпичом и имеют до 15 саженей высоту» (48, с. 237). Возможно, что Сараман — Коса первоначально представляла собою сигнальную башню при подходе к столичному городу, и превращение ее в мавзолей произошло значительно позже, когда город уже лежал в развалинах. Большая высота сооружения и наличие под куполом специальной площадки определенно указывает на сторожевое его назначение.

Этническую принадлежность этих двух памятников трудно установить, но если учесть, что с IX до середины XI в. г. Джанкент был столицей государства огузов, а с середины XI в. до монгольского нашествия находился в составе владения кипчаков, то, очевидно, они были постро-



Башенный мавзолей Бегим-ана. X—XI вв. Общий вид и разрез

ны огузо-кипчакскими племенами низовья Сырдарьи в X—XI вв. (45, с. 541). Строительные материалы и конструктивные приемы (сочетание сырцового и жженого кирпича, ложные своды) свидетельствуют об одновременности этих башенных мавзолеев.

Новый этап в прогрессивном развитии зодчества на территории Казахстана характеризуется широким внедрением в строительное дело обожженного кирпича, искусным использованием его архитектурно-конструктивных качеств и отмечен двумя замечательными мавзолеями — Бабаджа-хатун и Айша-биби, развалины которых находятся вблизи современного г. Джамбула. Они относятся к центрично-шатровому типу памятников.

Мавзолей Бабаджа-хатун (XI в.) квадратный в плане (6,8×6,78 м) имеет объемную композицию, состоящую первоначально из кубовидного тела высотою 5,5—6 м, низкого многогранного барабана (высота 87 см) и высокого остроребристого купола конической формы. Из этих основных элементов композиции памятника в настоящее время сохранились все за исключением купола, от которого уцелели лишь фрагменты его нижней части. Главный фасад, выделенный парапетом, украшен плоскорельефной надписью на терракотовых плитах. В центре главного и боковых фасадов — арочные ниши, обрамленные П-образной рамкой — полосой углубленной кладки, прежде украшенной терракотовыми плитками. По обе стороны арочной ниши, внутри этой рамки, устроены узкие декоративные ниши, над которыми помещены по одному круглому медальону, выполненному тщательной кирпичной кладкой. Несколько выше

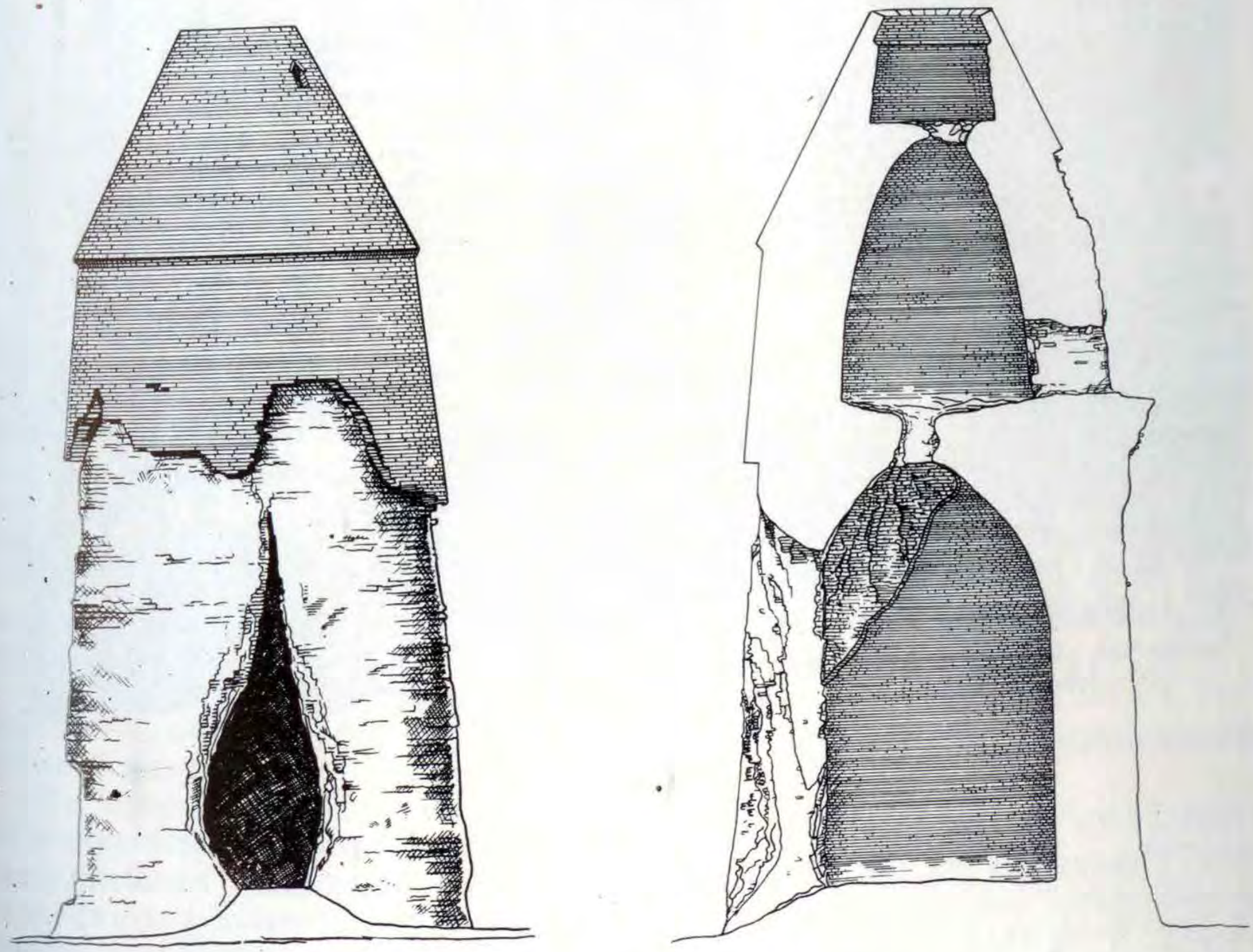
П-образных рамок под плоским карнизом фасадов фигурной кладки протянут узкий зубчатый фриз.

Западная стена оставлена совершенно гладкой с тщательной расшивкой тонких швов кладки.

Своеобразно архитектурное решение его интерьера. Пяты угловых арочных парусов четверика на высоте 1,37 м от уровня пола опираются на выступы-пилястры, а на высоте 3,8 м образуют правильный восьмерик. Выше него идет кольцевая кладка внутреннего ребристого купола сферо-конической формы.

Внешний конический купол покоился на многогранном барабане и имел также ребристую поверхность. Мавзолей Бабаджа-хатун отличается строгой простотой форм, органичностью конструкции и архитектурного декора и весьма умелым использованием качеств обожженного кирпича. Памятник имеет этапное значение в истории архитектуры Казахстана, так как на его главном фасаде возникает зародыш портала в виде пара-пета.

Близкий к нему по времени мавзолей Айша-биби, относящийся к центрично-шатровому типу сооружений, имел совершенно иной характер архитектурно-конструктивного решения. Первая особенность его архитектуры — это наличие на всех углах квадратного в плане здания



Башенный мавзолей Сараман — Коса. X—XI вв. Общий вид и разрез

Мавзолей Бабаджа-хатун. XI в.

(7,23×7,23 м) мощных колонн, напоминающих башни крепостных построек. Стволы их на две трети высоты широким рельефным поясом были разделены на две половины, причем ствол верхней половины расширялся кверху, а нижней — книзу. Стены всех фасадов на уровне пят арок сквозных проемов горизонтальной полочкой — тягой разбиты на два

Мавзолей Байтака. Конец XII— начало XIII вв. Актюбинская область

яруса. Сильно разрушенный верхний ярус, судя по сохранившейся части, был решен как архитектурно-декоративное обрамление тимпанов арочных проемов. Все стены и стволы колонн были покрыты терракотовыми плитками разнообразных геометрических форм, украшенных плоскорельефным орнаментом, что создавало игру света и тени и придавало памятнику особую архитектурно-художественную выразительность.

Необычно решена и конструкция стен, состоящая из трех слоев: внутренней кирпичной стенки толщиной 40 см, служившей как бы каркасом второму забутовочному слою толщиной 80 см из отходов строительных материалов на глиняно-ганчевом растворе, и облицовочного слоя из терракотовых плиток, имеющих румпы-отростки для прикрепления их к забутовочному слою.

Для придания прочности стенам через каждые 70—80 см по их высоте укладывались арчевые прокладки-связи, служившие одновременно антисейсмическим средством.

По данным обмерных чертежей 1953 г. и последующих лет достоверно могут быть восстановлены все фасады кубического объема. Гораздо труднее было установить конструкции и формы полностью разрушенных барабана и купола. Но обнаруженные в завалах архитектурные детали и фрагменты позволили разработать несколько вариантов их первоначального облика.

В урочище Бескопа в Хобдинском районе Актюбинской области расположен мавзолей Байтака. В настоящее время разрушены южная половина наружного конического купола, части юго-западной и юго-восточной стен четверика, а также позже пристроенное к южному фасаду памятника сырцовое помещение. Исследования памятника, проведенные в разные годы, дают противоречивые сведения о форме четверика, портале, а также о датировке памятника. По обмерному чертежу инженера-архитектора Г. Герасимова, обследовавшего памятник в 1947 г., нижний объем его представляет восьмерик. Вероятно, переход на восьмерик начинался с половины высоты четверика. После разрушения верхней части четверика восьмерик был обнажен и в таком виде Г. Герасимов зафиксировал план и реконструированный фасад, что подтверждается рисунком 23 из книги М. Е. Массона и Г. А. Пугаченковой «Гумбез Манаса». Кратко характеризуя этот памятник, Г. А. Пугаченкова писала: «Очень интересен центрический мавзолей Байтак в Казахстане (рис. 23). Прямоугольную призму мавзолея, высота которой значительно меньше ширины, венчал стройный многогранный барабан с вытянутым коническим куполом. В старину здесь было целое кладбище с подобными же строениями, которые казахское население именовало «астанами» (59, с. 88).

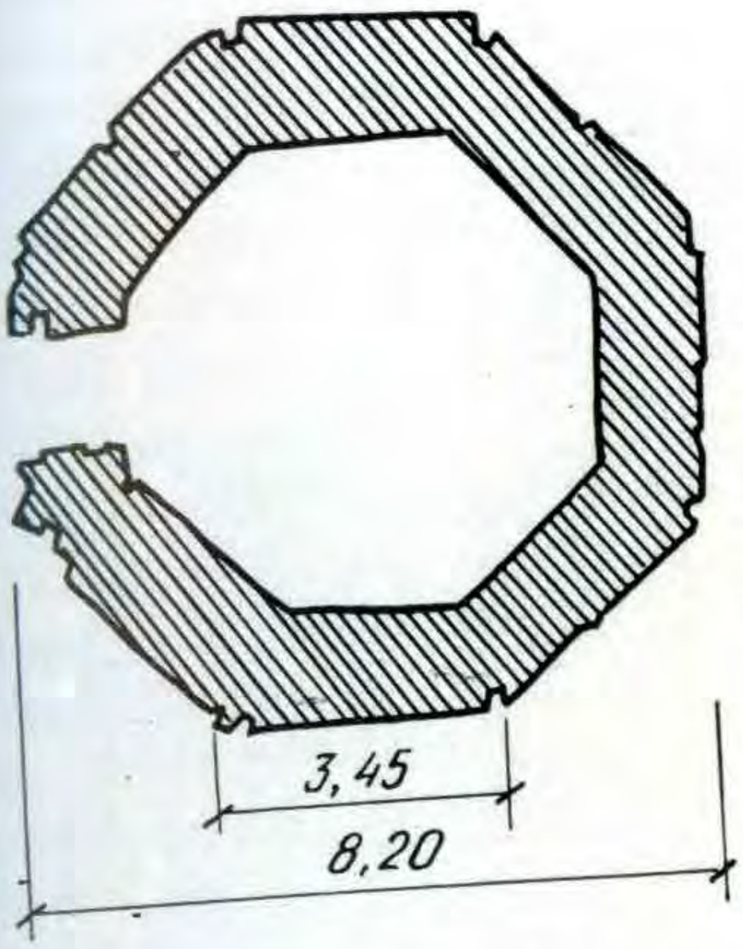
По данным обследования С. М. Аджигалиева в 1979—1980 годах, этот памятник «имеет форму подквадратного помещения (9,52×9,8 м) со слегка наклонными стенами, над которыми покоились одиннадцатигранный барабан и устремленный вверх конический купол, на главном юго-западном фасаде портал выступал за линии стен на 2,98 м» (4, с. 58). Поскольку на этом фасаде остатки портала не сохранились, на месте предлагаемого «восточного пилона» производился раскоп, не подтвердивший существование портала. Очевидно, вопрос о существовании когда-то портала подлежит уточнению путем комплексного архитектурно-археологического исследования памятника.

По всей вероятности, мавзолей Байтака относится к центрическо-шатровому типу надгробных сооружений, имеет квадратный план (8,13××8,25 м) по наружному контуру стен. Основной массив стен сложен из сырцового кирпича и облицован жженым (24×24×6 см). Арочно-сводчатые конструкции выполнены из прямоугольного обожженного кирпича (24×12×6 см).

Внешняя объемная композиция состояла из четверика высотой 4,6 м одиннадцатигранного барабана и конического купола.

Первоначальная высота составляла 16 м. В интерьере над четвериком покоится восьмигранник с арочными парусами на углах, от которых через балочно-консольный ярус осуществлялся переход к шестнадцатиграннику, кладка стен которого, постепенно суживаясь, соединяется с кольцевой кладкой стен конического купола, образуя таким образом единое пространство интерьера. Ранний пример такого решения интерьера встречается в мавзолее Бабаджа-хатун. Но по сходству элементов внешней объемной композиции, архитектурного декора и по времени наиболее близким аналогом является мавзолей Иль-Арслана в Куне-Ургенче, датированный концом XII— началом XIII вв. Памятники роднит архитектурный декор на гранях барабанов в виде плоских двуступенчатых ниш

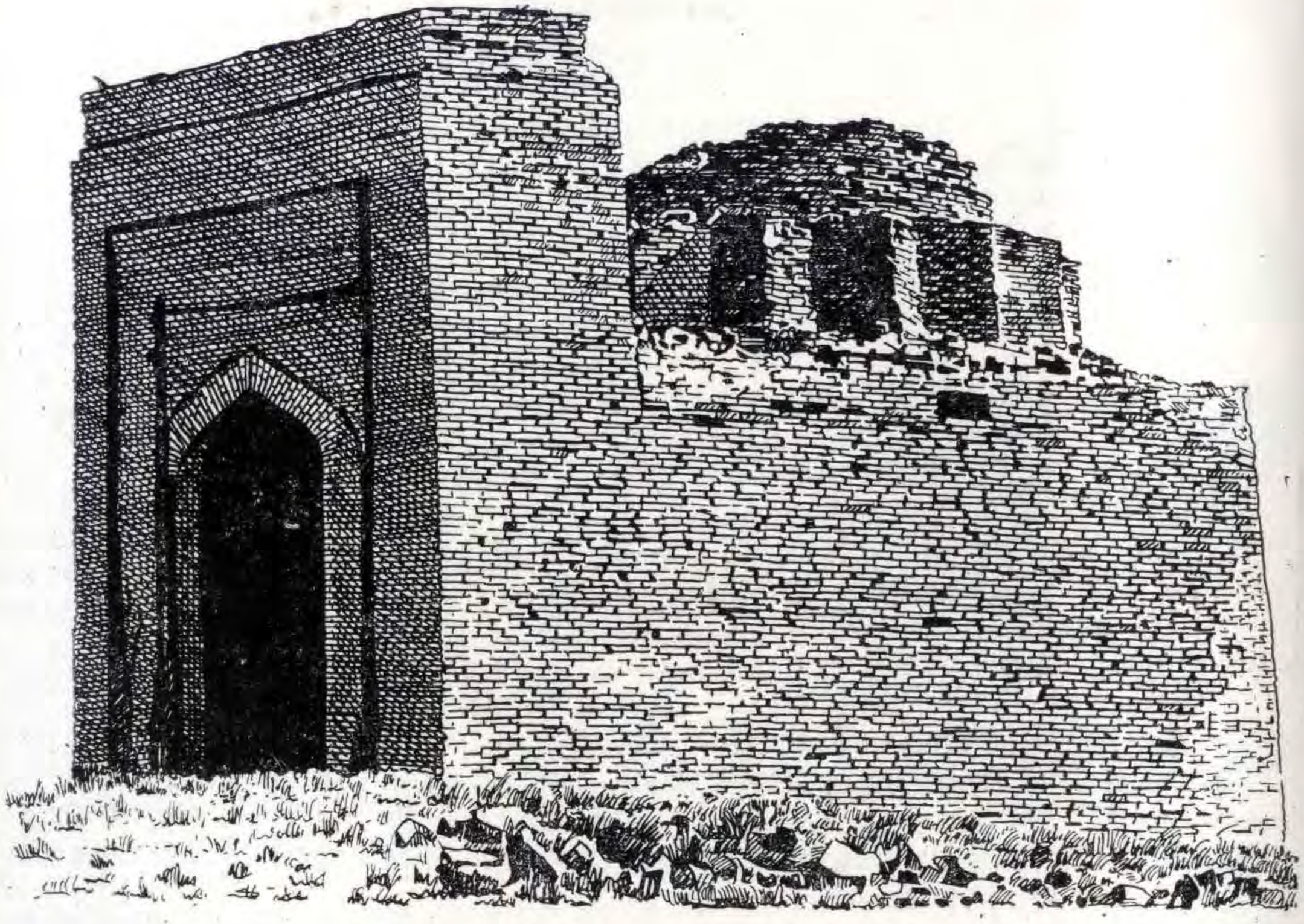
Мавзолей Байтака. План



с уступчатым профилем арок. Возможно, мавзолей Байтак был построен несколько позднее, чем указанный памятник,— приблизительно в первой четверти XIII в., накануне монгольского нашествия, когда сырдарьинские кипчаки имели с Хорезмом тесные военно-политические и культурно-экономические контакты.

Мавзолей Джочи-хана, находящийся в Улытауском районе Джезказганской области, представляет собою сложившийся портально-шатровый тип сооружений. Объемная композиция его состоит из призматического четверика, монументального портала, низкого многогранного барабана, как в мавзолее Бабаджа-хатун, и конусообразного купола, верхняя часть которого ныне утрачена. По историческим сведениям и стилевым признакам архитектуры (год смерти Джочи-хана — 1227; развитый портал, глазурованные облицовочные плитки бирюзового цвета) памятник датируется 1228—1230 гг. Впервые он упоминается в записках Хафиза Таныша, сопровождавшего в Улытауском походе Шайбанида Абдулла-хана в 80-е годы XVI столетия (92, с. 275).

Мавзолей Джочи-хана — однокамерное сооружение, квадратное в плане (5,1×5,2 м), построенное из жженого кирпича. В стены и массивы пилонов портала кирпич клался на глиняном растворе, а в арках-сводах — на ганчевом. Главный фасад, обращенный на юго-запад, решен в виде высокого портала (высота 8 м), выступающего на 2,2 м. Глубокая ниша, обрамленная П-образной рамкой, первоначально была украшена глазурованными плитками размером 4,5×4,5 см бирюзового цвета. Клинчатый архивольт арки опирался на тонкие колонки, как в мавзолее Айша-биби. Наружные стены остальных фасадов оставлены гладкими. Интерьер также без декоративной отделки, за исключением угловых арок яруса парусов. Купол имел двойную оболочку. Внутренняя оболочка купола имела сфероконическую форму, наружная—коническую, облицованную глазурованными плитками бирюзового цвета, которые най-



Мавзолей Джочи-хана. XIII в. Джезказганская область. Фото 1968 г.

дены в завалах вокруг здания. Появление мощного портала и бирюзового цвета облицовочных плит — то новшество, которое определяет этапное значение памятника в истории развития мемориальных сооружений в Казахстане.

Характерным сооружением следующего этапа в формировании портально-шатрового типа являлся мавзолей Кок-Кесене, развалины которого в 1927 г. были изучены А. Ю. Якубовским. Он представлял собою большую портальную постройку. Его квадратное помещение (9,8×9,8 м) переходило в восьмигранник, который в свою очередь переходил в шестнадцатигранник, над которым возвышался конический купол (94, с. 154). Это окончательно сложившийся тип рассматриваемой группы памятников. Переход от четверика к восьмиграннику и от него к шестнадцатиграннику А. Ю. Якубовский считал «незнакомым Туркестану (если судить по сохранившимся постройкам)» (95, с. 154). Но такая же принципиальная схема подкупольной конструкции, хотя она еще не имеет четкой разработки, встречена в мавзолеях Бабаджа-хатун и Байтака. В них между восьмериком и шестнадцатигранником имеется дополнительный балочно-консольный пояс, а в Кок-Кесене — четко построенные трехъярусные паруса, получившие свое яркое выражение во внешней объемной композиции памятника.

А. Ю. Якубовский сначала датировал памятник 70-ми годами XIV века, но затем, учитывая обилие разноцветной облицовочной керамики, считал возможным отнести ко времени «не раньше конца XIV в., а скорее всего — к концу XV века». На наш взгляд, более верна первая дата, так как в 70-е годы XIV в. при правлении Урус-хана Сыгнак достигает своего расцвета, а в первой половине XV в., когда происходили частые войны между Барак-ханом и Улугбеком, едва ли было возможно создание такого выдающегося произведения архитектуры, в котором воплощены достижения строительного искусства Средней Азии и Казахстана.

В Варнинском районе Челябинской области вблизи границы Кустанайской области на древнем некрополе, расположенном между озерами Большое и Малое Кесене, находится мавзолей Кесене.

Он сооружен из обожженного красного кирпича на известковом растворе, его размеры в плане 6,5×6,5 м. Главный фасад с выступающим массивным порталом ориентирован на юг. Ниша портала была перекрыта стрельчатым сводом; входной проем, размещенный в глубине ниши,— аркой неопределенного очертания. Первоначально объемная композиция мавзолея состояла из кубовидного четверика, двенадцатигранного барабана и пирамидального купола высотой 5,68 м. Общая высота сооружения — 16 м.

Благодаря значительной высоте, хорошим пропорциям основных элементов композиции, простоте и строгости архитектурных форм и

Мавзолей Кок-Кесене. XIV—XV вв. (По А. Ю. Якубовскому)

Мавзолей Кесене. Южный фасад. Середина XVI в. (По И. А. Кастанье)

удачному расположению на высоком месте памятник имеет величавый вид.

Сотрудниками челябинских отделений Общества охраны памятников истории и культуры СССР и Союза архитекторов СССР этот древний мавзолей возрожден из руин, и его жизнь продлена на многие годы. Спасение от гибели этого ценного памятника истории и культуры Казахстана — одно из ярких проявлений дружбы народов нашей страны.

Большая заслуга в этом деле принадлежит архитектору М. Г. Семенову, который в течение многих лет проделал огромную работу по сбору и анализу исторических и иконографических материалов, исследовал сохранившиеся части памятника и разработал проект ремонтно-реставрационных работ, осуществленных мастерской отдела культуры Челябинского областного исполкома в 1981—1983 гг.

М. Г. Семенов датирует памятник XIV—XV вв. на основе материалов раскопок Э. Ю. Петри в 1889 г., в частности монголоидности черепа похороненной в мавзолее знатной женщины и ювелирных украшений, характерных для XIV—XV вв.

Во-первых, монголоидные черты имелись у некоторой части населения Северной и Средней Азии, в том числе и у казахов, кочевавших в XV—XVI вв. в этом районе. Кроме того, обычай захоронения умершего с его личными вещами у казахов сохранялся до позднего времени. Так, по свидетельству Н. П. Рычкова, казахский хан Абулхаир, погибший в 1748 г., был похоронен в одежде и с предметами вооружения (81, с. 44). Во-вторых, золотые предметы могли храниться у феодальной знати не-

Мавзолей Кесене. Вид после реставрации. Фото 1983 г.

сколько поколений или их изготовили по древнему образцу в более поздний период. Поэтому вряд ли этот памятник был построен в монгольский период.

Кстати, район, где находится мавзолей Кесене, с начала и до 70-х годов XIV в. входил в состав Белой Орды, с XV в. до середины XVI в.— Ногайской Орды и государства Шайбанидов, а в середине XVI в. вошел в состав Казахского ханства при длительном правлении Хакк-назар-хана (34, с. 149, 152—159).

Об этом памятнике есть сообщение П. С. Палласа, что «свято обожаемая татарская молитвенница «Кошене» воздвигнута киргизами (казахами — *М. М.*) и башкирами... Он еще в хорошем состоянии и, смотря на деревянную оного работу, кажется быть не весьма великой древности, но за всем тем ни башкирцы, ни киргизцы не помнят времени его сооружения» (71, с. 384, 388).

В работе известного археолога К. В. Сальникова «Древнейшие памятники истории Урала» также содержатся некоторые сведения, ориентирующие в датировке рассматриваемого памятника.

Прежде всего К. В. Сальников убедительно отвергает сведения многочисленных легенд и некоторых письменных источников о причастности так называемой «башни Тамерлана» (т. е. мавзолея Кесене — *М. М.*) к эмиру Тимуру; затем, на наш взгляд, верно отмечает, что «архитектурные особенности» «Башни Тамерлана» живо напоминают аналогичные сооружения города Ургенча (древняя столица Хорезма)»... и, наконец, делает следующий общий вывод: «Археологические памятники VI—XV вв. на южном Урале и Приуралье являются весьма важным источником для изучения ранней истории башкирского и казахского народов, поскольку в этих памятниках надо видеть сооружения, оставленные непосредственными предками современных казахов и южных башкир» (82, с. 145, 148).

Если согласиться с предположением М. Г. Семенова, то, возможно, этот памятник мог быть построен в первой половине XIV в., когда Белая Орда переживала период своего политико-экономического возвышения, а последняя четверть XIV в. — первая половина XV в., отмеченные почти непрерывными междоусобными войнами и частой сменой правящей верхушки, едва ли могли способствовать созданию такого выдающегося произведения строительного искусства. Основываясь на вышеизложенных сведениях П. С. Палласа и К. В. Сальникова, а также учитывая благоприятную политико-экономическую обстановку, сложившуюся при более сорока лет правлении Хакк-назар-хана, когда к казахскому ханству вновь было присоединено левобережье р. Урал, как при Касымхане, где кочевали части ногайских и башкирских родов и племен, мавзолей Кесене может быть датирован серединой XVI в. (34, с. 273).

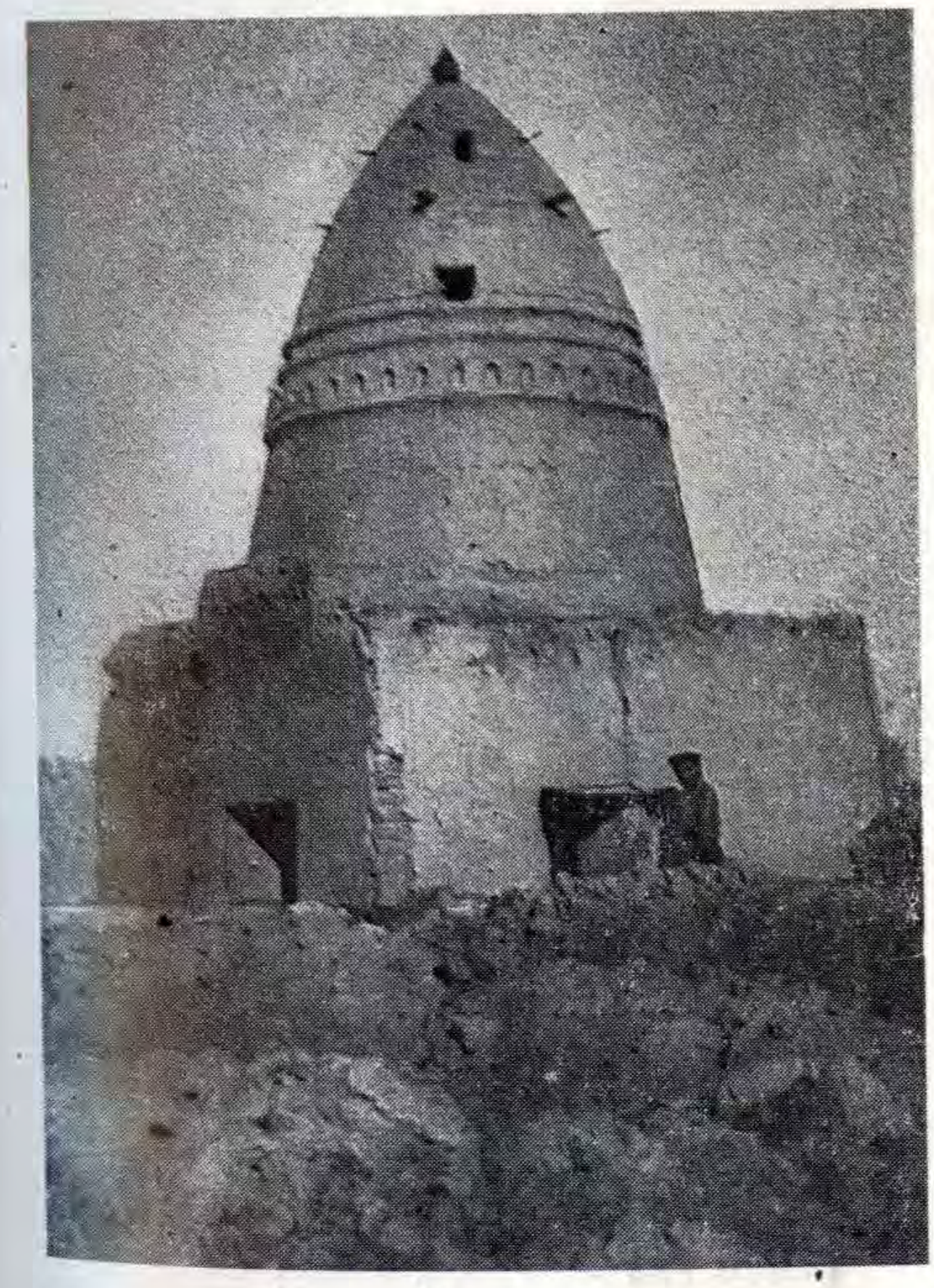
Отсутствие глазурованных облицовочных плит и поливных кирпичей на памятнике не может служить основанием для его удревления, если учесть традиции подражания формам и архитектурному декору более древних памятников, например, мавзолея Бабаджа-хатун или невозможность их изготовления в удаленном от культурных центров районе.

Вероятно, мавзолей Кесене представляет собою одно из поздних сохранившихся портально-шатровых сооружений, после которых появляются упрощенной структуры мелкие глинобитно-сырцовые надгробные памятники, характерные в большей части для XVII—XVIII вв. Таковы конусообразные мавзолеи долины Сырдарьи, Эмбы и Устюрта, в селе Сузак на северных склонах Каратау, группа мавзолеев на некрополе села Орда в Уральской области и многие другие.

Как видно из рисунков, во всех этих мавзолеях в различной степени выражена структура древних шатровых мавзолеев, что, видимо, объясняется не только стойкостью древней традиции, но и простотой и легкостью их сооружения из местных материалов.

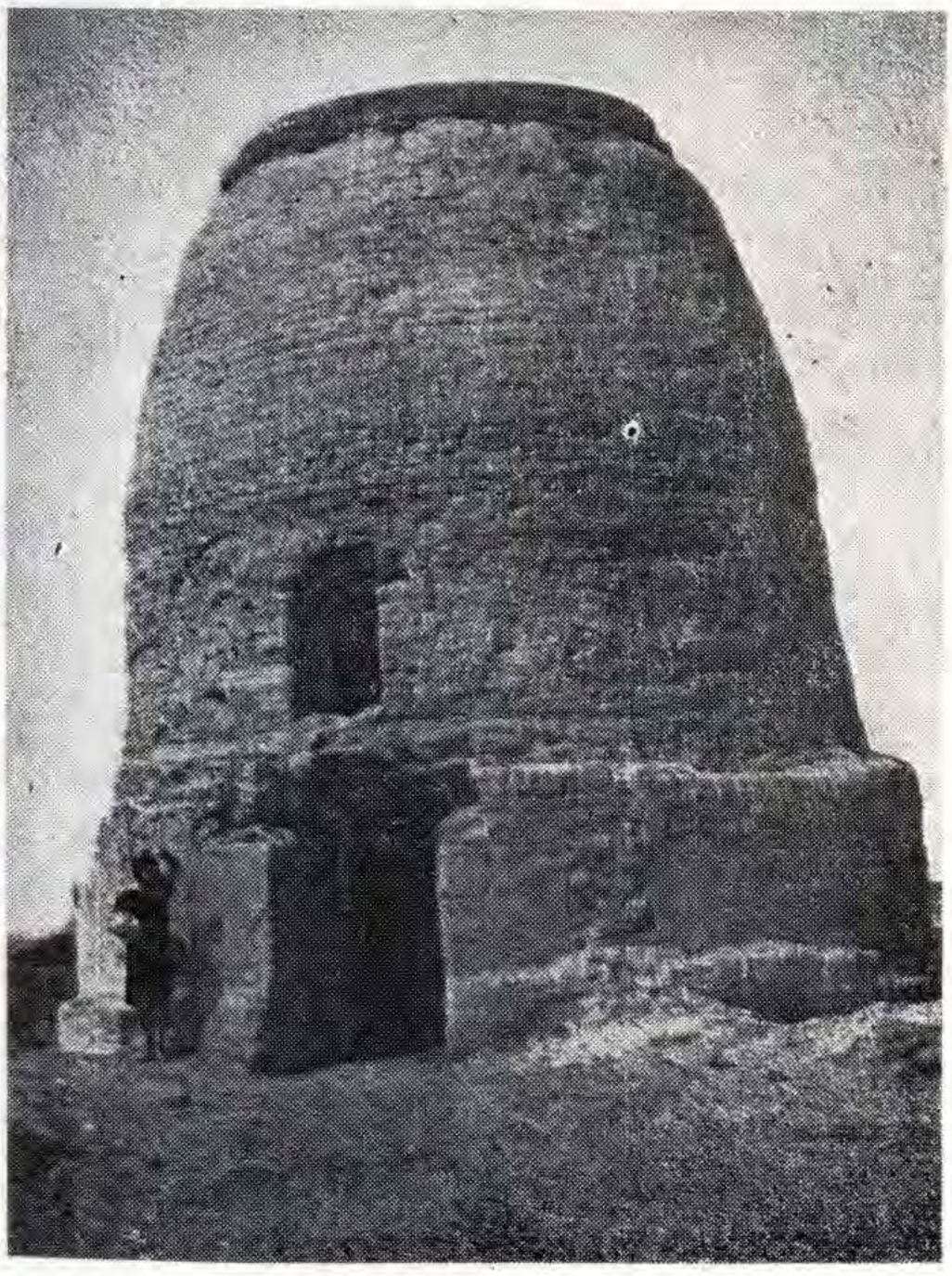
Как было сказано, древнейший прототип шатровых мавзолеев возник в древней дельте Сырдарьи в среде племен эпохи поздней бронзы. Поэтому, на наш взгляд, идею зарождения этой формы следует искать в этой же среде. Известный исследователь истории архитектуры народов Сред-

Мавзолей Даулета на Эмбе. XVIII—XIX вв. Фото 1973 г.



Сырцовый мавзолей. XVI—XVII вв. Чимкентская область, село Сузак

Сырцовый мавзолей. XVI—XVII вв. Чимкентская область, село Сузак



Мавзолей Кармакчи-ата. XVII в. Кзыл-Ординская область, село Кармакчи (по И. А. Кастанье)

ней Азии Г. А. Пугаченкова в конце сороковых-пятидесятых годов высказала мнение о том, что «происхождение формы шатровых мавзолеев связано со стародавними погребальными обычаями народов, населявших северные районы Средней Азии, чем объясняется и удивительная стойкость в них этой формы, применявшейся еще недавнее время в надмогильных сооружениях киргизов и казахов» (76, с. 65).

Открытие каменных гробниц Дандыбай-2, Аксу-Аюлы-2 с подкурганными шатровыми покрытиями из дерева в Центральном Казахстане, тагискенских сырцово-деревянных мавзолеев и эволюционное развитие формы убедительно подкрепляют гипотезу о связи ее происхождения с древнейшими погребальными сооружениями северных районов Средней Азии.

С. П. Толстов, открывший и обследовавший северную группу тагискенских мавзолеев, считал возможным предполагать, что жилища тагискенцев были круглыми в плане и имели столбовую конструкцию, которая в дом для умершего была перенесена уже чисто традиционно (89, с. 82). Это вполне возможная версия, так как такая традиция имела место у многих народов мира в древности.

Но существует и другое мнение, по которому форма тагискенских мавзолеев объясняется космологическими представлениями племен эпохи бронзы, трактовавших ее как модель Вселенной — Земли и Неба; сочетание квадрата — земли и шатра — небосвода воплотило идею структуры мира, созданного первым творцом (50, с. 7). Обе эти точки зрения, на наш взгляд, подтверждают идейную основу происхождения формы шатровых мавзолеев в эпоху поздней бронзы: в первом случае дом умершего подражает жилищу живого, во втором — объясняется космологической символикой. Вторая версия представляется более аргументированной потому, что зародыш шатрового покрытия из дерева в виде пирамиды возник под курганной насыпью (гробница Дандыбай-2), в тагискенских мавзолеях освобождается от насыпи, а в сырцовом мавзолее Баланды-2 получает конусовидную вариацию и в таком виде внедряется в строительную практику средневековья. И как было показано в нашем обзоре, целая цепочка такого рода памятников, подвергаясь эволюционному развитию, протянулась до нашего времени.

Очевидно, прав Л. А. Лелеков, утверждающий, что «историю среднеазиатских мавзолеев начинает Тагискен в IX в. до н. э. и венчают грандиозные мемориалы Текеша, Санджара (XII в.) и Тимуридов (XIV—XVI вв.). Пренебрежение символическими аспектами древневосточного зодчества возникло из того, что историю архитектуры начинали от Греции и Рима, где космологический символизм быстро разложился и практически не ощущался» (50, с. 13).

По обсуждаемой проблеме есть и другая точка зрения. Она принадлежит В. Л. Ворониной: «Этот вид покрытия явился плодом развитой инженерной мысли, поэтому никак нельзя связывать его с традицией погребальных насыпей» (22, с. 70).

Значение конструкции в формообразовании в архитектуре не подлежит сомнению, оно общеизвестно. В. Л. Воронина свои суждения основывает на формальном анализе конструктивных особенностей более позд-

Шатровые мавзолеи. Вторая половина XIX— начало XX вв. Уральская область, село Орда

них памятников (XII—XIV вв.), что противоречит принципу историзма научных исследований.

В. И. Ленин учил «смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникало, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть — чем данная вещь стала теперь». (1, с. 67).

Кажется, что приведенное теоретическое положение В. И. Ленина имеет непосредственное отношение к нашей проблеме и не нуждается в комментариях.

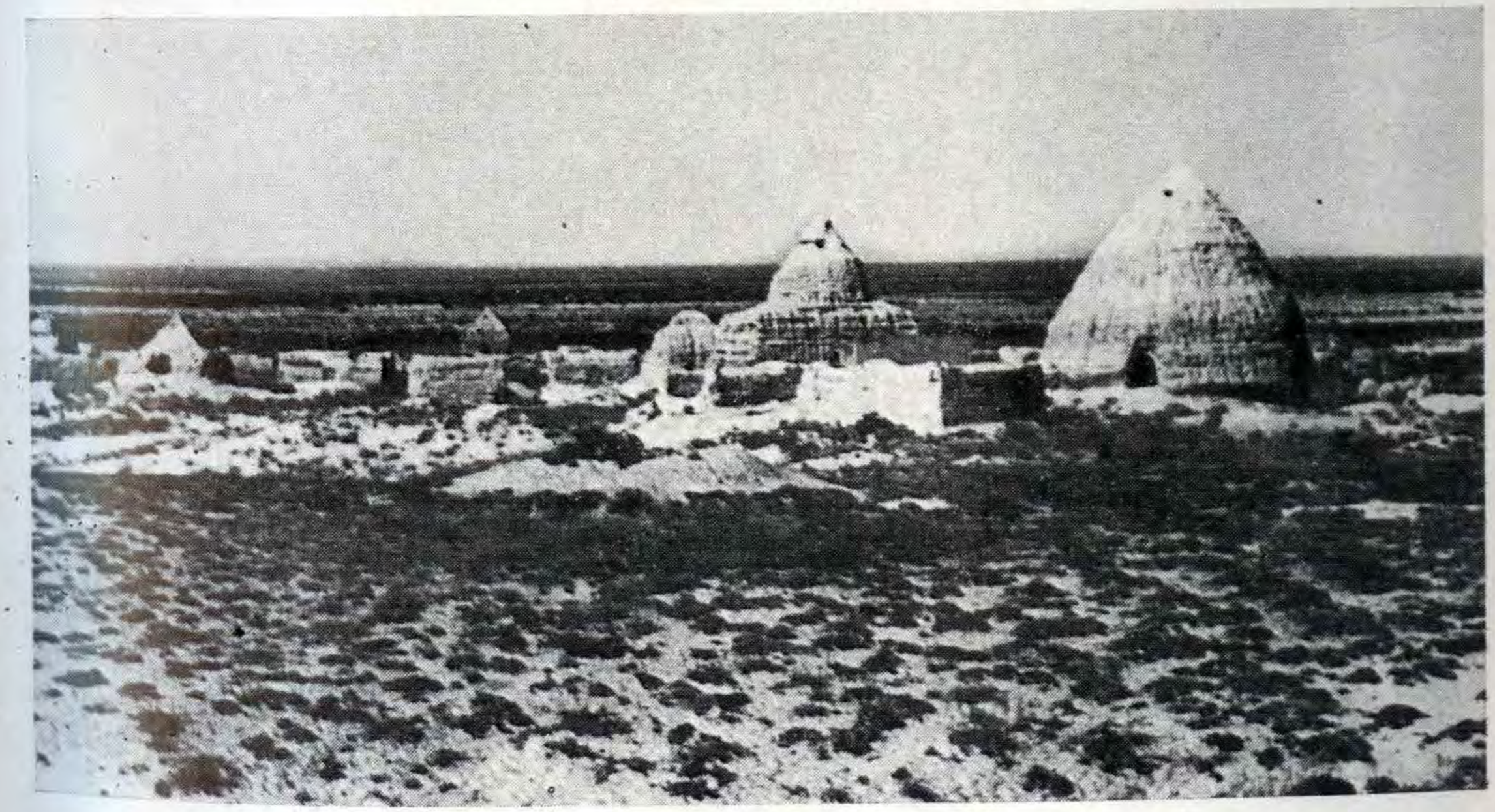
Рассмотрение на основе данных археологических исследований за последнюю четверть века истоков формирования шатрового типа мавзолеев, распространенных в Казахстане, основных этапов их развития, архитектурных особенностей наиболее выдающихся памятников, имеющих, на наш взгляд, этапное значение в истории формирования рассматриваемого типа надгробных сооружений, а также идейно-символической основы их генезиса позволит ориентироваться в исследовании узловых вопросов памятников архитектуры Западного Казахстана, имеющих общие корни возникновения с памятниками других районов республики и Хорезма.

ГЛАВА IV

КУПОЛЬНЫЕ МАВЗОЛЕИ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА

Преобладающая часть купольных мавзолеев Западного Казахстана представляет собою небольшие по величине однокамерные сооружения, которые подразделяются на два основных типа: шатровый с конусо-пирамидальными куполами, связанный со строительной традицией долины Сырдарьи; мавзолеи со шлемовидными куполами, появившиеся позднее — в кипчако-казахский период. Хронологические рамки охваченных изучением памятников ограничены XI — началом XX вв. и могут быть разбиты на следующие основные периоды:

Первый период (XI— первая половина XIII в.), когда огузо-кипчакские племена, посменно перемещавшиеся из долины Сырдарьи на запад — Устюрт и долину р. Эмбы, строили здесь в основном глинобитно-сырцовые надгробные памятники, о чем свидетельствуют письменные источники (ибн-Фадлан, Виллем Рубрук) (49; 79, с. 108). В то же время возводились отдельные шатровые мавзолеи из обожженного кирпича и естественного камня, отмеченные Виллемом Рубруком (80, с. 102). Из-за недолговечности строительных материалов глинобитно-сырцовые



Сырцовые мавзолеи. XVII—XVIII вв. Урочище Ак-мечеть на Эмбе. Фото 1952 г.

Сырцовые мавзолеи. XVIII—XIX вв. Устюрт, местность Ешки-кырылган. Фото 1952 г.

памятники не сохранились, но о них можно составить представление по памятникам XVII—XVIII вв. Устюрта и долины реки Эмбы, сохранившим архаичные черты.

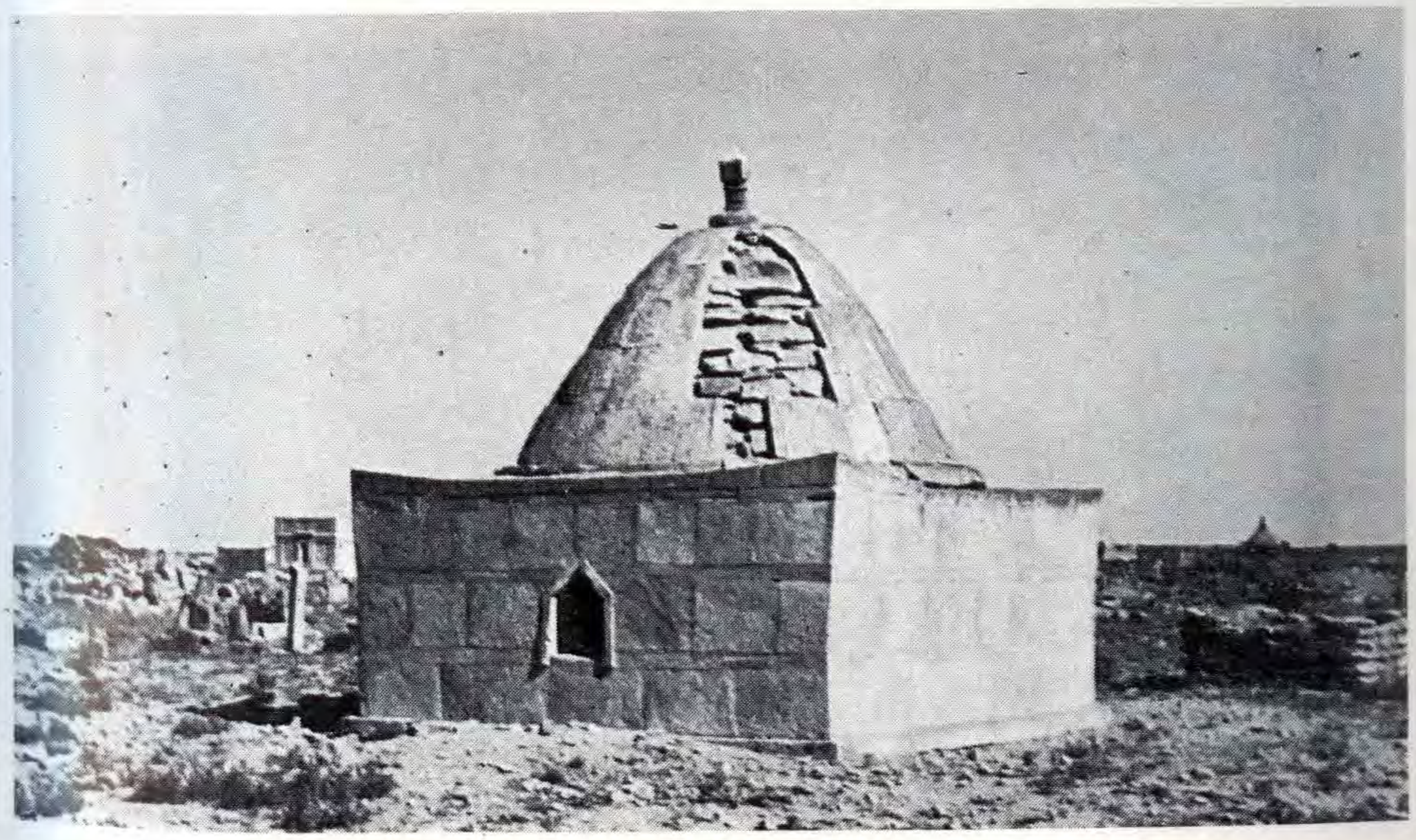
Второй период (XIV—XVI вв.). В этот период более широко внедряется в строительство обожженный кирпич и местный камень — ракушечник; наблюдается влияние архитектуры Хорезма. Примером является караван-сарай в Белеули.

Мавзолей Шикнияза. XVII—XVIII вв. Кзыл-Ординская область, село Кармакчи (по И. А. Кастанье)

Глинобитный мавзолей. XVII—XVIII вв. Долина Сырдарьи (по И. А. Кастанье)

В третьем периоде (XVII—XVIII вв.) в результате неблагоприятной военно-политической обстановки в регионе происходит упадок строительной деятельности, появляются небольшие глинобитно-сырцовые мавзолеи, сходные с одновременными постройками долины Сырдарьи.

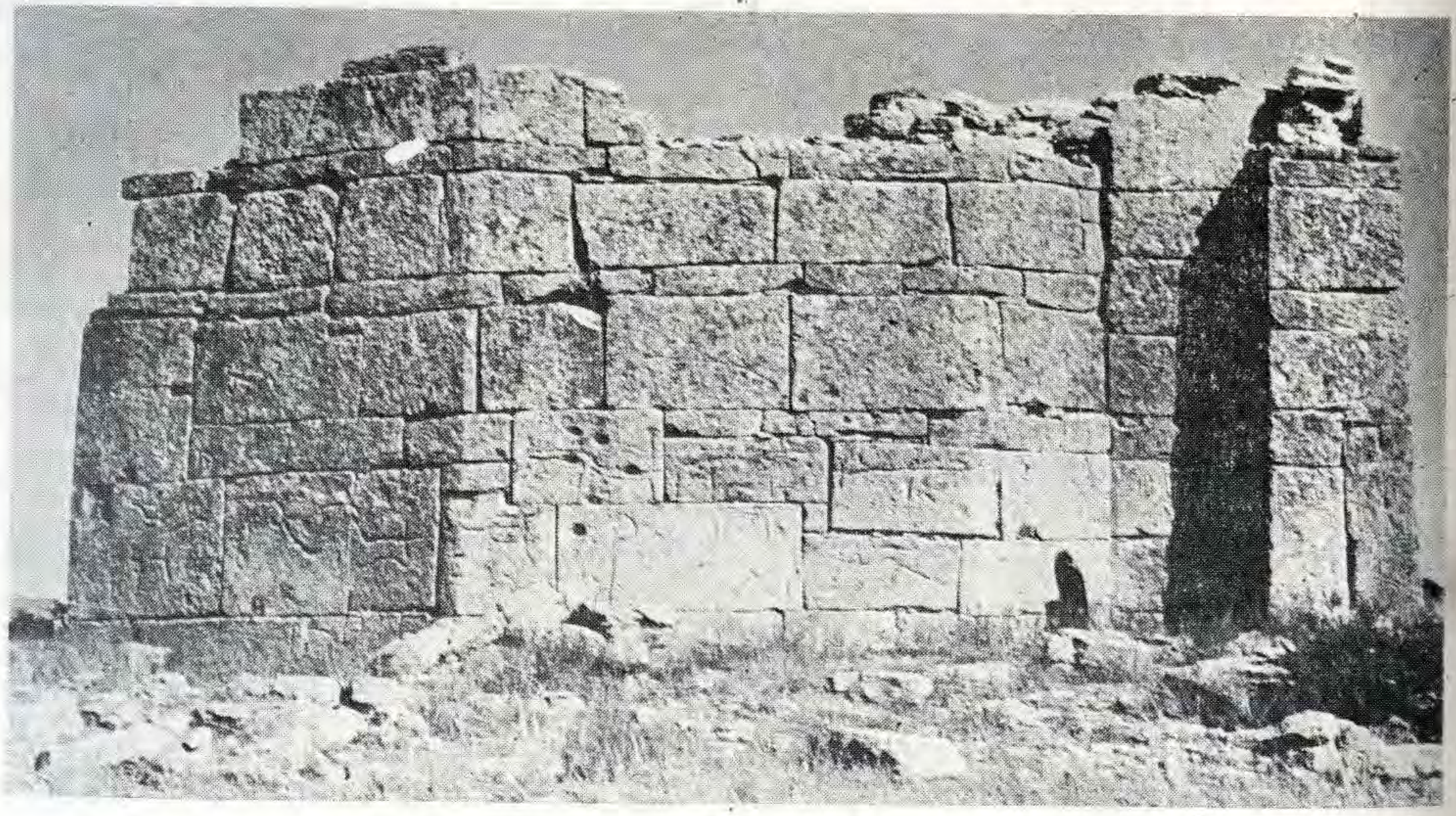
Объемная структура этих памятников представлена двумя вариантами: 1) единый конусообразный объем, образование формы которого начи-



Мавзолей Уали. Конец XVIII— начало XIX вв. Устюрт. Фото 1952 г.

Мавзолей Космола. Первая половина XIV в. Западный чинок Устюрта. Фото 1952 г.

нается с уровня пола; 2) сочетание четверика и конусовидного или пирамидального купола и в этом случае подкупольная конструкция — примитивный уступчатый или перспективный тромп. Сравнение этих памятников Устюрта и долины реки Эмбы с одновременными глинобитно-



Мавзолей Космола. Западный фасад

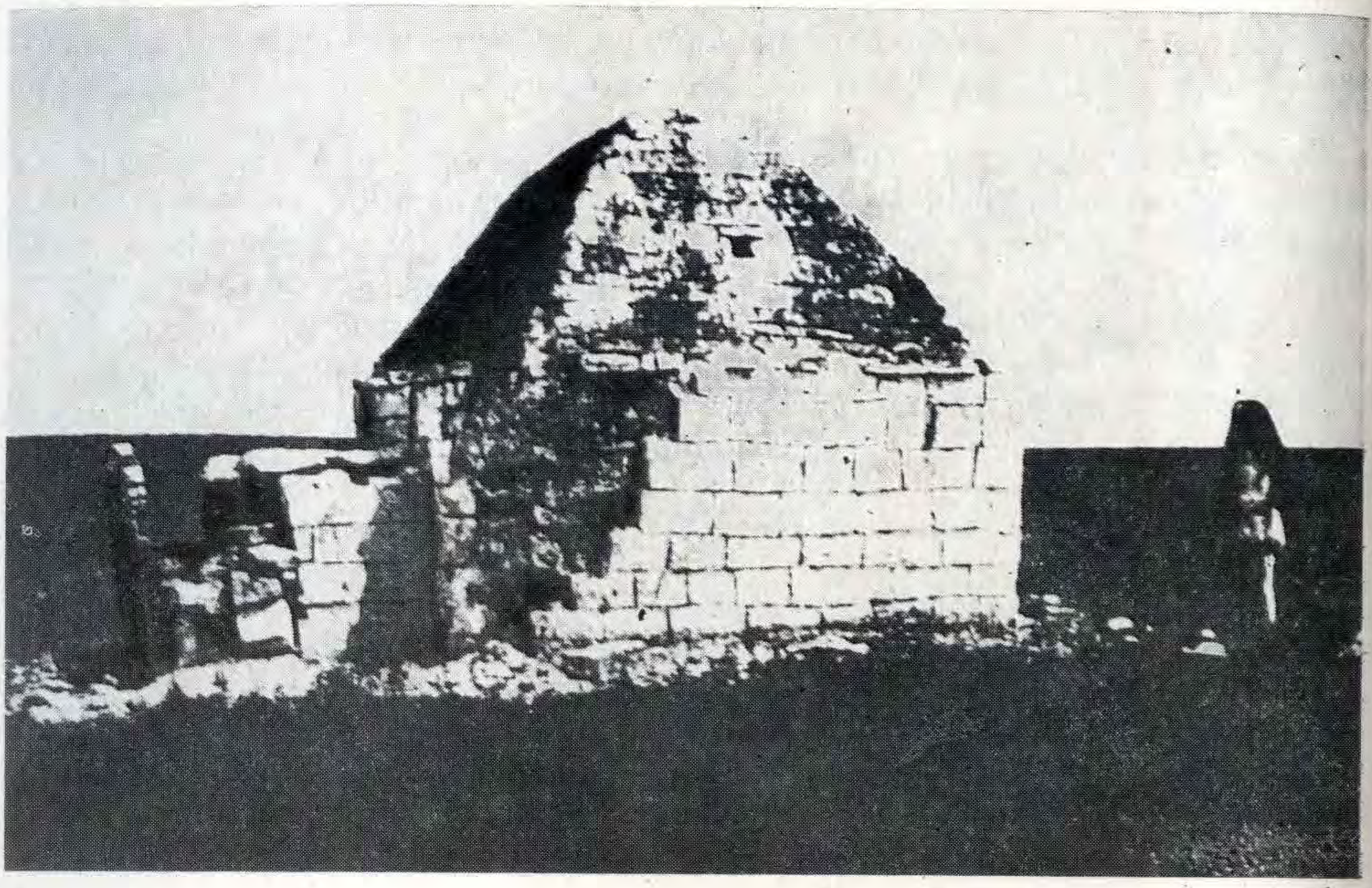
сырцовыми мавзолеями Сырдарьи не оставляет сомнения в том, что они относятся к одной строительной культуре, возникшей еще в эпоху поздней бронзы и античности в древней дельте Сырдарьи (мавзолеи Тагискена и Баланды-2).

В четвертый период (конец XVIII — 1 пол. XIX вв.) возобновляется строительство каменных мавзолеев, в архитектуре которых появляется шлемовидный купол сначала без барабана и облицовки каменными плитами, а затем на низком барабане и с облицовкой.

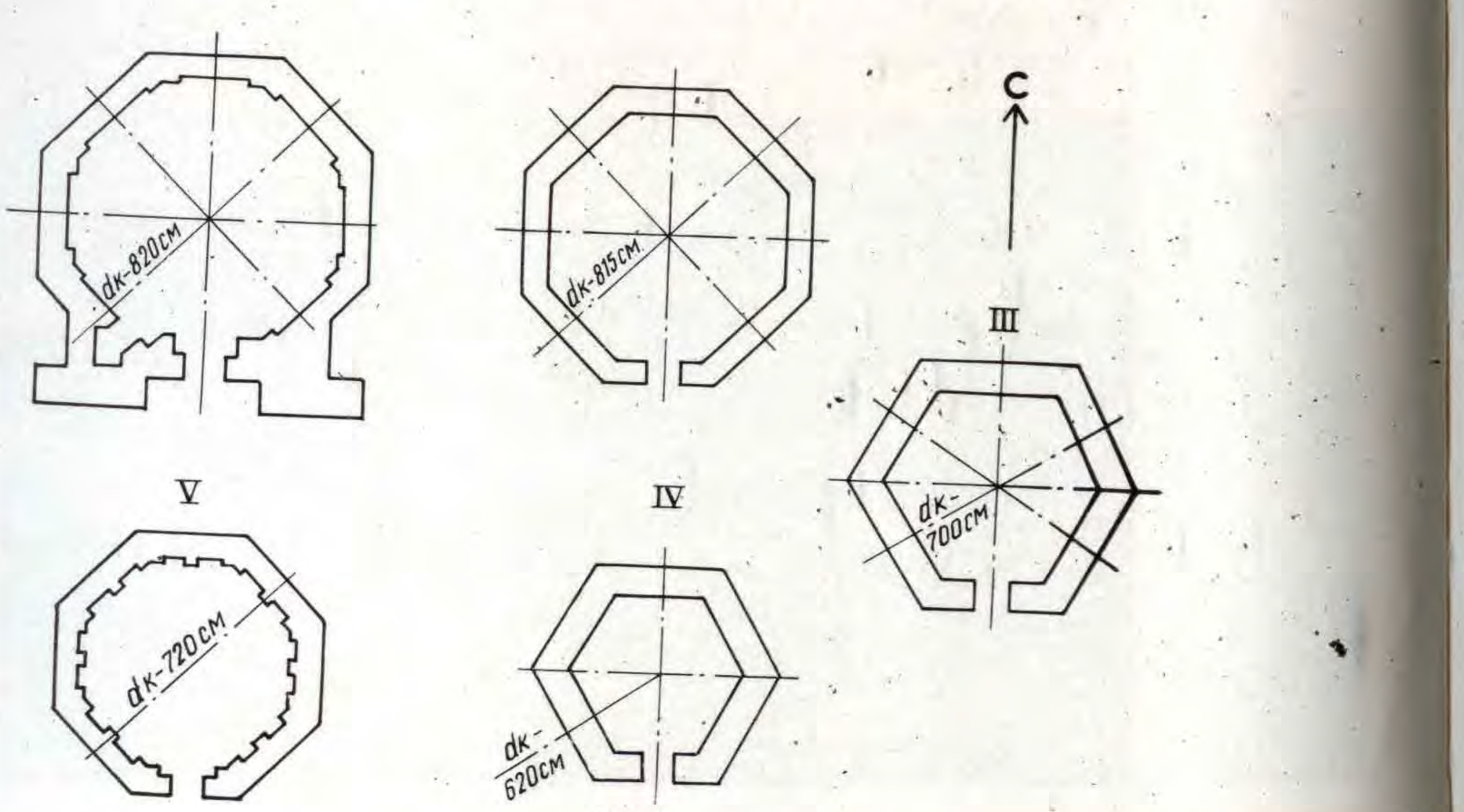
Пятый период (2 пол. XIX— начало XX вв.) отмечен массовым строительством всех видов и типов мемориальных сооружений, обусловленным нормализацией жизни в степи и усилением культурно-экономических связей с соседними регионами после окончательного присоединения Казахстана к России. В это время возникают артели профессиональных строителей, возглавляемые опытными мастерами, что способствовало повышению уровня строительной культуры в регионе. Именно в этот период сложились те особенности архитектуры памятников, которые отличают их от других районов Казахстана и Средней Азии того времени.

Мавзолей Космола, вернее его руины находятся на западном чинке Устюрта около одноименного колодца. Слово «Космола» означает две

Мавзолей Космола. Фрагмент интерьера. Арочные ниши.



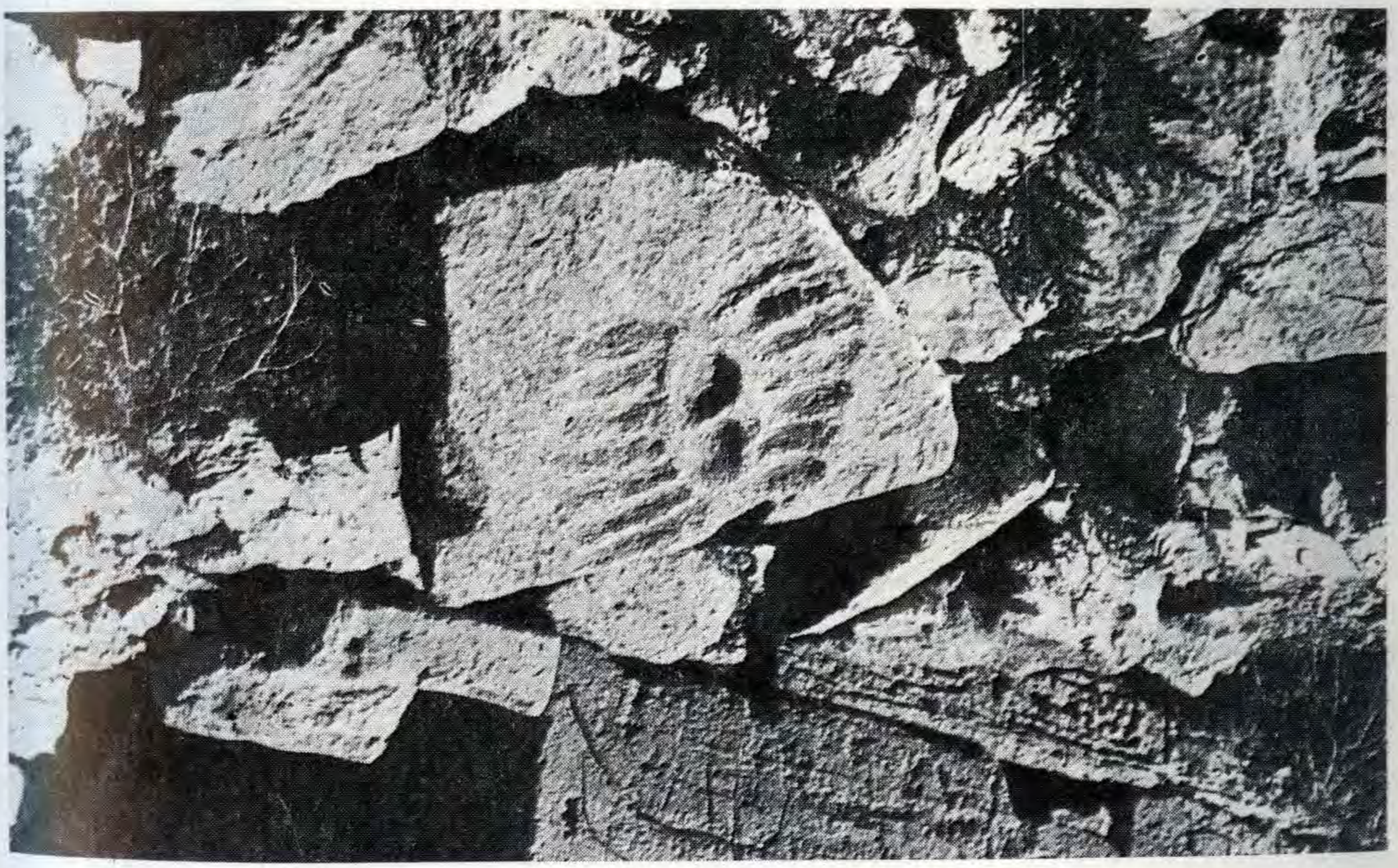
Мавзолей Ак-мола на берегу реки Сагыза. Фото С. И. Руденко, 1927 г.



Планы 6-ти и 8-мигранных мавзолеев Западного Казахстана

гробницы. Одна из них имела пирамидальный купол, ныне полностью разрушена, но название сохранилось.

Это одно из первых в регионе монументальное каменное портально-купольное сооружение, не уступающее по величине и художественной выразительности многим известным мавзолеям других районов Казахстана, на наш взгляд, является этапным в архитектуре Западного Казахстана. В нем ясно прослеживаются как архаические местные черты, так и общая тенденция в развитии зодчества Казахстана и Средней Азии XII—XIV вв. План имеет форму восьмигранника, вписанный в круг диаметром 8,2 м, в южную грань вкомпанованы массивные стены портала. В его левом пилоне расположена полуразрушенная винтовая лестница. Верхние части стен и портала сильно разрушены, что не позволило определить высоту и форму купольного покрытия. Однако, судя по наличию проема на одной из граней второго этажа памятника и аналогии покрытия многогранных построек того времени (74, с. 263), он имел восьмигранный купол, подобный куполу мавзолея Ак-мола, хотя последний относится к более позднему времени. Отсутствие фундамента и цоколя, облицовка монолитной стены портала неровно отесанными и шлифованными крупными блоками; перекрытие входного проема огромной каменной плитой-квадратом и треугольно-уступчатая арка глубокой ниши портала, придающих облику здания архаические черты, свидетельствуют об отсутствии у строителей памятника опыта в использовании камня. Вместе с тем появление мощного портала и высокие стрельчатые



Каменная плита с выдолбленными лунками для игры «тогыз-кумалак»

ниши в интерьере показывают, что строители стремились придать сооружению черты среднеазиатской архитектуры XII—XIV вв., свойственные караван сараям Устюрта и мавзолеям Сырдарьи и Центрального Казахстана: Аяк-Хамыр, Джочи-хан, Сырлы-там и т. д.

Отмеченные архаические черты позволяют отнести его к IX—X вв., но, полагая, что он мог быть построен местными мастерами невысокой квалификации, слабо освоившими технику каменных работ, и, учитывая появление монументального портала, считаем возможным датировать его первой половиной XIV в.

По сведениям письменных источников, в это время здесь кочевали кипчако-алшинские племена, находившиеся под властью Золотой Орды (6, с. 40).

Родовые тамги на наружных стенах памятника и найденная здесь плита с выдолбленными лунками для древнеказахской народной игры «тогуз-кумалак» подкрепляют это предположение. Этот один из первых каменных мавзолеев региона, вероятно, был возведен над могилой одного из представителей алшино-кипчакской знати.

Его историко-архитектурное значение заключается в том, что в кладке стен восьмигранной части впервые встречается чередование вертикально поставленных крупных блоков и горизонтальных плит, возникшее на основе своеобразного применения древнего приема забутовки стен, ставшее характерным декоративным приемом в архитектуре последующих периодов.

Мавзолей на некрополе Сейсен-ата — это небольшое центрично-шатровое сооружение. Его объемная композиция состоит из приземистого четверика и конусовидного купола, сложенного из необработанного камня-плитняка. Крупное членение фасадов четверика и мощное каменное покрытие придают ему монументальность. Как и в мавзолее Космола, стены выложены из вертикальных и горизонтальных плит. Асимметрично расположенный входной проем главного фасада перекрыт целым квадратом—каменной балкой, опирающейся на толстые столбики, поверхность которых покрыта орнаментальной резьбой. На карнизной плите зубчатая вырезка. Эти скромные архитектурные и декоративные элементы несколько смягчают суровый характер здания.

Этому мавзолею в регионе нет близких по времени однотипных аналогов, поэтому датировать его трудно. Некрополь Сейсен-ата, где находится этот безымянный мавзолей, по народному преданию и датированным памятникам, возник в кипчако-ногайский период, т. е. в золотоордынское время. Возможно, он является одним из первых конусообразных памятников, отмеченных участниками первой русской военно-рекогносцировочной экспедицией 1825 г. (74, с. 263; илл. 11 на с. 112).

Мавзолей Акшора на Мангышлаке относится к портально-шатровому типу и имеет общие стилевые признаки с мавзолеем Космола, в частности, стены выложены тем же способом — чередованием вертикальных и горизонтальных плит. В плане сооружение квадратное — 6×6 м по наружному контуру стен. На главном фасаде — стрельчатая арка портала в массиве стены. Она не имеет конструктивного значения и является

только декоративным элементом, что характерно для среднеазиатской архитектуры.

К моменту нашего посещения (август 1973 г.) у памятника были сильно разрушены средняя часть северо-восточной стены, верх конусообразного купола и облицовка левой половины стены портала.

Учитывая стилевую общность данного памятника и название мавзолея, означающее собственное имя погребенного здесь человека, распространенное среди кипчако-ногайских племен, мавзолей Акшора может быть датирован в пределах XIV—XVI вв.

Это предположение подтверждается и указанием В. В. Бартольда о том, что в середине XVI в. на Мангышлаке и Устюрте кочевали ногаи, вытеснив туркмен, переселившихся сюда на рубеже XV—XVI вв. (11, с. 102).

Следующим по древности памятником региона, по всей вероятности, является **шестигранный мавзолей на кладбище Уштам** на Мангышлаке, в котором еще сохраняется примитивизм в технике кладки стеновых блоков и плит. Южная грань трактована как главный фасад — портал с неглубокой арочной нишей, фланкированной угловыми, суживающимися кверху пилонами. В глубине ниши устроен входной проем, перекрытый стрельчатой аркой. Она имеет выразительное очертание, характерное для среднеазиатской архитектуры. Над шестигранным телом здания возвы-

Мавзолей Акшора. XIV—XVI вв. Мангышлак. Фото 1973 г.

шался конусовидный купол, верхняя часть которого ныне разрушена. Большое количество обрушившихся каменных плит свидетельствует о его значительной высоте. Одним из признаков древности памятника является контурное изображение быка на нижней части левой стены ниши портала (илл. 12 на с. 113).

К числу памятников рассматриваемого периода следует отнести **мавзолей Бельтуран на одноименном небольшом кладбище на Мангышлаке.** С предыдущими памятниками его роднит прием кладки стен из крупных вертикальных блоков и горизонтальных плит. В орнаментальном украшении тимпана ниши главного фасада — растительные мотивы, по технике начертания аналогичные выполненным на нише портала подземной мечети Шакпак-ата на Мангышлаке, датированной нами первой половиной XIV века. Создается впечатление, что они исполнены одним мастером. О древности памятника свидетельствует и контурное изображение лошади с признаком пола (илл. 13 на с. 113).

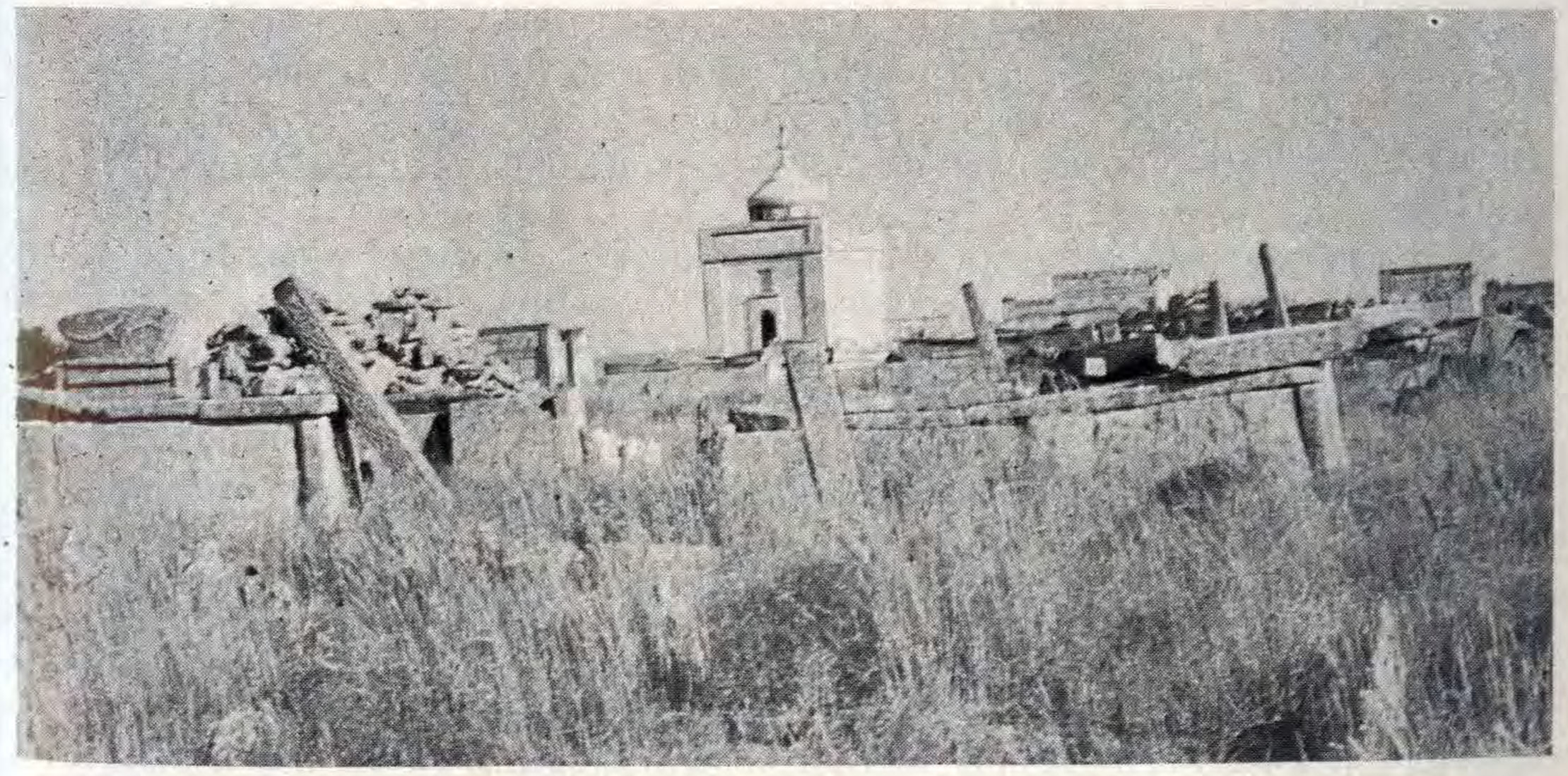
Из-за полной разрушенности покрытия трудно судить о конструкции и форме купола мавзолея.

Мавзолей Долы-апа, расположенный на одноименном небольшом кладбище на Мангышлаке, при общем среднеазиатском характере архитектуры имеет иные стилистические особенности, чем предыдущая группа памятников.

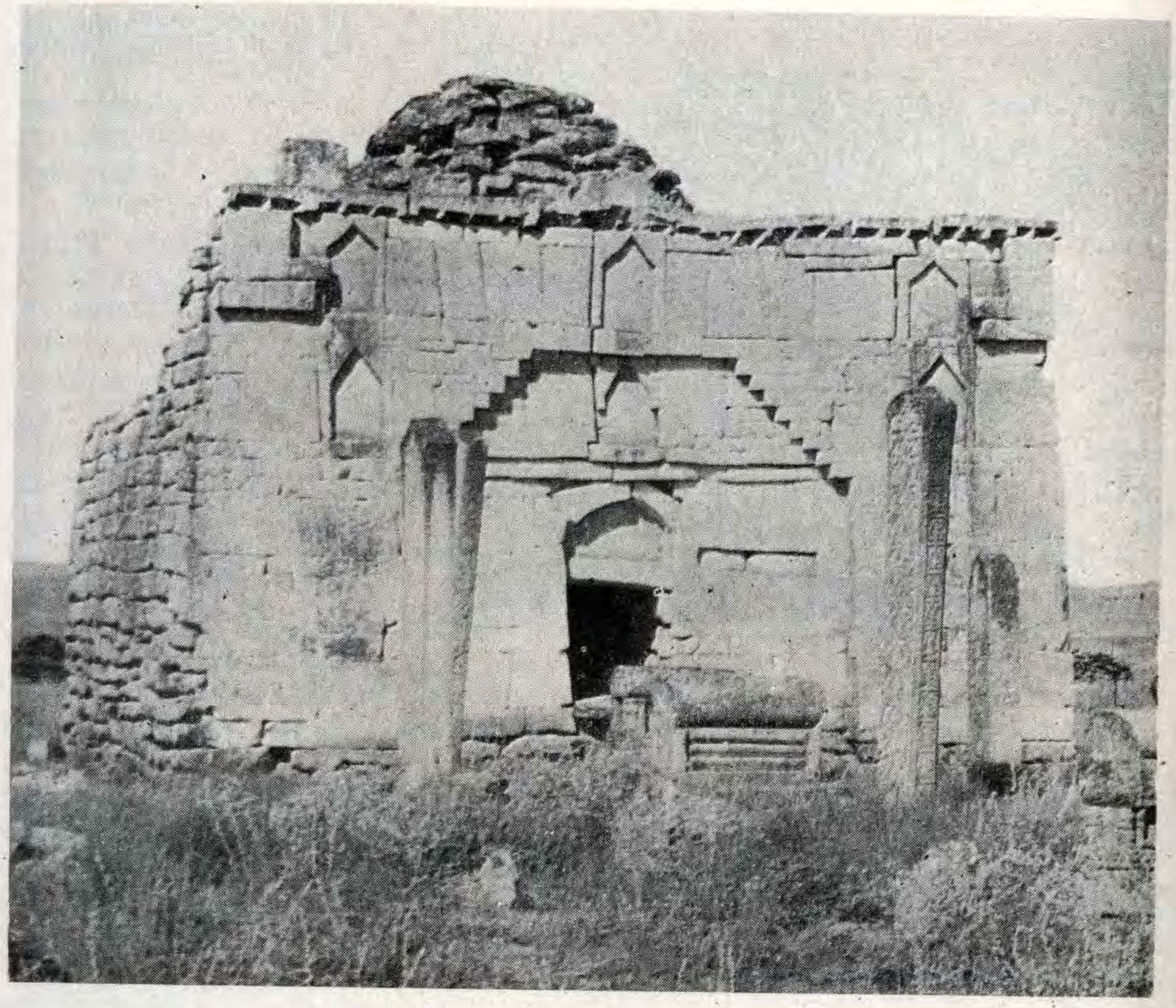
Мавзолей Акшора. Северный фасад

Руины мавзолея на некрополе Шакпак-ата. Фото 1973 г.

Главный фасад, трактованный как парадный портал, отделан неглубокой стрельчатой нишей, обрамленной в верхней части прямоугольной рамкой боковыми двухъярусными узкими нишами, угловыми жгутовыми полуколоннами, и завершен зубчатым ажурным карнизом. Входной проем перекрыт треугольной аркой. Некоторые архитектурно-декоративные средства, характерные для архитектуры Хорезма XIV века, выделяют его среди других мавзолеев региона и позволяют отнести к туркменским памятникам второй половины XIV— первой половины XVI вв., ибо, как



Мавзолей Уали. Конец XVIII— начало XIX вв. Устюрт. Фото 1952 г.



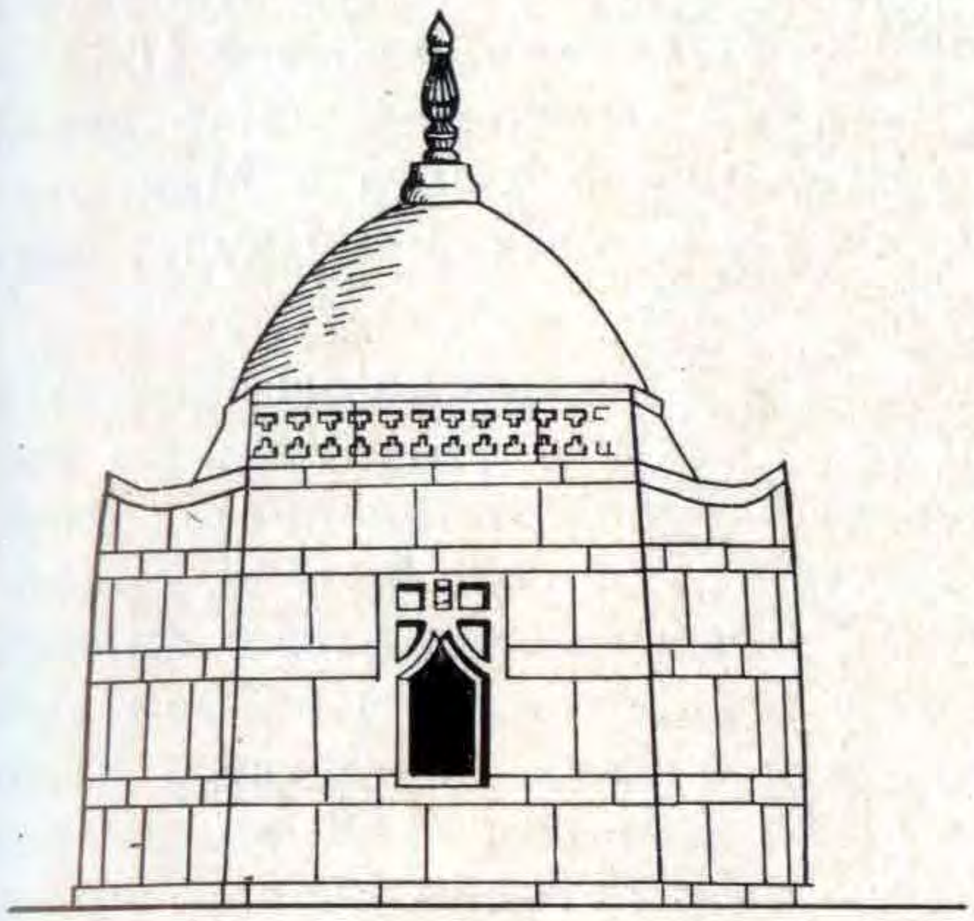
Мавзолей на некрополе Камысбай. Конец XVIII — начало XIX вв. Фото 1973 г.

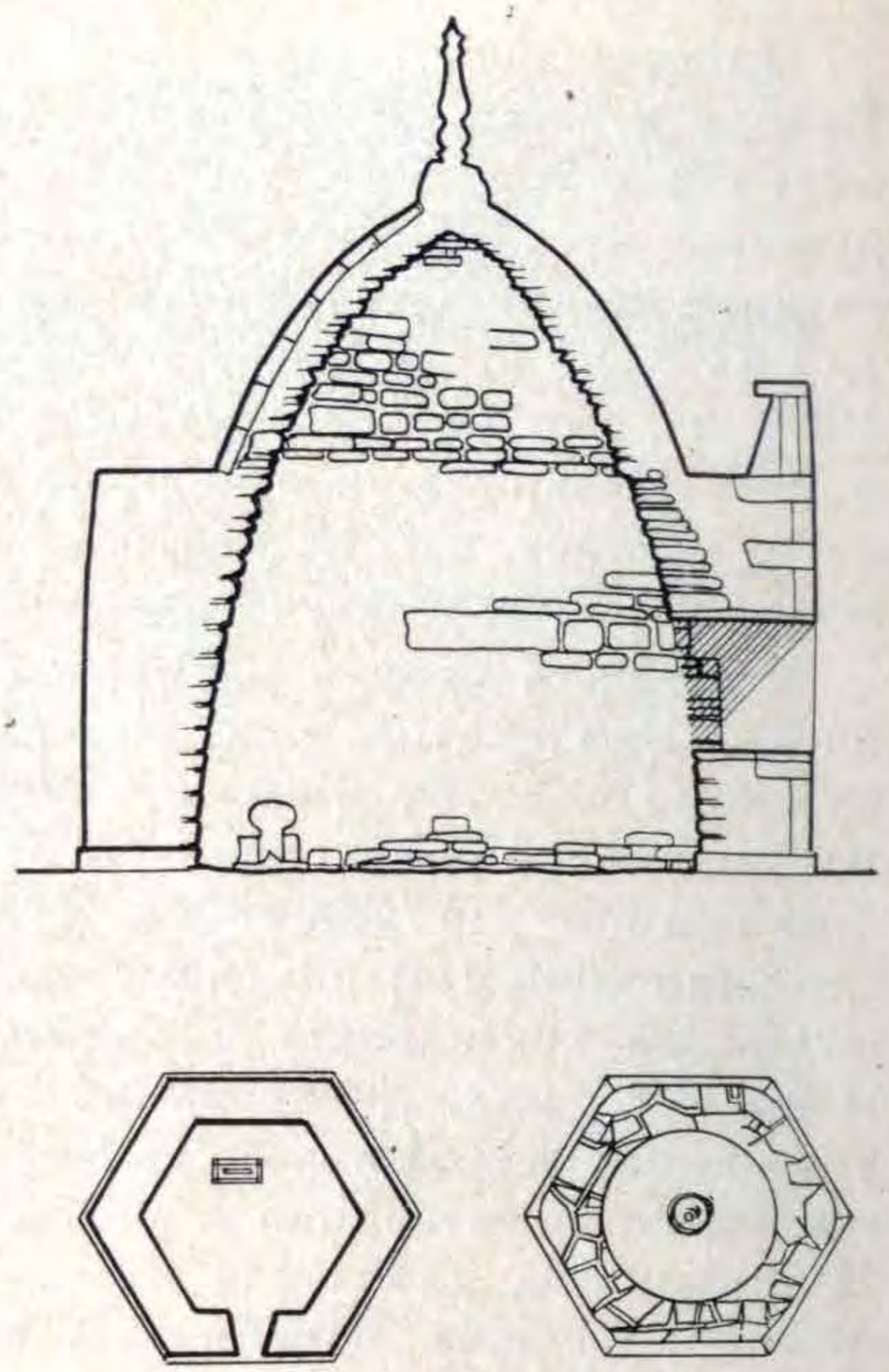
указывалось выше, в это время здесь находились туркмены (илл. 14 на с. 114).

Это предположение подкрепляется еще тем, что в туркменской половине некрополя Шакпак-ата обнаружены руины мавзолея, имевшего сходные признаки с архитектурой мавзолея Долы-апа.

Приблизительно в конце XVIII — начале XIX веков кое-где возобновляется строительство каменных мавзолеев, имеющих различную объемную композицию. Один из них — это крупное портально-купольное сооружение, главный фасад, которого обработан примитивной трапециевидной плоской аркой, выложенной постепенным напуском рядов кладки камней, и завершен зубчатой карнизной плитой. Боковые фасады и конусовидный купол сложены из необработанных камней. Судя по величине, это один из первых фамильных мавзолеев подрода Камысбаевых, образовавших центральное ядро некрополя, возникшего в конце XVIII— начале XIX вв.

Другой памятник этого времени — **мавзолей Уали на Устюрте.** В нем, наряду с повторением традиционного приема кладки стен из отесанных





Мавзолей Ергалия на некрополе Сейсен-ата. 1874 г. Обмер 1973 г.

крупных блоков и плит, появляются новые черты — внешние углы четверика отмечены невысоким подъемом, купол имеет шлемовидную форму со стелообразным шпилем.

В одной группе мавзолеев на некрополе Сейсен-ата, построенной в первой половине — последней трети XIX в., на углах стен четверика появляется треугольное возвышение, шлемовидный купол получает более четкие очертания (илл. 15 на с. 115).

Из этой группы выделяется мавзолей Ергалия. В плане он имеет шестиугольную форму, правильно вписанную в круг диаметром 6,2 м. Фасады его, как и у соседних мавзолеев, отделаны традиционным приемом чередования вертикальных и горизонтальных плит, а главный фасад, обращенный на юго-запад, акцентирован орнаментальной резьбой, приподнятым от уровня земли входным проемом, перекрытым шторовидной аркой, в тимпане которой высечена датирующая надпись ILIVE—1874 г. (илл. 16 на с. 116).

Дальнейший процесс формирования особенностей архитектуры региона может быть прослежен на основе характеристик наиболее значимых памятников, созданных известными народными мастерами последней четверти XIX— начала XX вв.

Наряду с групповыми памятниками, размещенными обычно на крупных некрополях, часто встречаются отдельно стоящие мавзолеи, которые, как правило, располагаются на возвышенных местах и служат хорошими ориентирами в обширной степи.

Такое расположение имеет и **мавзолей Иманбая,** находящийся между Бейнеу и Уали, недалеко от западного обрыва Устюрта. Он построен над могилой богатого скотовода. О времени его строительства имеются следующие противоречивые данные. В углу северной стены интерьера начертана надпись, гласящая: «Это построил мулла Ирмухаммед Акберген I. VE» Если здесь указано летоисчисление хиджры, то получается 1663—1664 гг., что не согласуется с мнением местного населения. Народный мастер Назар Умиров, хорошо знающий памятники Устюрта и Мангышлака, считает, что он построен в 70-х годах XIX в. мастером Даулетниязом — строителем мавзолея Сундета на Эмбе.

Очевидно, вторая датировка вернее. Здание построено из крупных блоков желтоватого ракушечника, имеет близкий к квадрату план по наружному контуру стен (5,1×5,8 м). Незначительное отклонение от формы квадрата происходит за счет утолщения стены главного фасада, ориентированного по традиции на юг. Памятник представляет собою вполне сложившийся тип однокамерных мавзолеев с отработанными элементами объемной композиции и архитектурно-декоративными приемами. Если мавзолей Уали, датированный концом XVIII— началом XIX вв., имеет упрощенную объемную структуру, состоящую из сочетания низкого призматического четверика и массивного шлемовидного купола, то в мавзолее Иманбая она слагается из трех элементов — кубообразного четверика, цилиндрического барабана и четко выраженного шлемовидного купола. Плоскости наружных и внутренних стен украшены резьбой по камню и раскрашены. Главный фасад здания, поставленного на невысокий цоколь, подчеркнут слегка выступающим декоративным порталом, резным парапетом и живописным фризом. Отсутствие фундаментов и прочной конструктивной связи между забутовочным слоем стены и наружной облицовкой явилось причиной разрушения части восточной и западной стен.

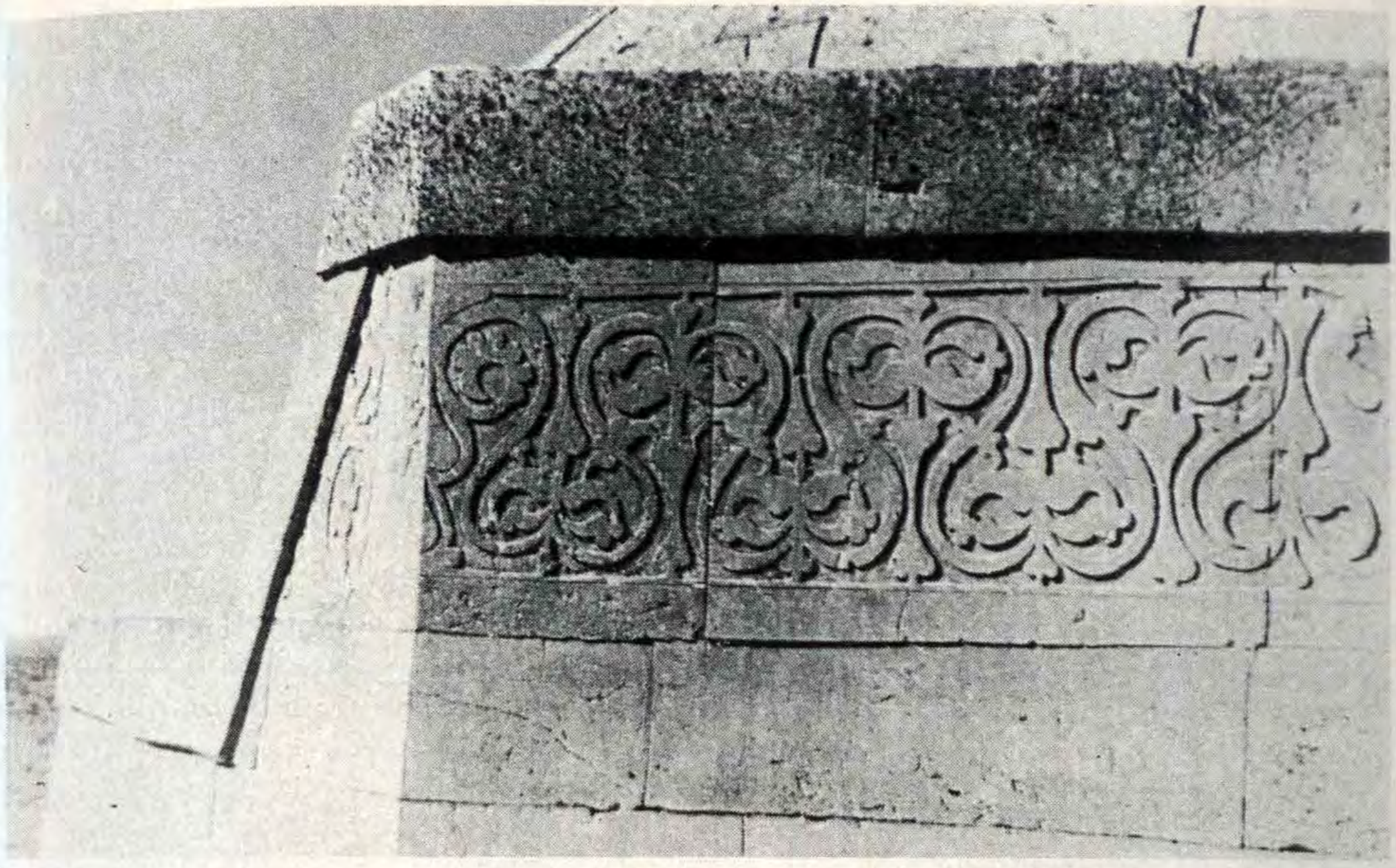
Благодаря хорошим пропорциям, слитности элементов композиции и расположению на пологом холмике, памятник имеет выразительный облик, а с бокового фасада напоминает шлем воина.

Архитектурно-конструктивное решение этого памятника отличается от других тем, что в кладке его стен отсутствуют узкие горизонтальные плиты, служащие одновременно конструктивным и декоративным элементом. Архитектурная отделка заднего фасада усилена устройством декоративного портала, почти не встречаемого у других построек этого времени. (илл. 17, 18 на с. 117).

Мавзолей Иманбая является одним из тех памятников, который заслуживает восстановления его первоначального облика.

Небольшой восьмигранный, со шлемовидным куполом **мавзолей Сундета** находится на левом берегу среднего течения р. Эмбы, построен во второй половине XIX в. мастером Даулетниязом (илл. 19 на с. 118).

Выше говорилось, что мастер Даулетнияз — автор мавзолея Иманбая. Эти два памятника разнятся как в композиционном отношении, так и архитектурно-декоративных приемах, что вызывает сомнение в принадлежности их творчеству одного мастера. Но учитывая, что народные мастера каждый раз искали новое решение, стремились не повторяться не только в строительстве целого здания, но и в отделке симметрично рас-



Мавзолей Сундета. Фрагмент фриза. Резьба по камню. Середина XIX в.

положенных орнаментальных композиций, невозможно в данном случае отрицать авторство одного мастера.

Видимо, мавзолей Сундета строился раньше, чем мавзолей Иманбая, о чем свидетельствует более изощренное орнаментальное украшение его главного фасада. Как и другие памятники этого периода, он повторяет традиционные приемы кладки стен и подкупольной конструкции. Но этот скромный по величине памятник интересен цельностью внешней объемной композиции и строго геометризованным орнаментальным декором главного фасада. Мотив «веревочки», скомпонованный по мотиву народного орнамента «туйе-табан» на парапете, органично сочетается с архитектурой здания и не случайно нашел удачное использование на фризе памятника Амангельды Иманову в г. Алма-Ате.

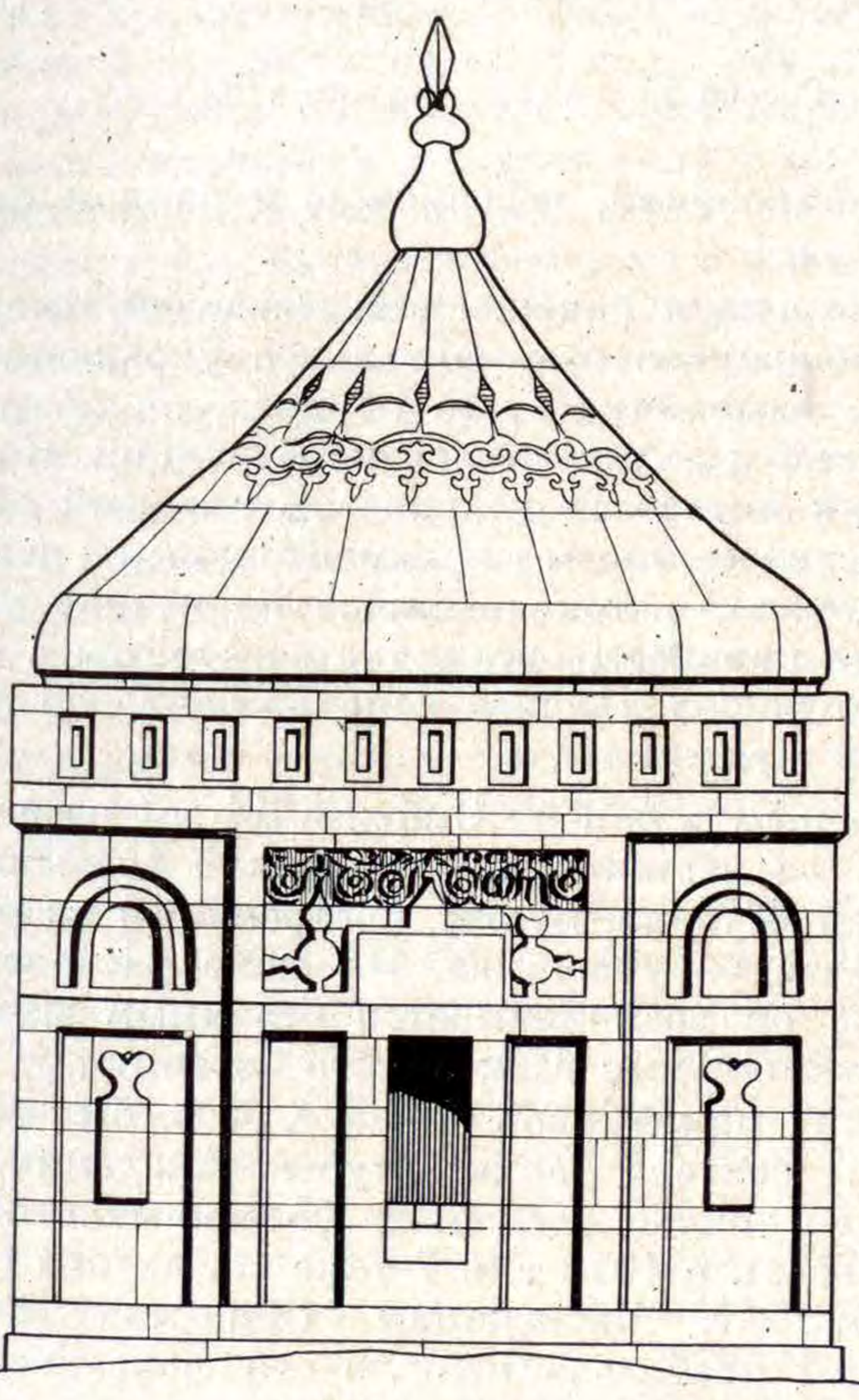
В северо-восточной части дельты нижней Эмбы, в 14 км на северо-восток от урочища Даулеттау, на вершине пологой сопки возвышается купольно-центрический **мавзолей Жубана,** муллы, построенный из мелкозернистого светло-кремового цвета ракушечника. На фоне раскаленного фиолетово-синего неба издалека он воспринимается огромным молочно-белым сооружением, хотя действительные размеры его невелики.

Впервые этот один из лучших памятников конца XIX в. был зафиксирован в 1952 г. экспедицией сектора архитектуры Академии наук КазССР. Но тогда было сделано только несколько фотоснимков общего вида. Один из них был опубликован в 1975 г. в 7 томе Казахской Советской Энциклопедии. В 1973 г. экспедиция Общества охраны памятников истории и культуры произвела полную его фиксацию. Па-

мятник хорошей сохранности, только несколько поблекли краски орнаментальных узоров на куполе и наружных стенах и сдвинут с места угловой блок парапета главного фасада.

Согласно надписи на северной стене внутри мавзолея, мулла Жубан умер в 1894 г. Следовательно, мавзолей должен быть построен в годовщину его смерти — в 1895 г., если он не был возведен при жизни заказчика. Заслуживает внимания вторая надпись о расходах, затраченных на строительство мавзолея: 20 тыс. рублей, 10 лошадей, 122 барана, один пуд чая и 15 пудов сахара, в конце имя мастера — уста Нугман. Судя по тому, что названо только имя мастера без указания фамилии и родовой его принадлежности, а также внушительной стоимости его работы, можно предположить, что он был одним из известных мастеров последней четверти XIX века.

В плане здание представляет прямоугольник, близкий к квадрату по наружному контуру стен (5,8×6,65 м). Его объемная композиция состоит из кубовидного тела, поставленного на двухступенчатый цоколь, низкого цилиндрического барабана и высокого шлемовидного купола, увенчанного фигурным шпилем. Эти структурные элементы являются традиционными



Мавзолей Жубана. 1895—1896 гг.
Мастер Нугман. Обмер 1973 г.

Мавзолей Жубана. Интерьер. Фрагмент

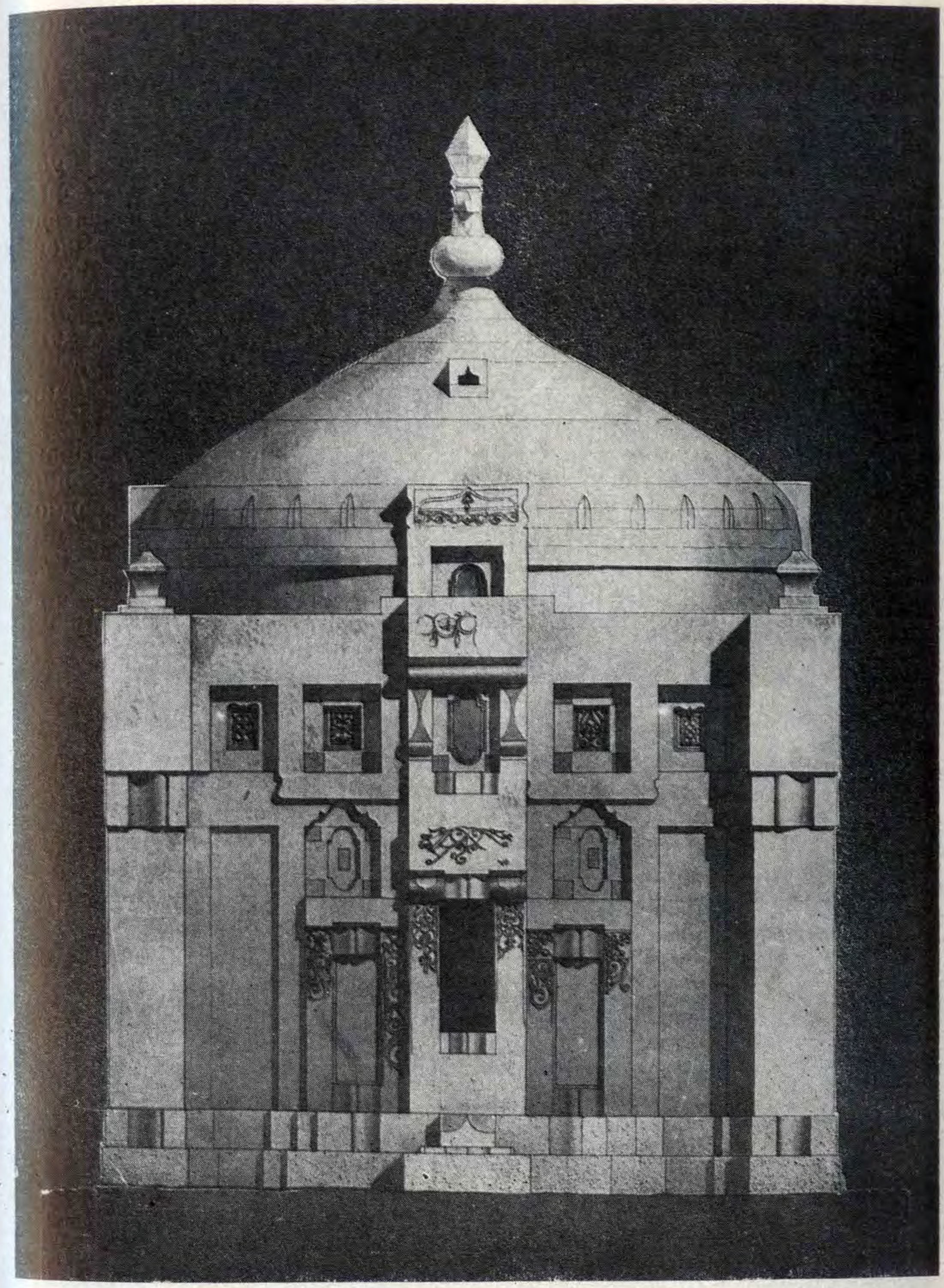
для всех мемориальных построек региона в этот период. Архитектурное решение фасадов отличается своеобразием, характеризующим творческий почерк мастера. Все четыре фасада мавзолея от уровня цоколя до низа парапета расчленены по вертикали на три части: на центрально-порталь-ную, обрамленную плоскими лопатками и украшенную орнаментирован-ным тимпаном, и на две боковые части, отделенные двухъярусными не-глубокими нишами. Этим приемом обработки достигнуто единство архи-тектуры памятника при некотором различии каждого фасада. Так, глав-ный фасад, ориентированный на юго-запад, кроме декорированного пор-тала, обогащен массивным парапетом, украшенным орнаментированными прямоугольными нишами, тогда как углы остальных фасадов отмечены лишь треугольными фигурами, ниспадающими скатами друг к другу. По-верхность купола, облицованного плитами, выложенными радиально-ко-льцевой кладкой, расписана крупными геометрическими и стилизованны-ми растительными узорами голубого, красного и светло-желтого цвета, которые, хотя теперь местами выцвели, но все же придают куполу на-рядный вид и зрительно облегчают его объем.

Вход — лаз, исключающий попадание животных в гробницу, является единственным источником дневного освещения. Утрамбованный земляной пол помещения значительно углублен по отношению к уровню цоколя, что несколько увеличило высоту внутреннего пространства. Высота внут-реннего конусообразного купола 7,7 м. Переход от квадрата стен к ку-полу осуществлен с помощью балочно-нишевого паруса. Все четыре сте-ны помещения, расчлененные системой плоских ниш и лопаток, расписа-ны различными вариациями растительных узоров, зооморфных — «кус та-бан», «кошкар муйиз» и изображениями предметов быта и оружия, при-чем по мере увеличения высоты помещения последовательно укрупняют-ся орнаментальные рисунки, не теряя ясности сюжетов и выразитель-ности форм.

Мавзолей Омара и Тура (1897 г.), выявленный и кратко описанный в 1946 г. архитектором Т. К. Басеновым, является одним из лучших про-изведений известных народных мастеров — Дуйсена, Умира и Ордабая Каражусуповых. Он находится в северо-западной части Устюрта, в 18 км севернее поселка Новый Бейнеу.

Мавзолей прямоугольный в плане (5,7×6,2 м), имеет высоту 8,2 м. Благодаря удачному выбору размеров создается впечатление устремлен-ности объема памятника вверх. Все фасады удивительно пропорциональ-но расчленены на крупные пилоны, двухъярусные вертикальные лопатки и горизонтальные ниши. Так же решен и интерьер. В этом памятнике традиционное членение стен отличается особой выразительностью и ре-льефностью, создает игру света и тени. Сфероконический купол, покоя-щийся на массивном цилиндрическом барабане с четырьмя декоративны-ми порталами, увенчан фигурным шпилем (илл. 21 на с. 119)).

Декоративное оформление интерьера в основных чертах воспроизво-дит внутреннее убранство юрты. Несмотря на некоторую разномасштаб-ность орнаментальных узоров, они отличаются геометрической четкостью рисунков и гармоничным колористическим решением. Высокохудожест-венный облик этого крупного архитектурного сооружения позволяет от-



Мавзолей Омара и Тура. 1897 г. Мангышлакская область. Мастера Каражусуповы. Обмер 1973 г.

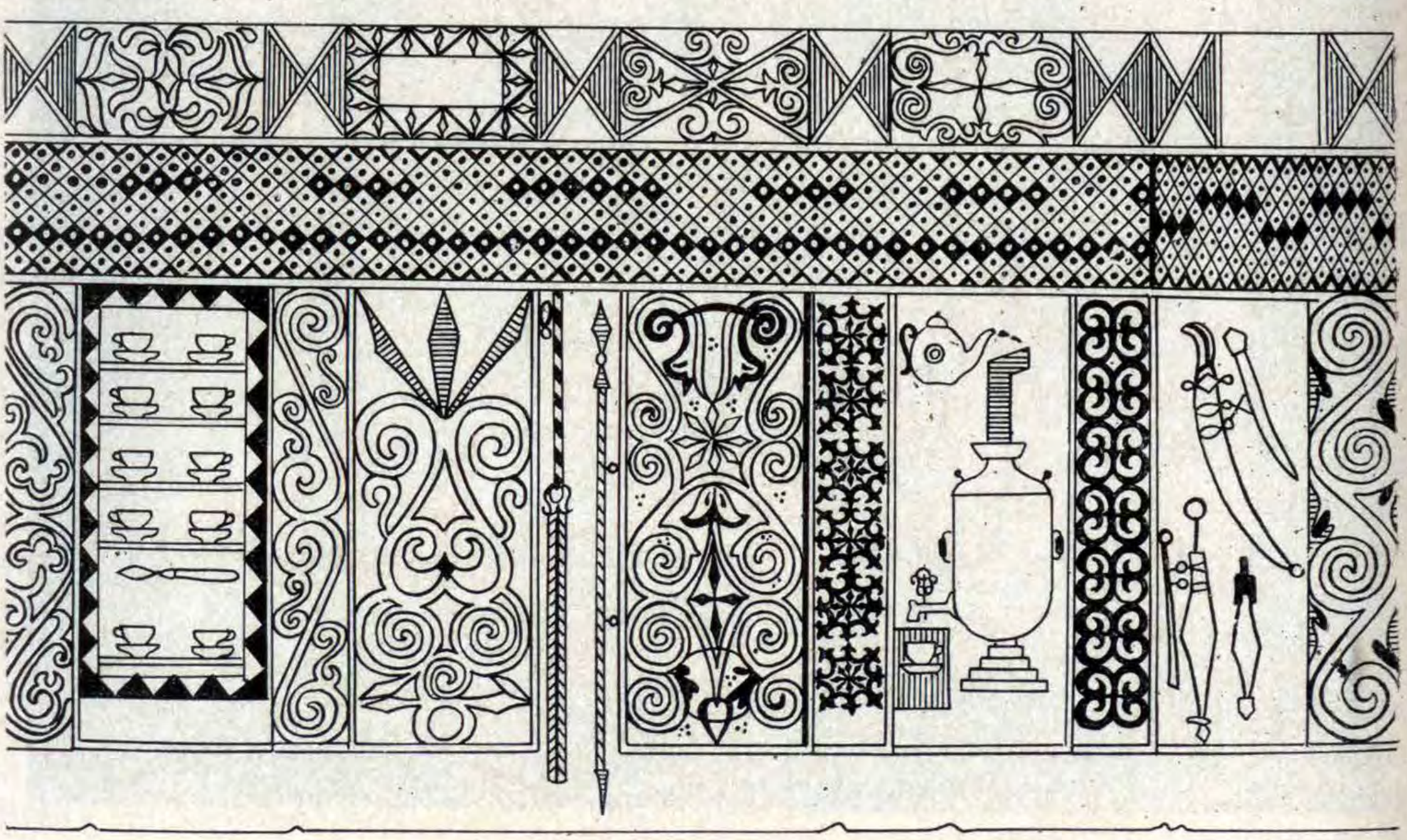
нести его к шедеврам народного зодчества не только этого региона, но и Казахстана в целом.

Мавзолей Айтмана (1897—1898 гг.) — второе из известных нам произведений братьев Каражусуповых, находится в юго-восточной части Устюрта, возле группы колодцев, называемой Айтман-су. Он относится к купольно-центрическому типу надгробных сооружений, у которого кубический четверик, цилиндрический барабан и шлемовидный купол, соразмерно сочетаясь, образуют гармоническую композицию. Все фасады здания по своему художественному решению почти равноценны, оформлены трехчастными полукружиями декоративных порталов, лучковой формы парапетами и резными картушами.

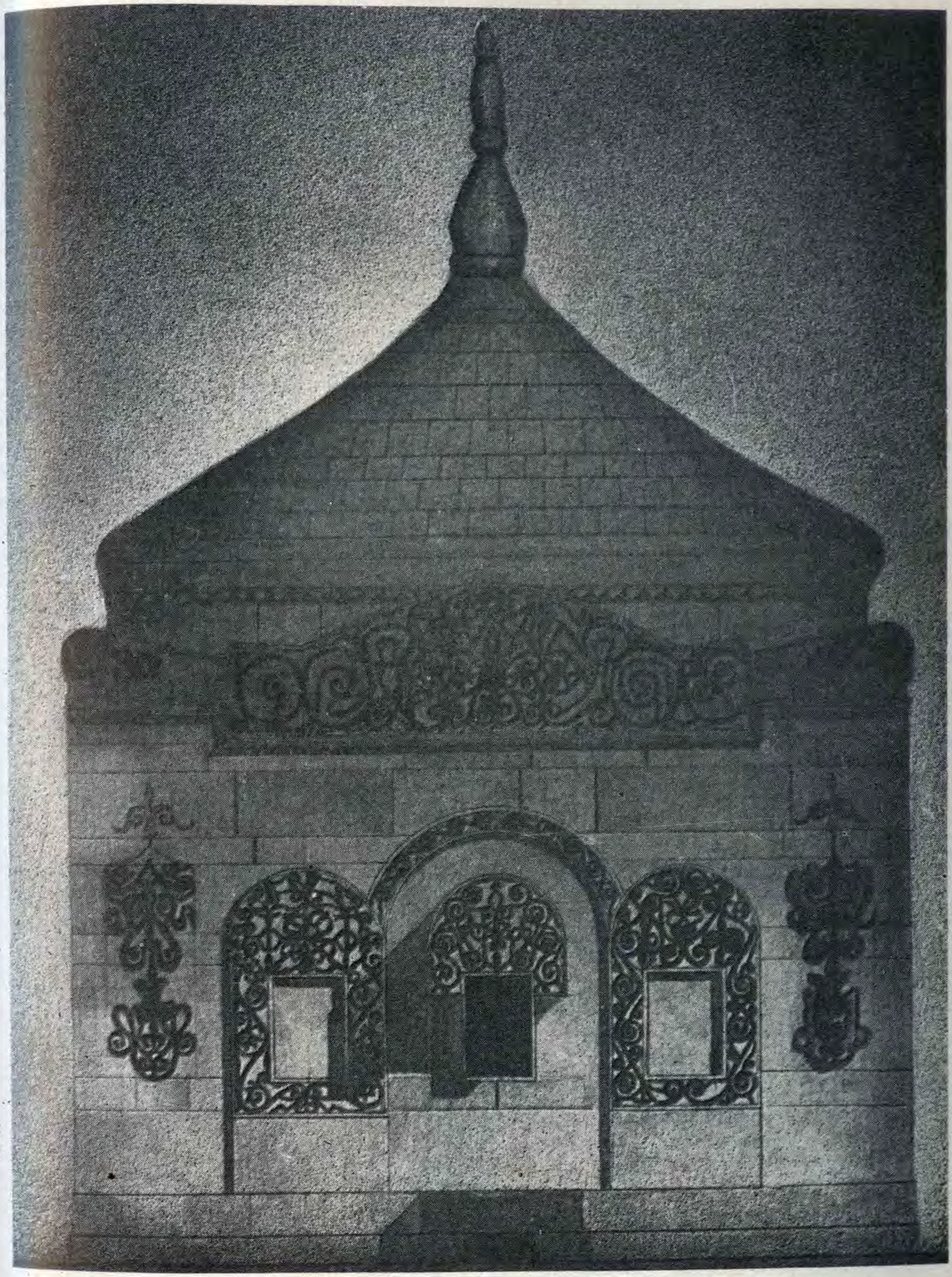
Архитектурно-декоративное оформление интерьера также отличается высоким художественным уровнем. Плоскости внутренних стен, расчлененные на ниши и плоские лопатки, расписаны орнаментом, изображениями предметов быта и вооружения.

Простота и органичность элементов объемной композиции, выразительность архитектурных форм, новизна декоративных средств позволяют отнести это сооружение к числу оригинальных произведений народного зодчества конца XIX в.

Сравнение мавзолеев Омара и Тура, Айтмана показывает, что при общности схемы объемной структуры архитектура их отличается индивидуальным характером. Если первый памятник характеризуется круп-



Мавзолей Айтмана. Интерьер. Обмер 1952 г.

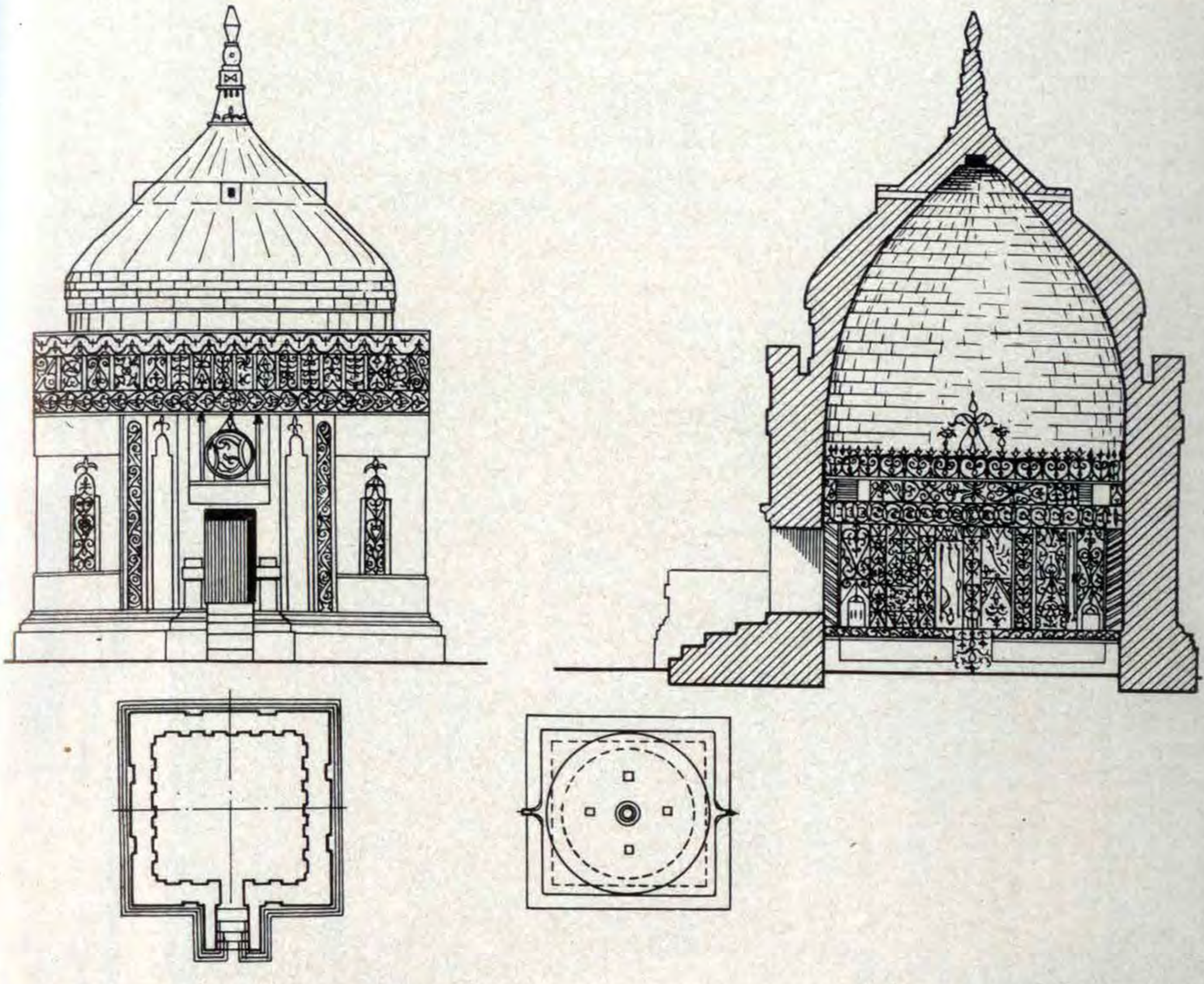


Мавзолей Айтмана. 1897—1898 гг. Мангышлакская область. Мастера Каражусуповы. Обмер 1952 г.

ными и рельефными формами, то художественные достоинства второго создаются более изысканными архитектурно-декоративными средствами.

В урочище Сенек на Мангышлаке, в восточной части небольшого кладбища, на фоне песчаных холмов, возвышается стройное здание **мавзолея Нурбергена Калышева,** построенное в 1900 г. мастером Дутбаем Жандаулетовым. Строительным и декоративным материалом служит камень-ракушечник мелкозернистой структуры светло-кремового цвета. Объемная композиция здания, имеющего квадратный план (5,5×5,5 м), скомпанована из кубовидного четверика, поставленного на развитый цоколь, высокого цилиндрического барабана и изящного шлемовидного купола, увенчанного фигурно обработанным шпилем. Главный фасад здания обращен по традиции на юг. Его архитектурно-декоративное оформление отличается нарядностью. Вертикальные членения плоскостей лопатками и нишами, повторяясь с незначительными упрощениями на других фасадах, определяют единство архитектуры постройки. Входной проем, устроенный на уровне верхнего обреза профилированного цоколя, перекрыт горизонтальной перемычкой и отмечен фигурным карнизом и круглой розеткой. Богато украшен парапет главного фасада, нижний фриз которого опоясывает все фасады здания. Верхние части угловых стен боковых фасадов акцентированы треугольными возвышениями, об-

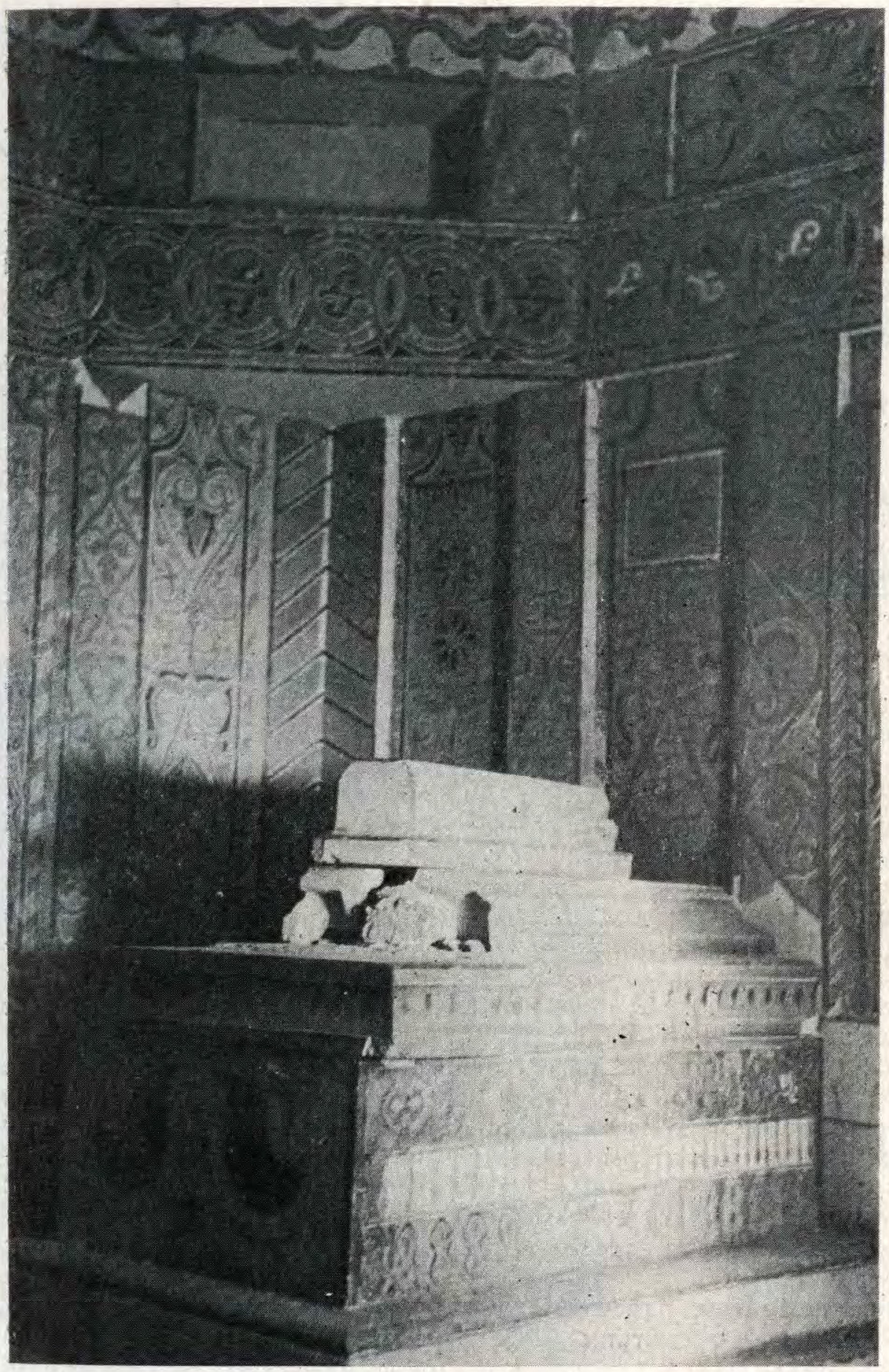
Мавзолей Калышева. Фото 1952 г.



Мавзолей Калышева. Мангышлакская область, село Сенек.
Главный фасад, разрез, планы. Обмер 1952 г.

ращенными пологими скатами друг к другу. На плоской кровле устроены водосточные желобки, соединенные у верхней кромки боковых стен фигурными водометами. Красочно и с тонким вкусом решен интерьер мавзолея, хотя в архитектурной обработке стен он аналогичен интерьерам других надгробных сооружений. Но по масштабности и четкости орнаментальных узоров, а также по гармоничности сочетания цветов он не имеет себе равных, кроме интерьеров мавзолеев Айтмана и Жубана. Идея торжественного покоя ясно выражена в объемной композиции здания. Только замкнутый характер постройки и изображение траурной ленты — черной полосы фриза обозначает печальное его назначение. Но светлый образ этого великолепного произведения мастеров как бы символизирует идею белоснежного отау — жилища молодоженов, а не мрачной гробницы (илл. 20 на с. 118).

Из многочисленных однотипных мавзолеев, построенных в первой четверти XX века, рассмотрим **мавзолей Шойнбая** на некрополе Караман-ата на Мангышлаке. Он имеет традиционную схему объемной композиции, состоит из призматического четверика, цилиндрического барабана и конусовидного купола и отличается от предыдущих памятников



Мавзолей Калышева. Фрагмент интерьера. Фото 1951 г.

Мавзолей Омара и Тура. Фрагмент интерьера. Фото 1951 г.

обилием орнаментальных украшений, сосредоточенных на стенах четверика, расчлененного тягой по высоте на два яруса широких ниш и завершенного на главном фасаде парапетом в виде торцами поставленных циллиндрических блоков (илл. 22, 23 на с. 120—121).

Бутылкообразное навершие — другая новизна в архитектурном решении здания. Несмотря на указанную своеобразную трактовку отдельных архитектурных деталей, в целом здание характеризуется дробностью форм и перенасыщенностью орнаментального декора. В последующее время в ряде мест Мангышлака встречаются примеры подражания мавзолею Шойнбая. Это мавзолей Тажике в Ак-Уюке (1916 г.), Абылгазы и Нурмагамбета (1924 г.) в районе Каратау. У последнего памятника измельчение архитектурных форм и перегрузка фасадов орнаментальными украшениями доведена до крайнего предела, что является симптомом упадка (илл. 24 на с. 122).

Описание выявленных и изученных купольных мавзолеев позволило установить, что этот вид мемориальных сооружений Западного Казахстана имел прямую связь с двумя очагами древней строительной архитектуры: долиной Сырдарьи и Хорезмом. В ранний огузо-кипчакский период (XI—XII вв.) здесь появляются конусообразные глинобитно-сырцовые мавзолеи — упрощенный вариант древнего шатрового типа гробниц низовья Сырдарьи; во второй период (XIV—XVI вв.) в связи со строительством караван-сараев вдоль трассы Старой ногайской дороги получают распространение каменные портально-купольные мавзолеи, характерные для архитектуры Средней Азии, Южного и Центрального Казахстана в XIII—XIV вв. С этого периода начинается формирование некоторых особенностей архитектуры купольных мавзолеев региона, тип которых окончательно сформировался во второй половине XIX— в первой четверти XX вв. Первая особенность архитектуры большинства памятников — это четко выраженная система чередования вертикальных блоков и горизонтальных плит в кладке стен. Суть этого приема, возникшего на основе использования древнего забутовочного способа кладки стен, заключается в следующем: пространство между внутренней и наружной стенками, сложенными из плотно подогнанных друг к другу крупных блоков ракушечника, засыпалось отходами материалов на глиняном растворе. Такой выровненный трехслойный ряд перекрывался сплошным рядом горизонтальных плит, имевшим первоначально конструктивное назначение, а со временем приобретшего декоративный характер. Зарождение этого прогрессивного конструктивно-декоративного приема, как уже отмечалось, впервые встречено в мавзолее Космола на Устюрте — памятнике первой половины XIV века. Главная особенность архитектуры мавзолеев XIX— первой четверти XX вв. — это своеобразная объемная композиция, состоящая из призматического четверика, верхние углы стен которого приподняты в виде треугольного возвышения, ниспадающего к середине боковых фасадов, цилиндрического барабана и шлемовидного купола, увенчанного фигурным шпилем. Декорированный главный фасад или плоский декоративный портал составляют третью особенность архитектуры мавзолеев позднего периода.

Плоскорельефная резьба и роспись на фасадах и в интерьере — четвертая особенность памятников региона. В тематике декоративного убранства, помимо традиционных зооморфных мотивов народного орнамента — туе-табан, кошкар-муйиз, кус-канат и стилизованных растительных форм, встречаются изображения различных видов оружия и предметов домашнего обихода.

Вся совокупность указанных особенностей определяет своеобразный характер архитектуры купольных мавзолеев Западного Казахстана XIX—начала XX вв.

Доминирующим элементом объемной композиции этих памятников является шлемовидный купол. В научной литературе обсуждается вопрос о происхождении этой формы. Так, Б. А. Ибраев считает, что «композиция мавзолеев Западного Казахстана в своей основе восходит скорее к жилищам — повозкам», существовавшим у казахов до конца XVI века (32, с. 176).

Эта версия, основанная лишь на общеизвестном представлении о том, что «дом живых — прототип жилища мертвых», едва ли правомерна в данном случае, так как приведенные автором в пользу своей гипотезы такие доводы, как «отсутствие фундаментов, небольшие, высоко поднятые входы, по высоте примерно соответствующие оси повозок, завершение входных проемов в виде штор, горизонтальные тяги на куполах и т. п.» (32, с. 178), на наш взгляд, неубедительны. Во-первых, строительство без фундаментов в пустынных районах Казахстана, обусловленное грунтовыми условиями местности (засоленность почв или наличие плотного щебеночного слоя грунта), не является «привилегией» мавзолеев, похожих по устройству на жилища на повозках, а характерно для всех видов построек; во-вторых, входы в гробницы подняты над уровнем земли для того, чтобы в них не могли войти животные, «высота оси повозки» здесь, на наш взгляд, не могла быть мерилом; в-третьих, как оконные шторы давно исчезнувшего и не сохранившегося в музеях типа жилища на колесах-куйме могли быть воспроизведены мастерами в перекрытии проемов каменных мавзолеев второй половины XIX — начала XX вв. Очевидно, шторовидная арка поздних мавзолеев имитирует занавеску городского жилого дома. Наконец, на куполах мавзолеев нет никаких тяг — узких полос, имитирующих волосяные веревки, обвязывающие войлочные покрытия юрты.

Имеющийся фактический материал и сведения письменных источников позволяют дать иное объяснение происхождения шлемовидных куполов Западного Казахстана. Скульптурные изображения шлема, обнаруженные на некрополе Сейсен-ата (XIV—XVI вв.), наводят на мысль, что эта форма сначала появилась в виде каменной скульптуры, отмечавшей могилу героя, погибшего на войне, а позже могла быть перенесена на форму купола мавзолеев военной знати или известных батыров. Три скульптурных изображения шлема, вытесанные почти в натуральную величину, были поставлены в сочетании с малыми формами надгробных памятников: в первом случае над каменной плитой; во втором — над простейшей саганой — саркофагом, на боковой стенке которой высечены изображения лука со стрелой, кривой сабли, секиры; а в третьем — над

плиточной оградой рядом с койтасом. Эти примитивные памятники со скульптурой шлема, судя по типологическому признаку и состоянию сохранности, могут быть отнесены к XIV—XVI вв., т. е. к началу возникновения некрополя.

Как известно, в средние века шлемы были защитным вооружением только феодальной знати и известных батыров — полководцев, рядовые воины их не имели. Отсюда форма шлема, выражая идею прославления военной знати, становится символом воинской доблести.

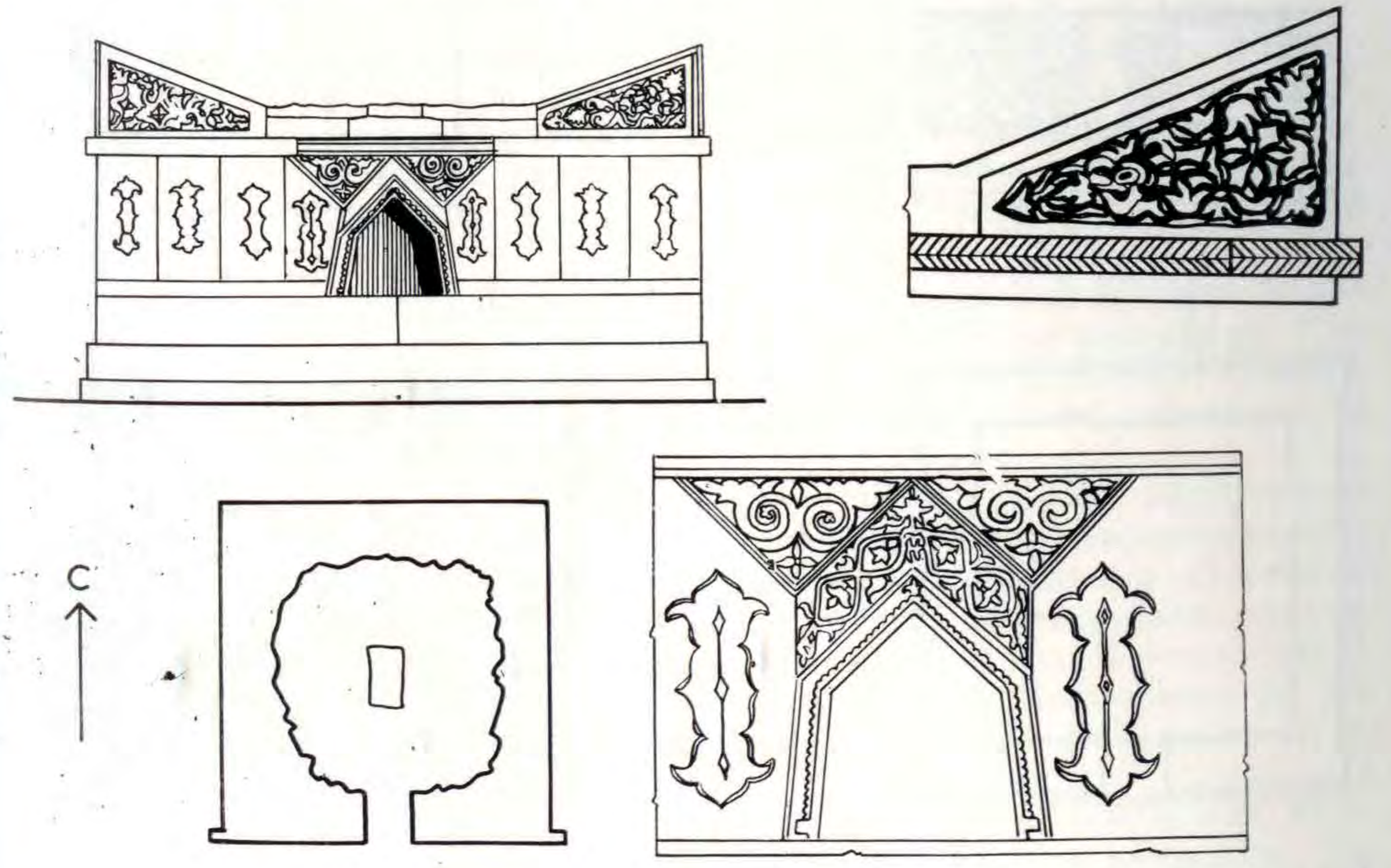
Наша версия может быть подтверждена и высказыванием известного советского исследователя Г. А. Федорова-Давыдова: «Сфероконическая форма наших куполов относится к типу шлема кочевников» (90, с. 33). Ученый имел в виду прежде всего памятники Владимиро-Суздальской архитектуры XII в., имевшие шлемовидные купола, замененные позже на луковичные, как, например, первоначальный шлемовидный купол знаменитой церкви Покрова на Нерли, построенной Андреем Боголюбским (37, с. 51).

Таким образом, шлемовидный купол на памятниках Западного Казахстана появляется как символ военной доблести и со временем становится традиционным элементом их объемной композиции.

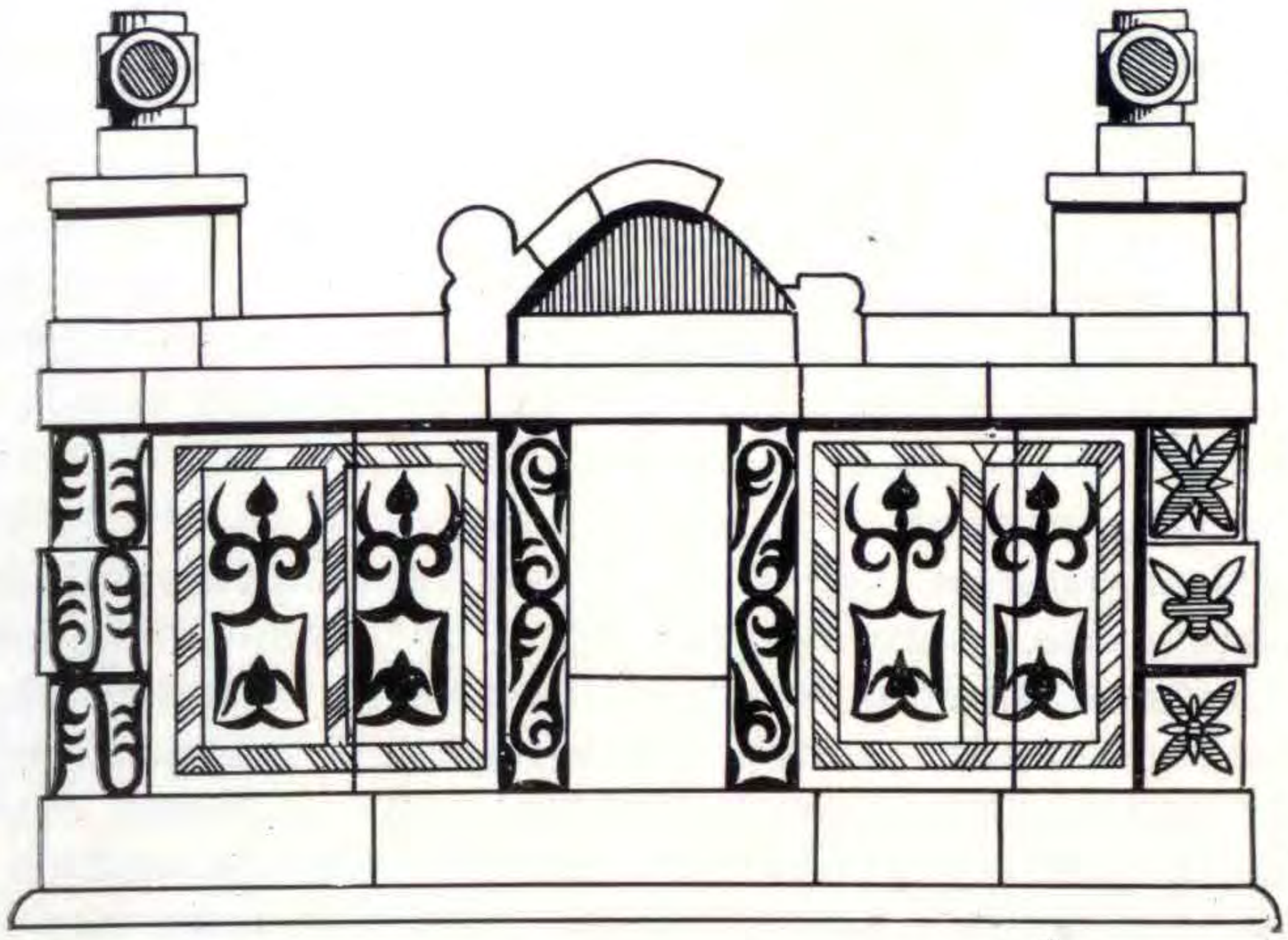
ГЛАВА V

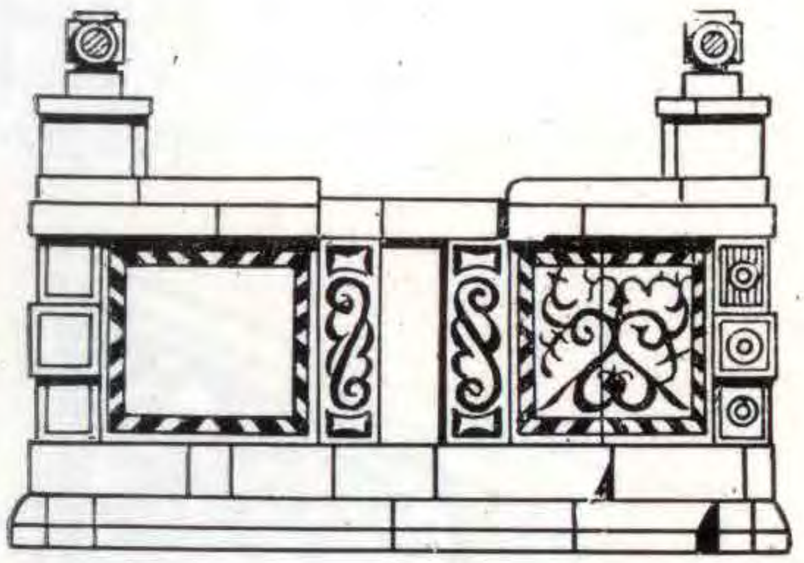
САГАНА-ТАМЫ

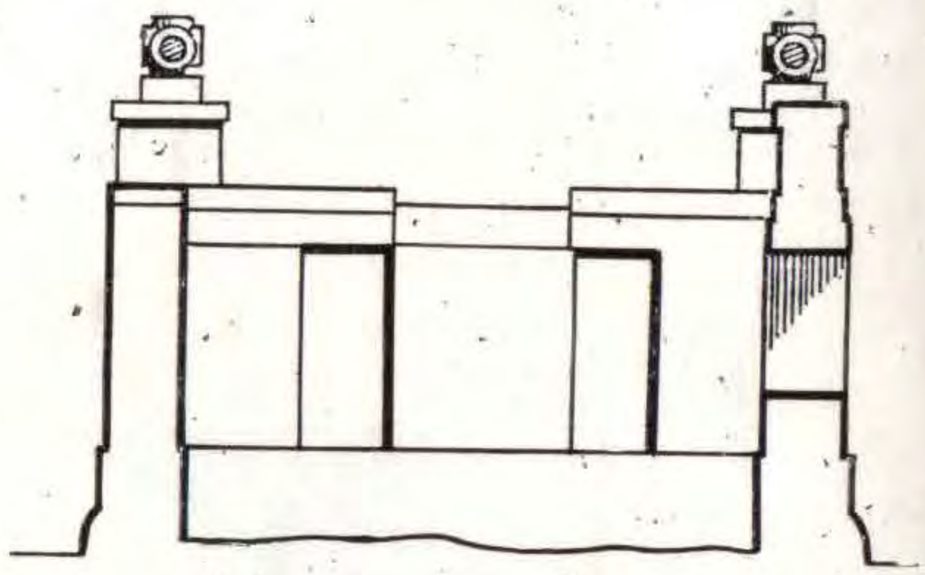
Многочисленным и своеобразным видом надгробных сооружений региона являются так называемые сагана-тамы, что дословно означает саркофаги-мавзолеи. Установившийся тип сагана-тамов представляет собою обычно прямоугольный параллелепипед без перекрытия, фасадная и задняя стены которого делаются несколько выше, чем боковые, для того, чтобы подчеркнуть их архитектурную значимость. По сравнению с купольными мавзолеями возведение сагана-тамов менее трудоемко и проще в техническом отношении, чем, видимо, объясняется широкое распространение этого вида мемориальных сооружений. По словам мастера Назара Умирова, первый сагана-там в регионе был построен известными мастерами Каражусуповыми на Эмбе в конце XIX в. С того времени саркофаги-мавзолеи начали строить на Устюрте и Мангышлаке. Однако они известны с периода средневековья (44, с. 605) и, возможно, в виде так называемых «торткулакты-тамов», строившихся также без перекры-

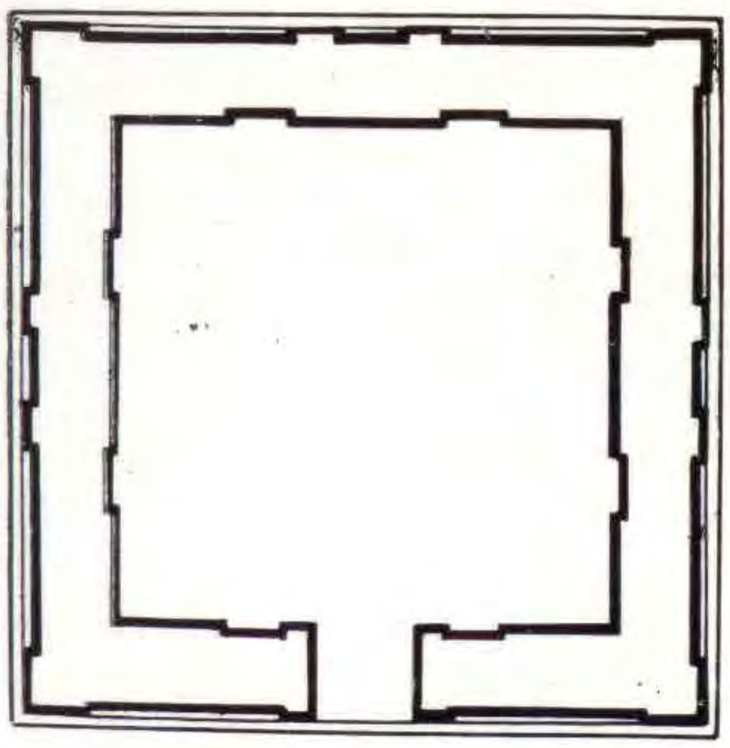


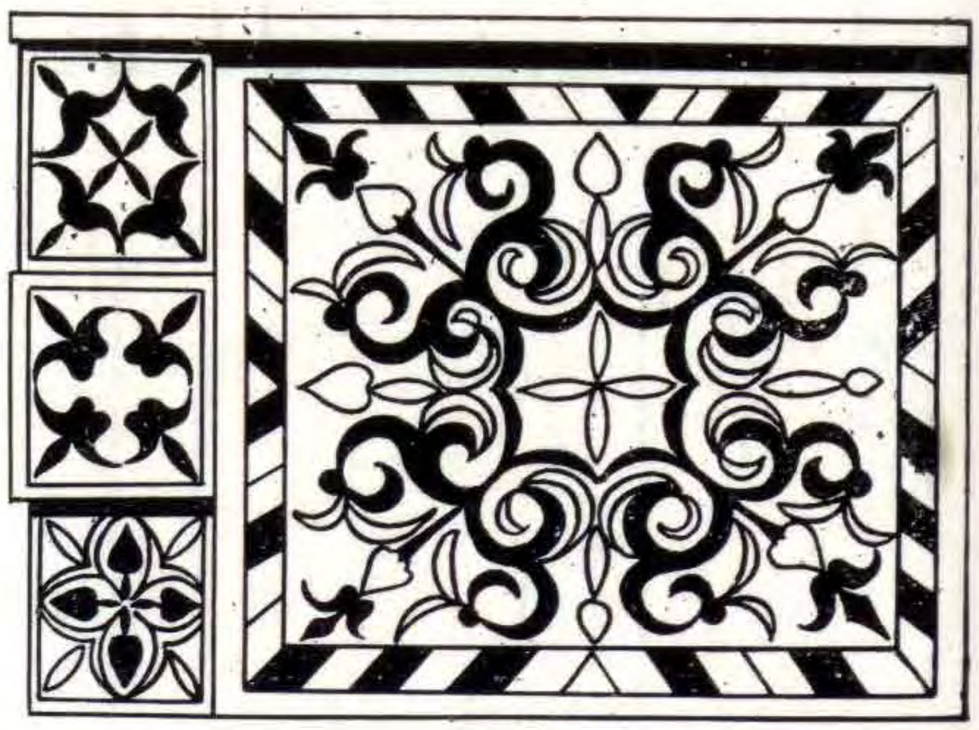
Сагана-там на некрополе Камысбай. Середина XIX в. Обмер 1952 г.



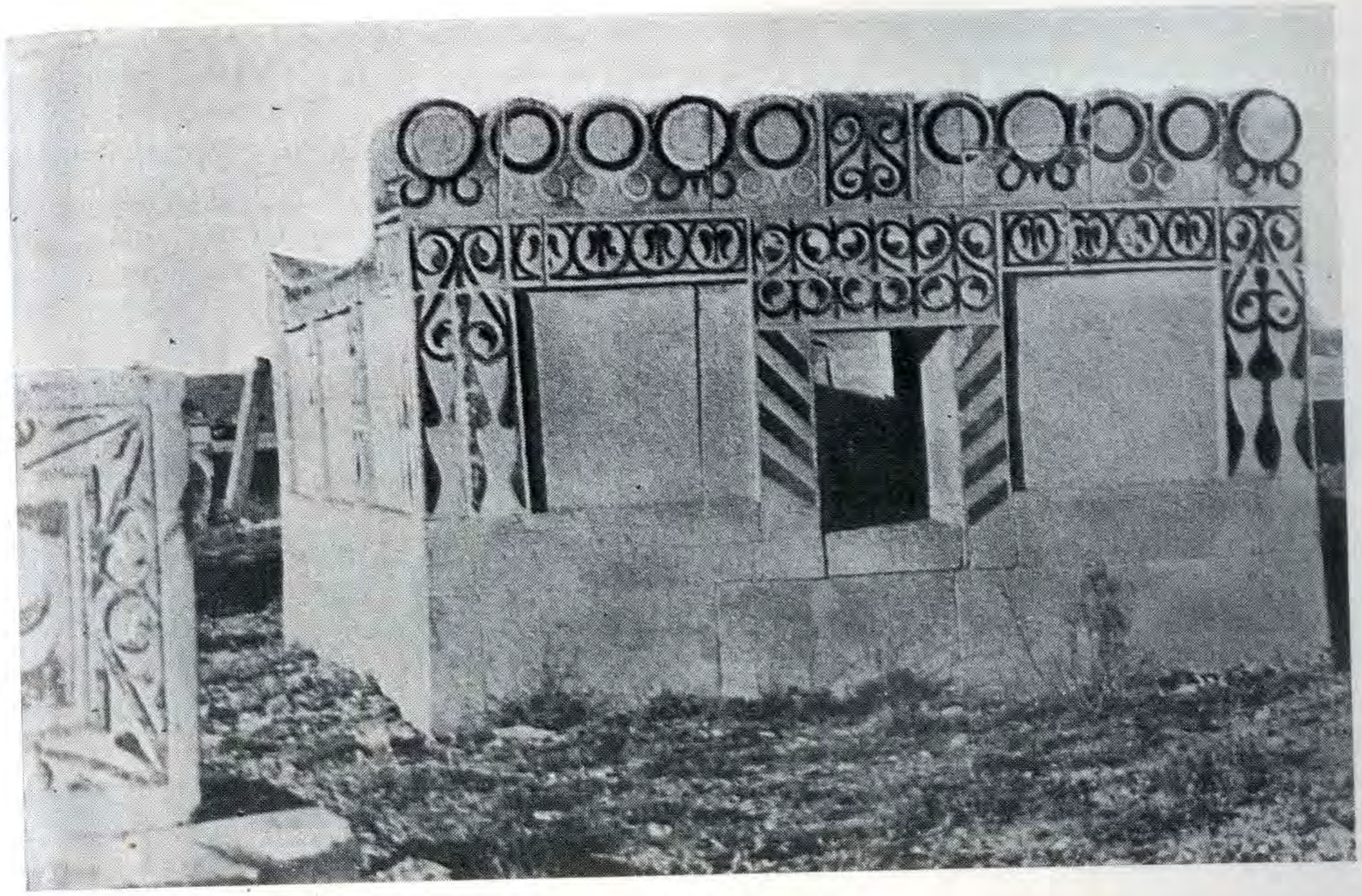








Торткулакты-там на некрополе Сагындык. Начало XX в.
Обмер 1973 г.



Сағана-там на некрополе Камысбай. 1908 г.
Мастера Умир Карин и Назар Умиров. Фото 1952 г.

тия, но имевших на четырех углах стен небольшие башенки — «торткулаки». Переходной разновидностью «торткулакты-тамов» в сагана-тамы, видимо, является памятник первой половины XIX в. на некрополе Камысбай, в котором вместо башенок на четырех углах появляются треугольные возвышения, встречающиеся на стенах купольных мавзолеев региона.

Большинство изученных нами сагана-тамов построено в конце XIX—первой четверти XX века, которые точно датируются по эпитафиям. При общности объемной композиции они различаются по характеру архитектурной обработки фасадов и декора и могут быть условно разделены на три основные группы.

Архитектурное решение первой группы сагана-тамов, построенных мастерами Каражусуповыми или их последователями, характеризуется рельефными вертикальными и горизонтальными членениями плоскостей наружных и внутренних стен, что, создавая игру света и тени, значительно усиливает их художественную выразительность. К числу таких памятников относятся сагана-тамы Нурмухамеда и Койлыбаева на некрополе Асан-кожа на Эмбе, Бощибая на некрополе Кайрши-ишан в горах Коленкели и другие (илл. 25—29 на с. 123—125).

Вторая группа этого типа надгробных сооружений, возникшая впервые, возможно, с постройки в 1908 году сагана-тама на некрополе Камысбай, отличается оформлением верха парапета главного фасада бло-

ками цилиндрической формы. Этот архитектурно-декоративный прием, выработанный, очевидно, мастерами строительной артели Умира Карина, позже использовался на ряде сагана-тамов некрополя Шопан-ата и, как указывалось выше, в оформлении мавзолеев Шойнбая и Нурмагамбета.

Третья, самая многочисленная группа сагана-тамов с гладкими стенами фасадов, высокими парапетами и иногда декоративными порталами представляет собой окончательно сложившийся тип рассматриваемого вида памятников. Нам не удалось установить, кто из народных мастеров был строителем первого образца этого вида сагана-тамов, но известно, что строителями одного из последних и характерных из этой группы памятников — сагана-тама Жамиры-байбише на некрополе в Уали были мастера Жолыбай и Елибай Косымбаевы.

Сагана-там Нурмухамеда находится на небольшом некрополе Асан-кожа на левом берегу р. Эмбы. По преданиям, сохранившимся среди местного населения, он построен в конце XIX — начале XX вв. известными народными мастерами Каражусуповыми. Близкое сходство архитектурно-декоративной обработки его фасадов с мавзолеем Омара и Тура, возведенного этими мастерами в 1897 г., подтверждает правильность их авторства.

Все фасады памятника, поднятого на двухступенчатый цоколь, обработаны массивными угловыми пилонами, декоративными порталами и прямоугольными нишами — панно, покрытыми орнаментальной резьбой, раскрашенной бледно-зелеными и синими красками, гармонично сочетающимися со светло-кремовым цветом камня ракушечника. Главный фасад отмечен входным проемом и подчеркнут высоким парапетом, расчлененным в центральной части на три глубокие ниши. Декоративными порталами оформлены центральные части и других фасадов. Раскрепованным цоколем мощный массив здания как бы врезается в землю.

Высоким мастерством отличается и оформление интерьера. Если в декоративном украшении фасадов преобладают различные зооморфные мотивы народного орнамента и стилизованные растительные, то интерьер его насыщен изображениями предметов домашнего обихода и разных видов вооружения.

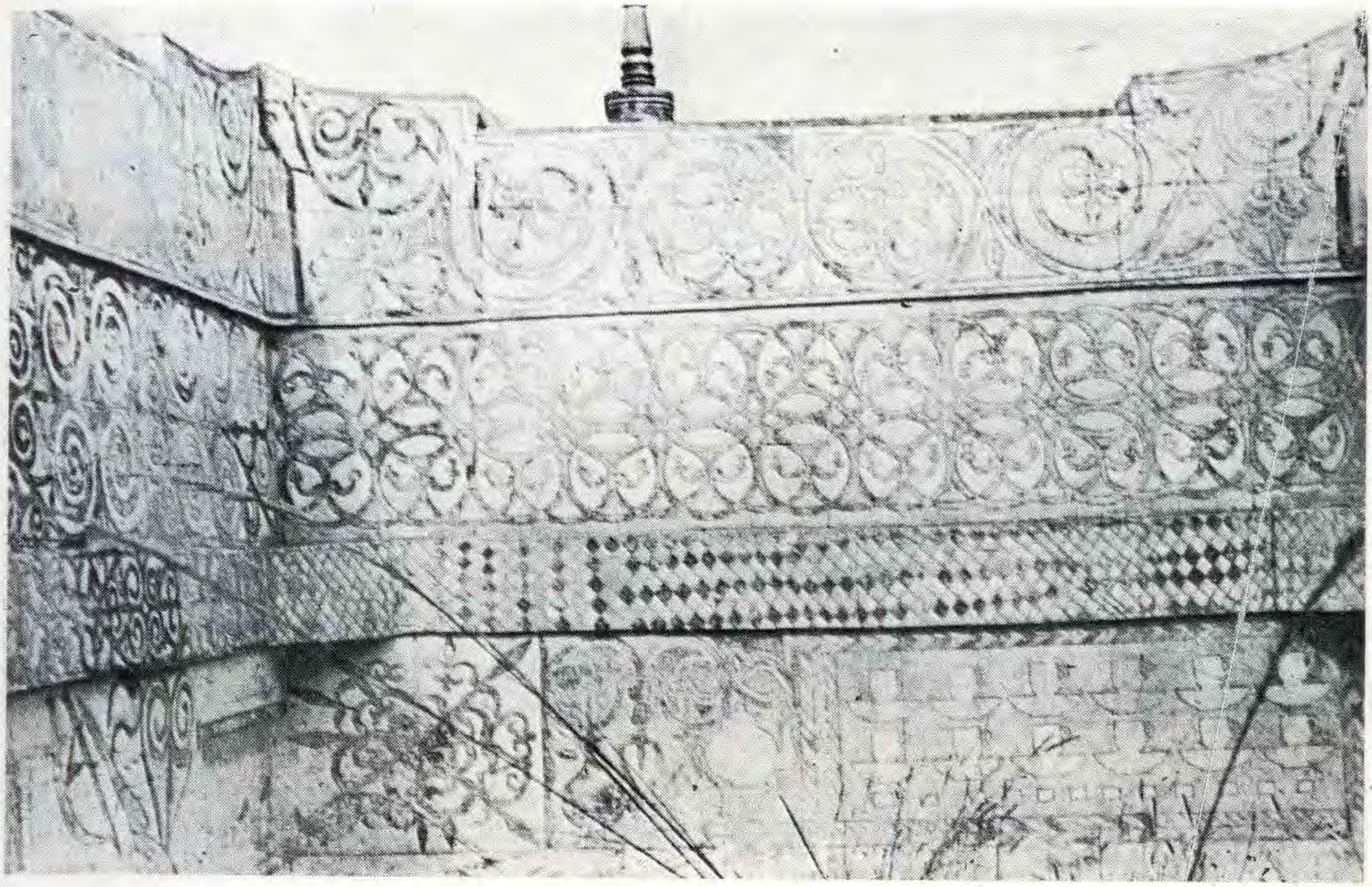
Сагана-там Койлыбаева, расположенный на том же кладбище Асан-кожа, несколько меньший по величине сагана-тама Нурмухамеда, упрощенно повторяет его архитектурную обработку и отличается от него только орнаментальным декором фасадов. Так, на прямоугольных нишах парапета главного фасада появились плоскорельефная аркатура, роспись растительными узорами, окрашенными в коричневые и красные цвета. Соответственно членениям наружных стен внутренние разбиты на редко расставленные широкие лопатки и прямоугольные ниши — панно, украшенные традиционными орнаментальными узорами и изображениями предметов быта.

Сагана-там Бощибая, находящийся на некрополе Кайрши-ишан, на северо-западном чинке Устюрта, построен в 1916 году неизвестным мастером, возможно, одним из последователей прославленных народных зодчих Каражусуповых, ибо общий характер архитектуры этой постройки сходен с сагана-тамом Нурмухамеда. Здесь те же, создающие худо-

Сагана-тамы на некрополе Сейсен-ата. На первом плане мавзолей Ахмеда Жаналина. 1900 г. Фото 1951 г.

жественно выразительный образ погребального сооружения, массивные угловые устои, рельефные декоративные порталы фасадов, членение наружных и внутренних стен на плоские лопатки и ниши сплошь покрытые растительным орнаментом. В архитектурной отделке угловых устоев и декоративных порталов использован мотив балясин, характерный для ограждения балконов и лестниц городских построек. Сагана-тамы подобного типа встречены и на других некрополях региона.

Сагана-там Ахмеджана Жаналина, сооруженный в 1900 году неизвестным мастером на некрополе Сейсен-ата, относящийся к третьей группе сагана-тамов, является одним из лучших произведений своего времени. На отшлифованных светло-серых стенах фасадов высечены небольшие декоративные порталы: на главном фасаде — двухъярусный, на остальных — одноярусные. Цельный призматический объем здания, поставленного на двухступенчатый цоколь, наверху опоясан тремя тонко профилированными полочками, трактованными как фриз. Портал главного фасада лишен орнаментального украшения, растительными узорами украшены стены боковых фасадов. Стены же интерьера, разделенные горизонтальными полосами на три яруса, сплошь покрыты различными растительными и геометрическими узорами. Изображениями двух ваз с цветами и двух рядов чайной посуды украшен первый ярус северной стены, искусным переплетением кругов и стеблей декорирован второй ярус. Крупными спиралевидными и растительными узорами оформлен верхний ярус. Разнообразные сочетания геометрических и стилизованных растительных мотивов, объединенные общей цветовой гаммой, украшают другие стены.



Сагана-там Ахмеда Жаналина.
Фрагмент интерьера сагана-тама.

Сагана-там Мамбетчина построен в 1910 году неизвестным мастером в юго-восточной части Устюрта, в 5 км к северу от караванной дороги, идущей из Мангышлака в Хорезм. Несмотря на общность объемной композиции с сагана-тамами рассматриваемой группы, он имеет и своеобразные черты — богато декорированный парапет главного фасада, широкий живописный фриз, двухступенчатый цоколь, верхний ряд которого обработан в виде валика — характерной детали русской классической архитектуры (илл. 30—31 на с. 125—126). Геометрическая простота объемной композиции, соразмерность членения плоскостей стен, четкость построения орнаментальных узоров и гармоничный колорит росписей определяют высокий уровень художественного решения памятника.

Безымянный сагана-там на некрополе Сейсен-ата, построенный в 1905 г. неизвестным мастером, по характеру архитектурно-декоративного решения несколько отличается от сагана-тамов, рассмотренных выше. При обычном прямоугольном плане (3,36×5,54 м) и традиционной схеме объемного построения приемы членения фасадов на лопатки и ниши, акцентрирование главного фасада декоративным порталом и высоким парапетом позволяют считать его завершающим образцом рассматриваемого вида надгробных сооружений в регионе. Аналогичные ему сагана-тамы Мурата (1920 г.) и Мулдаша (1921 г.) на некрополе Шопан-ата (илл. 33 на с. 127), Отарбая в г. Жингильды, Исхожаева (1924 г.) в селе Чат на Мангышлаке (илл. 32 на с. 127) и Жамиры-байбише (1925 г.) в местности Уали на Устюрте. Последние три памятника, которые отличаются друг от друга только размерами и отдельными орнаментальными мотивами, были построены мастерами Косымбаевыми.

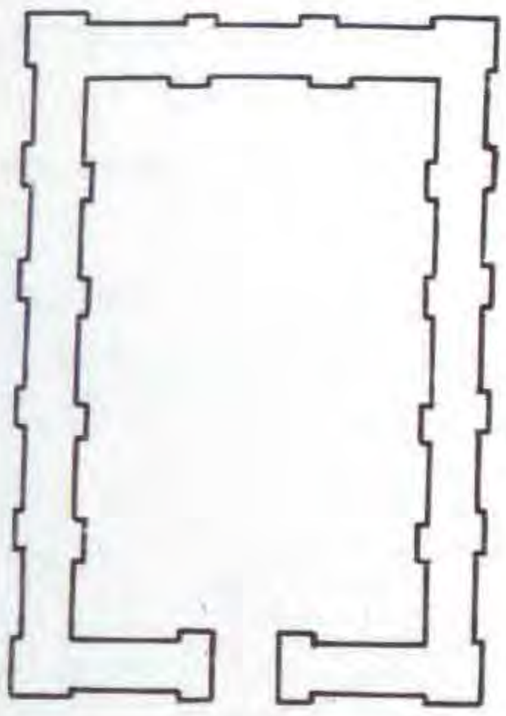
Сагана-там Жамира-байбише, находящийся в западной части плато Устюрт, сохранился лучше других. В его создании мастера Жолыбай и Елибай Косымбаевы использовали опыт строительства этого вида надгробных сооружений.

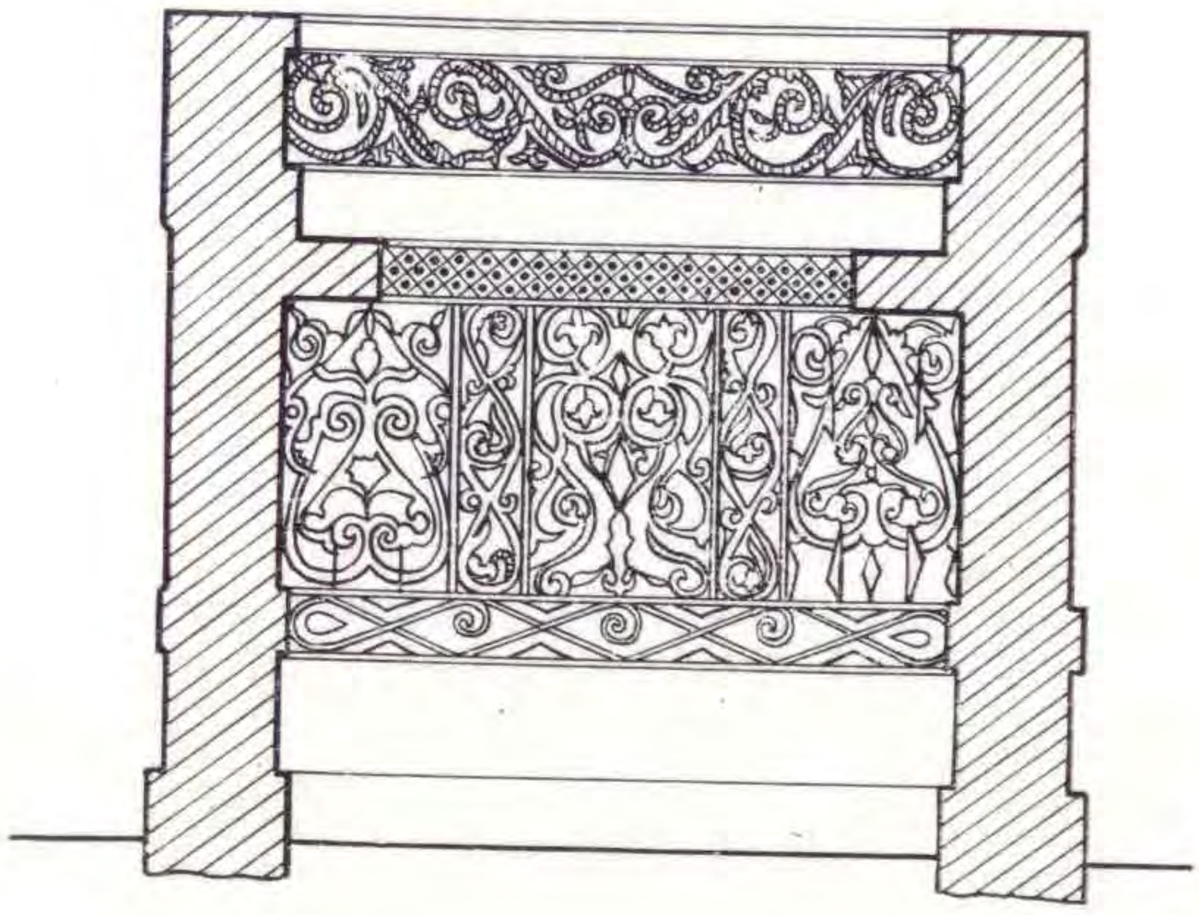
В соответствии со сложившейся традицией, объемная композиция памятника состоит из четверика, поставленного на высокий профилированный цоколь и обработанного системой плоских лопаток и прямоугольных ниш, обрамленных широкими лентами орнаментированного фриза и гладкого карниза. Главный фасад, ориентированный на юг, обогащен декоративным порталом и высоким резным парапетом.

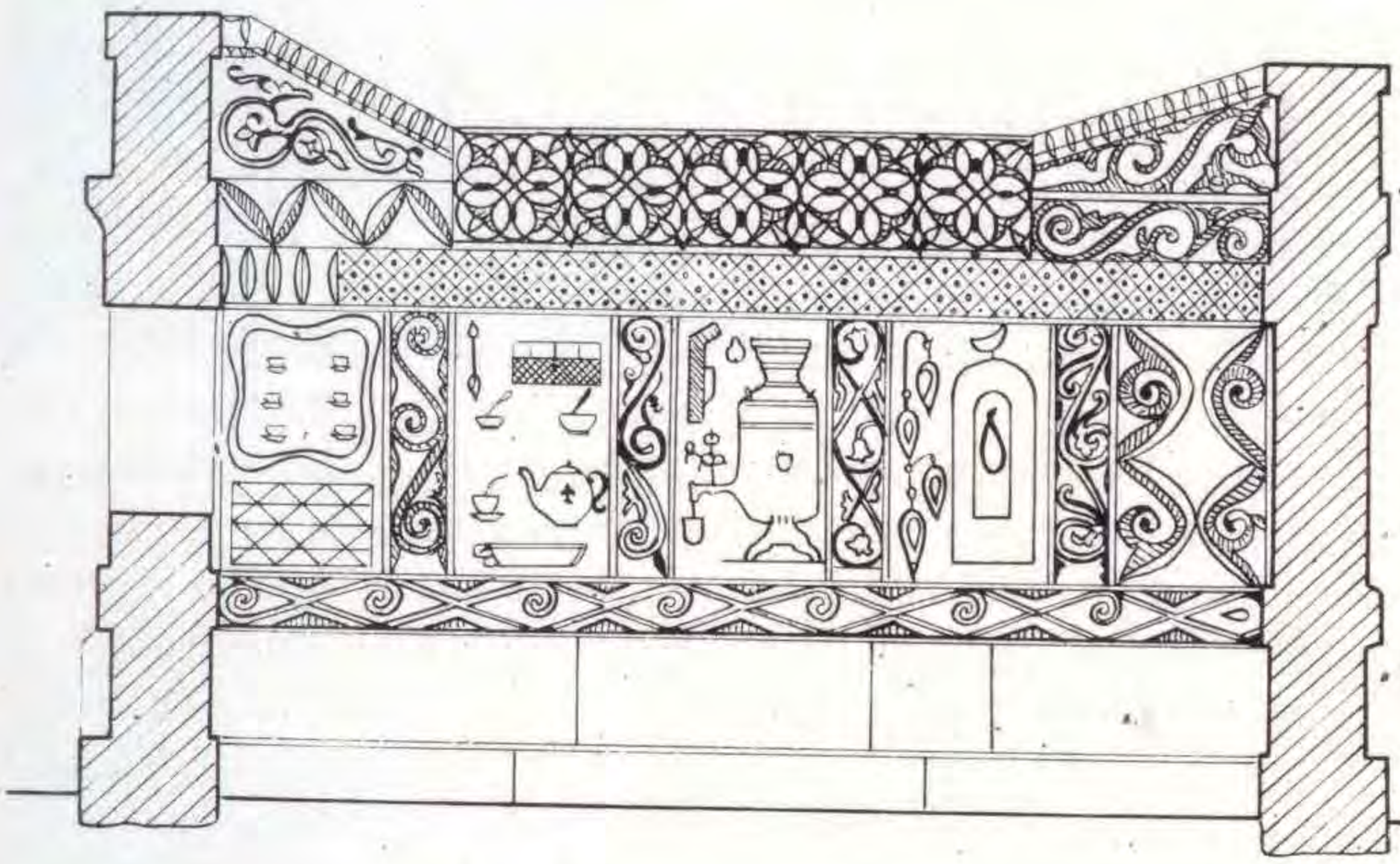
Архитектурная обработка интерьера соответствует членениям наружных стен. Декоративное убранство его — разнообразные и неповторяющиеся вариации геометрических и растительных узоров, изображения предметов быта и вооружения. Все орнаментальные композиции выполнены в технике резьбы по камню и расписаны светло-оранжевой и коричнево-красной красками, не утратившими еще своего сочного колорита.

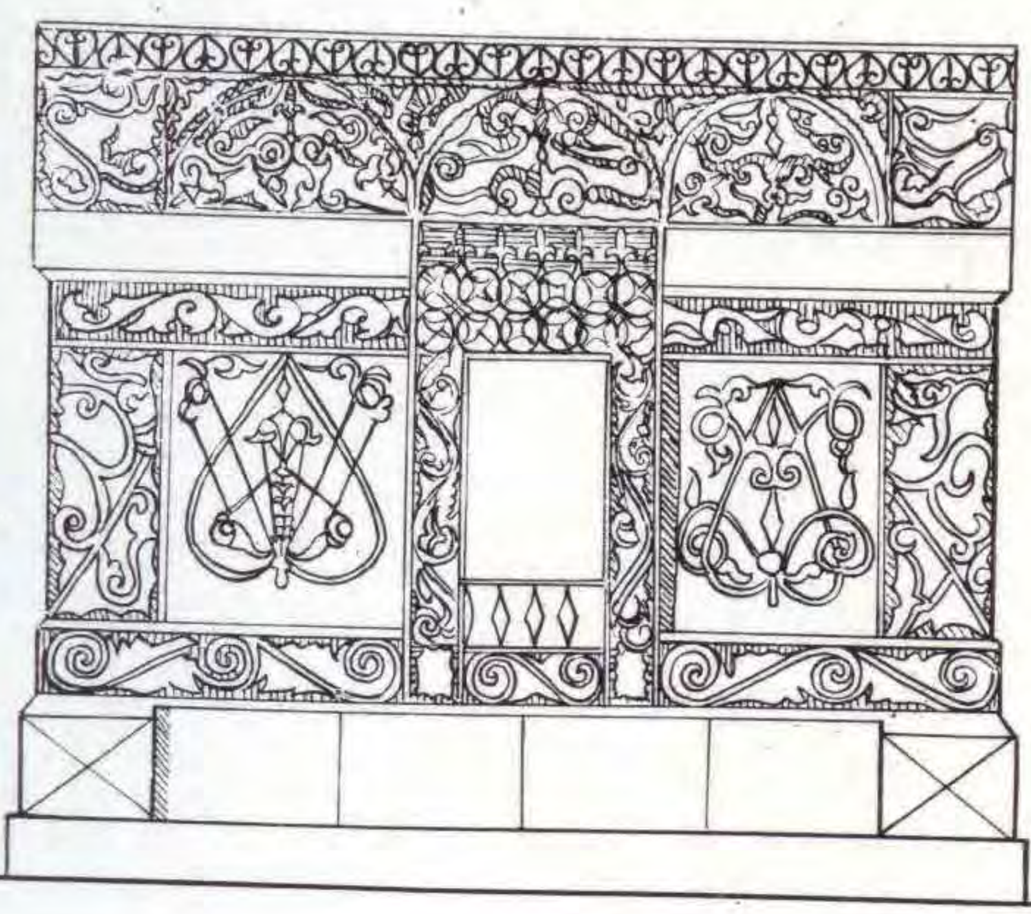
Мастер Жолыбай руководил выполнением основных строительных работ, а Елибай, называвший себя «Накышбенд», т. е. декоратор, возглавлял художественно-декоративное оформление. Он же автор стихов повествовательного и философско-назидательного характера.

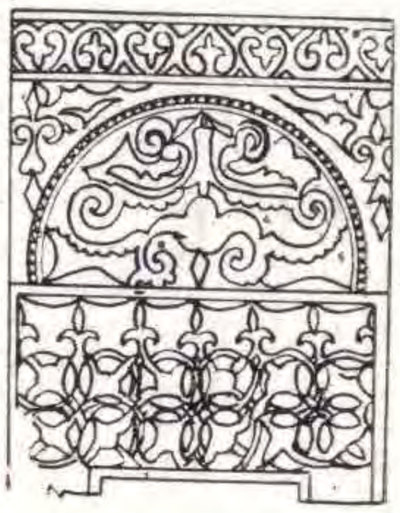
Длинный текст в стихах местами стерт. Приблизительное содержание его таково: создатель этого сооружения происходит из общины простого

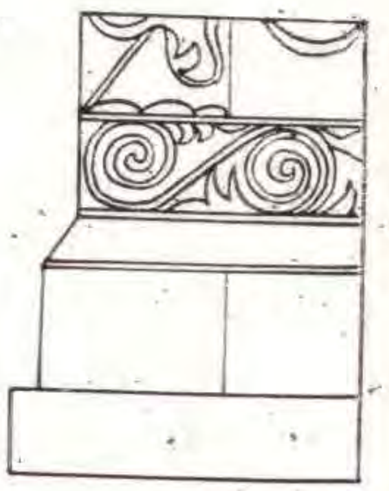












Сагана-там Жамиры-байбише. План, главный фасад. разрезы, детали. Мастера Косымбаевы. Обмер 1951 г.

казахского рода адай; все похороненные здесь люди также адайцы; увы, смерти не миновать никому, даже много лет избегавшего ее Коркут-ату постиг тот же конец; слава аллаху, ушедшим мы возвели памятник; пусть вечно служит им этот дворец... живые, по невежеству обманываете себя, желая нажиться скотом; вы, любящие труд, смотрите вперед; разве на наших ладонях мало мозолей; потому и здесь изображены знаки труда.

По рассказам местных старожилов, поэтическим творчеством увлекались многие мастера строительного дела, среди них наиболее талантливым был Умир Карин. Ему принадлежат замечательные строки, прославляющие архитектуру как важнейший вид искусства.

Ему принадлежат строки, прославляющие архитектуру как важнейший вид искусства. Приблизительный перевод четверостишья:

Ты с усмешкой толкуешь о моем искусстве,
Никогда не испытав вдохновенья,
Я и тебя, раба божьего, создал [изобразил] бы,
Но не позволено создавать душу.

Житель города Гурьева, работавший информатором нашей экспедиции акын Саду Кайралапов, со слов которого были записаны автором эти строки в 1952 г., дает пояснение, что этот куплет был произнесен экспромтом в ответ на шутку друга, сказавшего ему однажды: «Ты живешь в постоянном ожидании смерти какого-либо бая, чтобы, построив ему там (мавзолей), разбогатеть».

В регионе было создано немало замечательных сагана-тамов, в которых воплощены достижения многовекового строительного дела и орнаментального искусства. Но в то же время у поздних сагана-тамов, как и у купольных мавзолеев этого времени, наблюдаются признаки снижения архитектурно-декоративных качеств; при сохранении типичной схемы композиции в отдельных постройках ухудшаются пропорции объема, деталей и совершенно исчезает орнаментальный декор, хотя в отдельных случаях встречаются примеры их комплексного расположения на некрополях Бейнеу, Шопан-ата.

ГЛАВА VI

МАЛЫЕ ФОРМЫ НАДГРОБНЫХ ПАМЯТНИКОВ

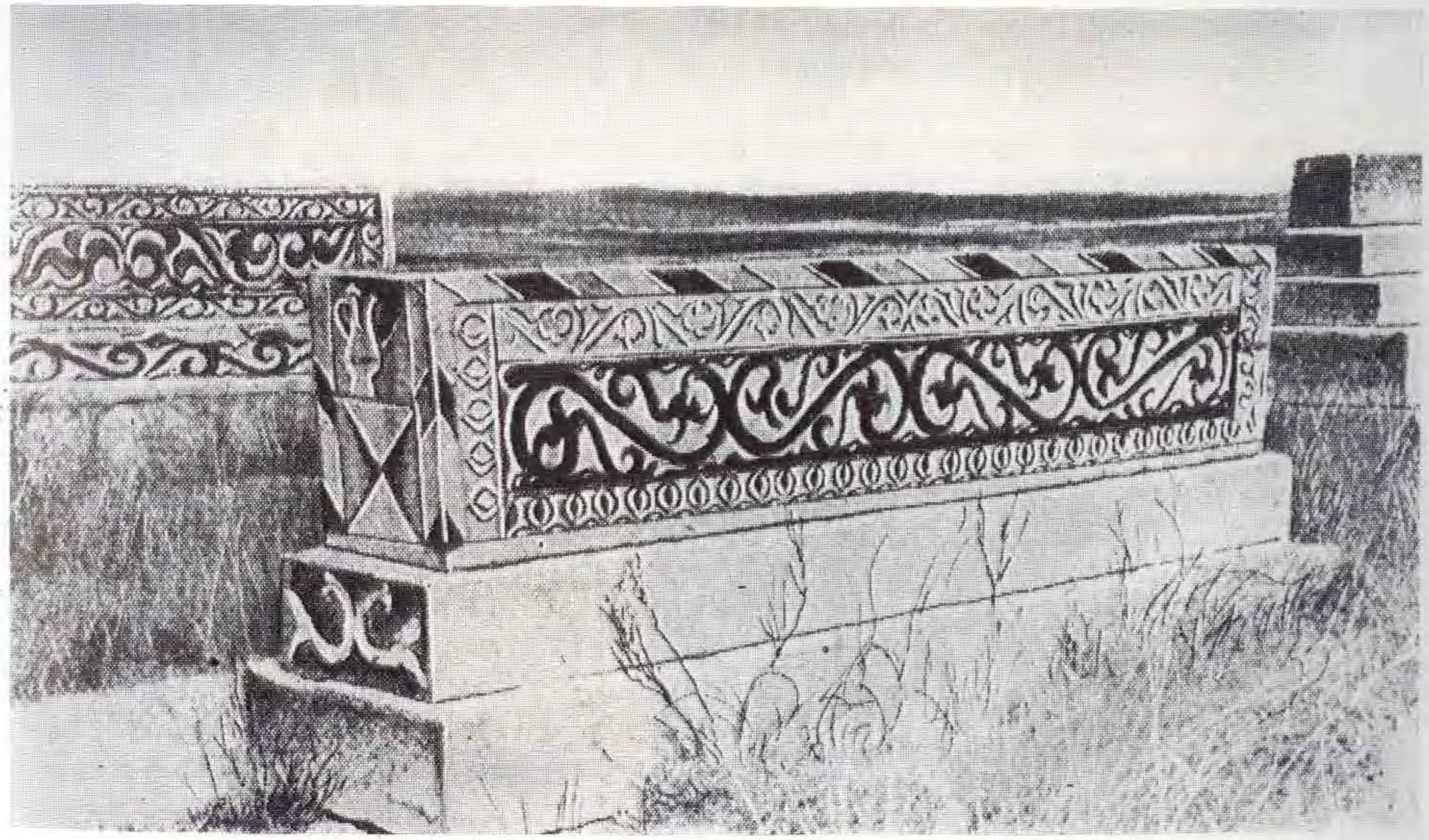
Малые формы надгробных памятников являются наиболее распространенным видом мемориальных сооружений. В их создании яркое выражение получило замечательное орнаментальное искусство народа. Их можно подразделить на четыре основных типа: уштасы, кулпытасы, койтасы и сагана. Они устанавливаются одиночно или в разнообразном сочетании друг с другом, образуя нередко художественно выразительные ансамбли.

Из них простейшим типом являются уштасы, представляющие собою тесаные блоки из камня. Ранние уштасы обычно не имеют декоративного оформления, за редким исключением на них встречаются рельефные изображения кривой сабли, а поздние сплошь покрыты орнаментальной резьбой и расписаны.

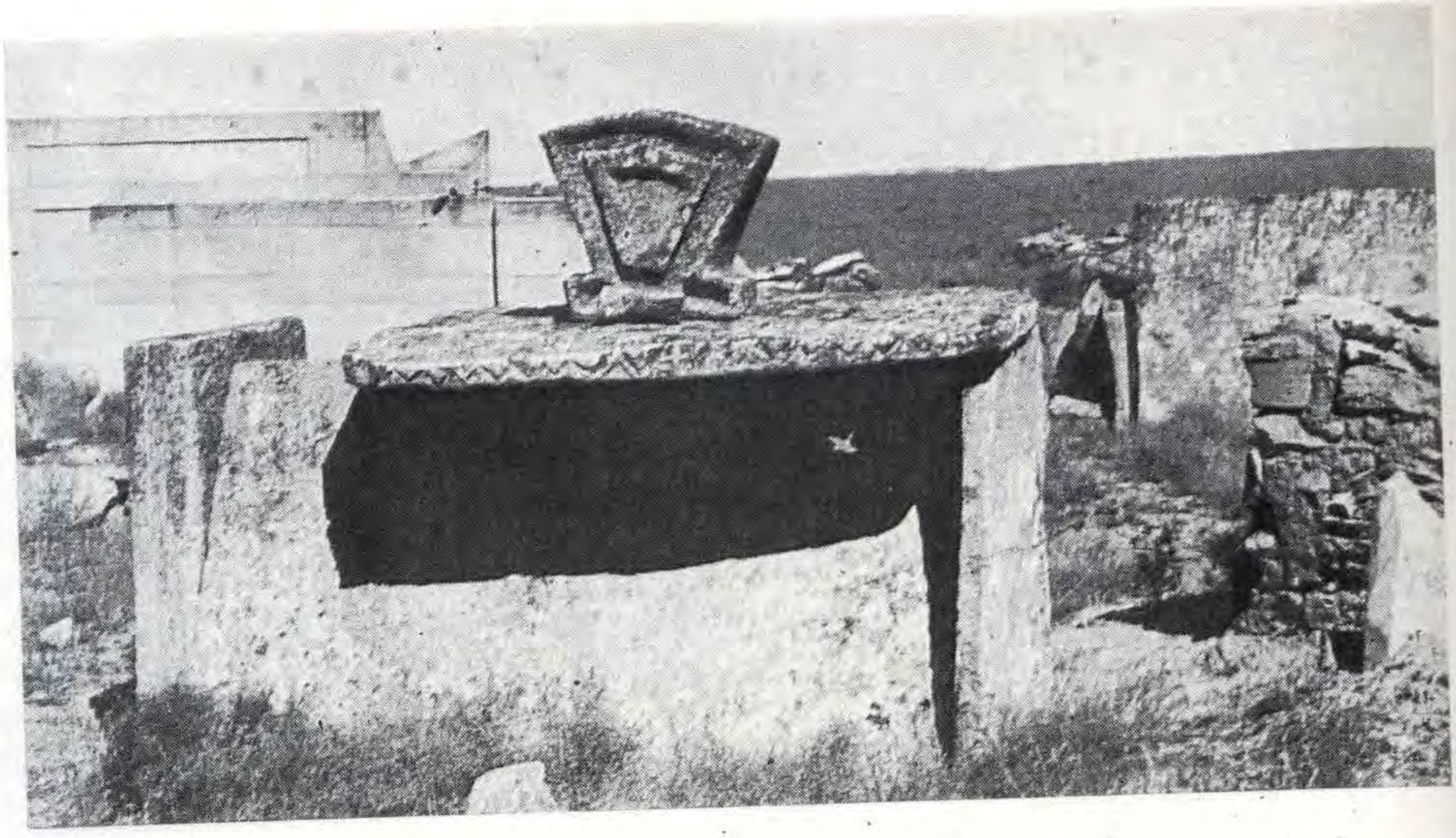
Группа надгробных памятников на некрополе Сейсен-ата. Вторая половина XIX в
Фото 1951 г.

Уштас на некрополе Сейсен-ата. XIV—XVI вв. Фото 1951 г.

Сагана — саркофаги, сооруженные из крупных каменных плит и имеющие вид прямоугольных ящиков, первоначально, видимо, ставились отдельно, а позднее в сочетании с койтасами и кулпытасами. На некоторых из них есть родовые тамги. По информации народных мастеров,



Уштасы на некрополе Камысбай. Начало XX в. Фото 1951 г.



Сагана с изображением лучника на некрополе Сейсен-ата. XIV—XVI вв. Фото 1951 г.

прототипом поздних саркофагов послужила сагана гробницы Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане.

Простейшая сагана с рельефным изображением лучника на некрополе Сейсен-ата предположительно датируется XIV—XVI вв.

Вообще на некрополе Сейсен-ата имеется немало примеров удачного сочетания сагана с другими типами малых форм. В одном случае сагана

Лучник. Рельеф

из крупных каменных плит контрастно сочетается с богато декорированным койтасом, в другом — с койтасами и кулпытасами (илл. 34, 35 на с. 128, 129).

Этот тип малых форм широко распространен на всей территории Казахстана и Средней Азии, но в отличие от казахстанских памятников, в Средней Азии они преимущественно выполнены из сырцового кирпича и битой глины с округлым верхом (54, с. 155).

Сравнительное изучение кулпытасов разных эпох показывает, что наиболее ранние из них, как правило, имеют шарообразную форму завершения ствола, напоминающую человеческую голову. На основе этого факта и сведений литературных источников считается, что прообразом кулпытасов были древнетюркские каменные изваяния человеческих фигур, которые под влиянием установок ислама постепенно утратили свои антропоморфные признаки. (63, с. 71). В известной мере подкрепить это мнение может высказывание Ч. Ч. Валиханова: «Небо слилось с идеей Аллаха, а второстепенные Тенгри, почитаемые в олицетворениях, и особенно те, которые имели изображения, как, например, истуканы богов земли — дзаягачи — совершенно были забыты, вероятно, потому что более преследовались при введении ислама, как идолы, столь ненавистные мусульманам» (18, с. 470).

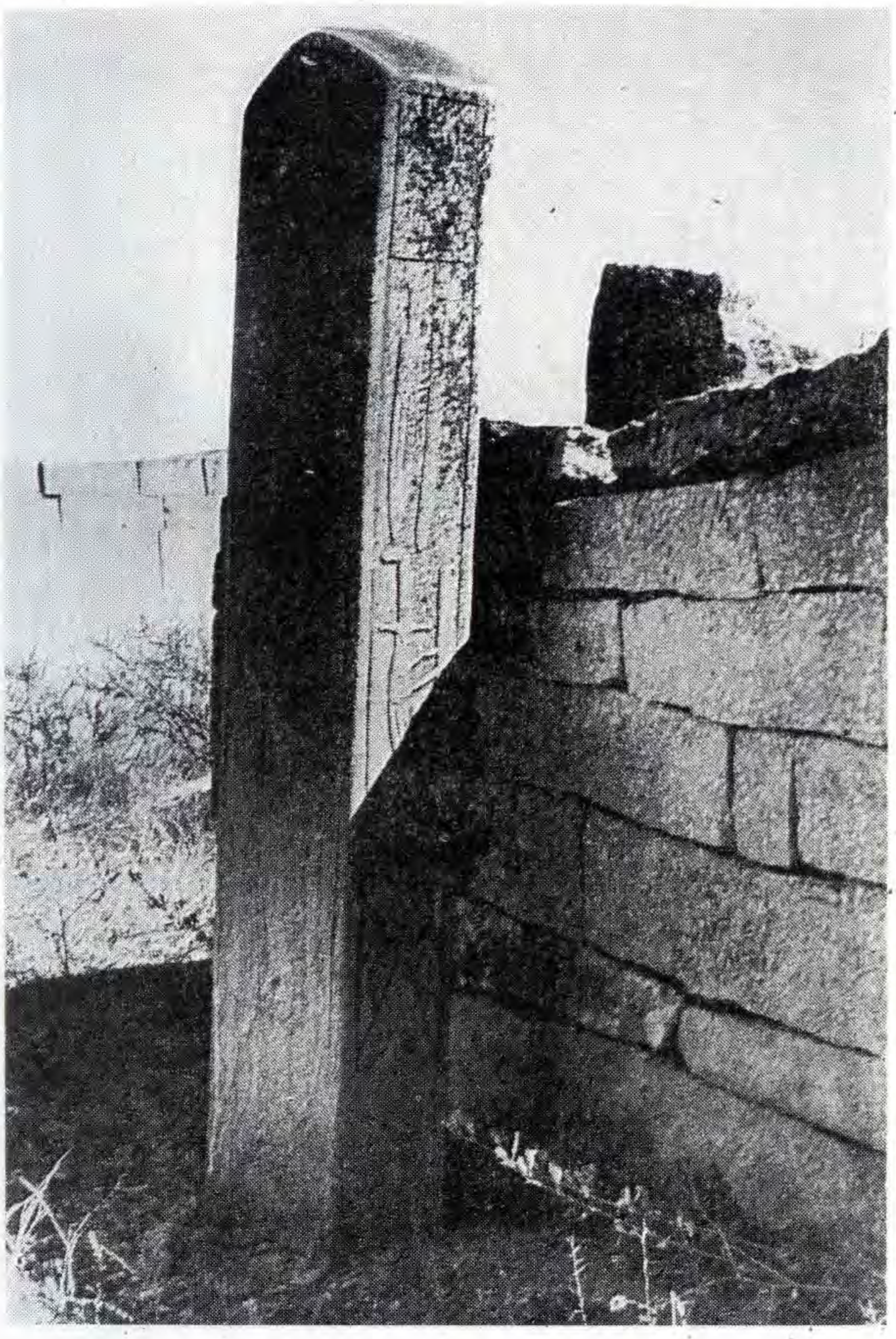
Более определенно об этой проблеме высказывался любитель-археолог В. А. Мустафин в своем сообщении, сделанном на собрании Туркестанского кружка любителей археологии: «Часть каменных баб, по происхождению своему, менее древние, несомненно, принадлежат к памятникам тюркского происхождения, так как у некоторых тюркских племен сохранился до нашего времени обычай ставить глиняные статуи на могилах своих родичей, а у киргиз (казахов —*М. М.*), по-видимому, обычай этот переродился в постановку так называемых кулпытасов» (69, с. 19).

По данным известного советского археолога С. П. Плетневой, процесс перерождения круглой скульптуры в стелообразные памятники у западных кипчаков начался примерно в начале XIII века (73, с. 220), а у восточных кипчаков, может быть, несколько раньше.

Основная масса кулпытасов региона представляет собою вертикальные квадратного или прямоугольного сечения каменные столбы-стелы, разбитые по высоте на три части: пьедестал в виде массивной плиты, ствол, обычно декорированный плоскорельефной орнаментальной резьбой, и фигурно обработанную венчающую часть.

Между этими тремя частями кулпытасов не прослеживается традиционно установленных соразмерностей. Пропорциональное построение их частей бывает различно в зависимости от желания заказчика или от вкуса мастера-строителя.

У большинства небольших кулпытасов ствол и завершение высекаются из одного блока камня, а в редких случаях — верхняя часть компонуется из нескольких фигурно отделанных кусков, соединенных между собою и со стволом деревянными штырями. Для установки ствола кулпытаса в центре квадратной плиты — пьедестала вырубается сквозное отверстие, иногда заливаемое после установки ствола известковым раствором.



Кулпытас батыра Тулепа Анитова на некрополе Сейсен-ата. Середина XVIII в. Фото 1952 г.

По способам обработки стволов и их венчающих частей исследованные нами памятники можно подразделить на шесть групп, хотя они не укладываются в определенные хронологические рамки, так как поздние нередко повторяют формы и орнаментальные мотивы более ранних.

Для первой группы кулпытасов характерны орнаментальная резьба стволов, двухъярусное членение верхней части завершенной шаровидной головкой. Такие памятники встречаются главным образом на древних некрополях Ушкан-ата и Бейнеу (илл. 37 на с. 131). К этой же группе относится кулпытас на некрополе в урочище Бескопа в Хобдинском районе Актюбинской области (илл. 38 на с. 132).

Кулпытасы второй группы отличаются цельным орнаментированным стволом и треугольным верхом. Среди них ранним является кулпытас адаевского батыра Тулепа Анитова на некрополе Сейсен-ата, датированный серединой XVIII века. Он представляет собой столб прямоугольного сечения, все грани которого покрыты орнаментальной резьбой; на южной

Кулпытасы на некрополе Камысбай. Конец XIX в. Мангышлак

грани высечены кривая сабля, кинжал, пика, нож и растительный орнамент, на западной — эпитафия.

Другие кулпытасы этой группы, датируемые второй половиной XIX века, также характеризуются своеобразием и высокими качествами орнаментального декора. Так, три грани одного кулпытаса на некрополе Карагаш покрыты тонкой орнаментальной резьбой растительного характера, на четвертой грани высечены изображения ремесленных инструментов и оружия (илл. 39 на с. 133). Удивительно ажурна орнаментальная резьба другого кулпытаса (илл. 40 на с. 134). Оригинально решен орнаментальный декор кулпытаса на некрополе Каракуль, расположенном в 10 км к востоку от урочища Кондыбас на Эмбе. На его декоративной стороне, обрамленной бордюром, вырезаны две орнаментированные розетки, растительные мотивы и эпитафия (илл. 41 на с. 135).

Кулпытасы третьей группы близки к предыдущей — второй группе, но отличаются лишь закругленным верхом и геометризованным орнаментом или эпиграфикой (илл. 36 на с. 130, илл. 42 на с. 136).

Кулпытасы на некрополе Асан-кожа на Эмбе. Начало XX в.
Фото 1951 г.

Кулпытасы четвертой группы — это высокие, прямоугольного очертания стволы, завершенные стреловидной головкой; с изображениями на них преимущественно женских украшений (илл. 44 на с. 137). Такие памятники были обнаружены на некрополях Камысбай и Шопан-ата.

Кулпытасам пятой группы присущи тонкая профилировка граней стволов и двухъярусная отделка верхней половины, увенчанной составной пирамидальной головкой. Характерной архитектурной деталью отделки верхней части этой группы памятников, распространенных главным образом в долине р. Эмбы и в горах Коленкели, является вытесанная форма балясины (илл. 43 на с. 137).

Наконец, к шестой группе относятся кулпытасы-великаны, выявленные только на некрополях Ушкан-ата и Карачунгул на Эмбе. Ушканская группа кулпытасов, созданная в 1898—1906 гг. мастерами Елеусином и Елбусином Егисеновыми, отличается более крупными размерами — от 2,5 до 3,7 м высотой, богатством и разнообразием художественной отделки. Они построены из камня-ракушечника месторождения северо-западного чинка Устюрта. Некоторые из них имеют монолитные стволы со сложным фигурным завершением в виде капители.

На гранях их стволов изображены родовые тамги, вихревые розетки и другие орнаментальные узоры. У наиболее крупного кулпытаса, установленного в 1898 году, верхняя половина состоит из нескольких фигурных блоков, соединенных между собой и собственно стволом деревянными

Койтас. Некрополь Сейсен-ата. XIV—XVI вв.
Фото 1973 г.

штырями (илл. 45 на с. 138). Другой огромный кулпытас, сооруженный мастерами Егисеновыми в 1902 году, представляет собой цельный прямоугольный столб, грани которого декорированы орнаментальной резьбой, разделяющей его ствол по горизонтали на четыре части. В орнаментальную резьбу ушканских и карачунгулских памятников включены родовые тамги кетенцев и круги с вихревыми розетками — древние символы солнца (илл. 45—47, 49 на с. 138—139, 141).

Один из крупных кулпытасов на некрополе Карасакал по приемам декоративной обработки сходен с ушканскими (илл. 48 на с. 140).

Койтасы (каменные бараны) — особый тип надгробий в виде скульптурного изображения барана. В 1951 года на некрополях Бейнеу и Сейсен-ата впервые нами были обнаружены два таких надгробия. На некрополе Бейнеу образ животного трактован схематично, на нижней плите постамента высечена кипчакская тамга «II-Кос алиф». Надгробие на некрополе Сейсен-ата представляет собой скульптурное изображение барана с тщательной моделировкой.

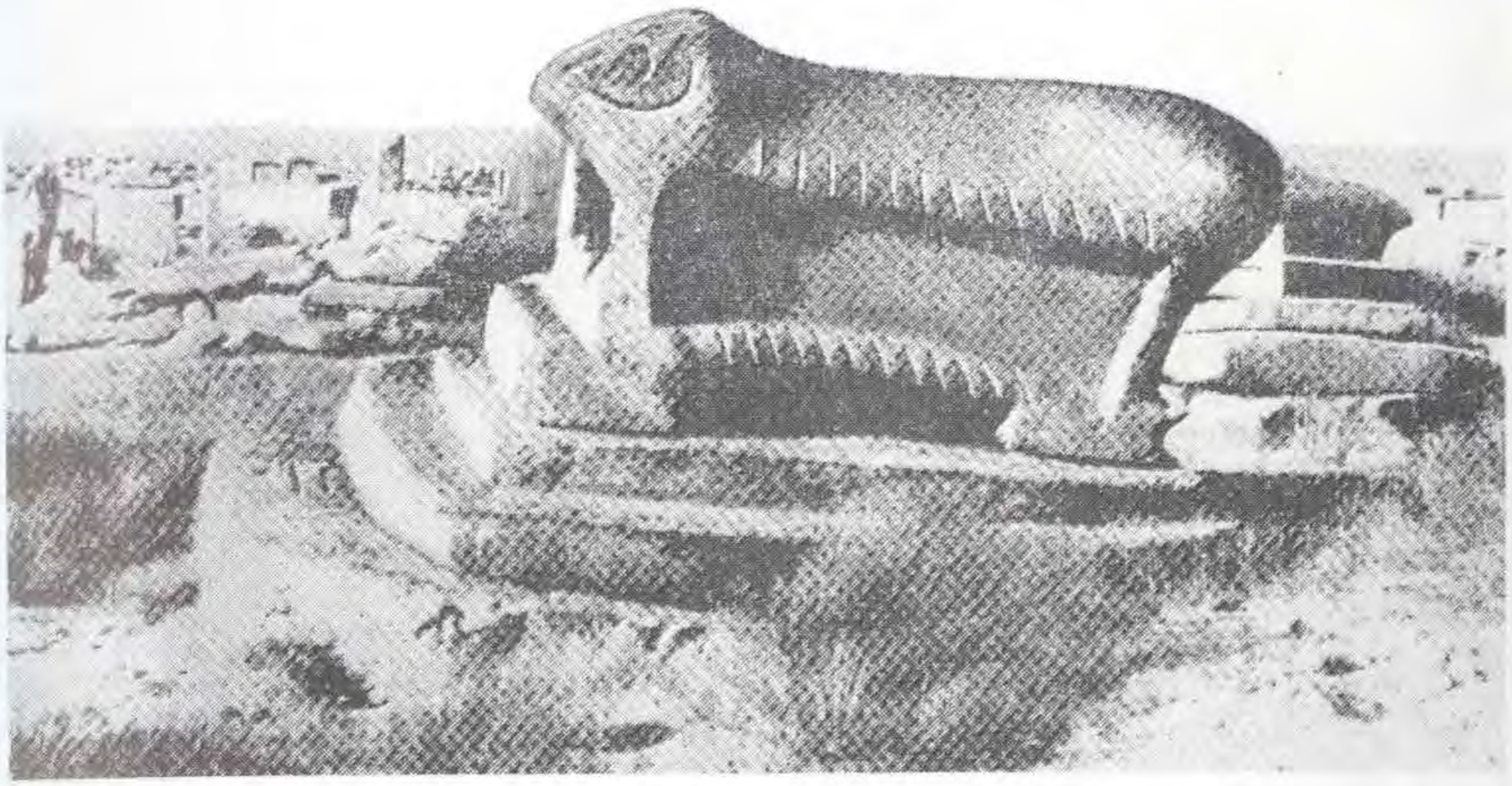
Обследования территории Устюрта и Мангышлака в 60-е и 70-е годы выявили целый ряд подобных надгробий, трактованных более реалистично по сравнению с предыдущими, например, на некрополе Кошкар-ата близ города Шевченко, зафиксированные экспедицией Общества охраны памятников истории и культуры Казахской ССР в 1973 году, и на нек-

рополе около поселка Ералиево. С. П. Поляков, ссылаясь на информацию местного населения, датирует их началом XX века (74, с. 50).

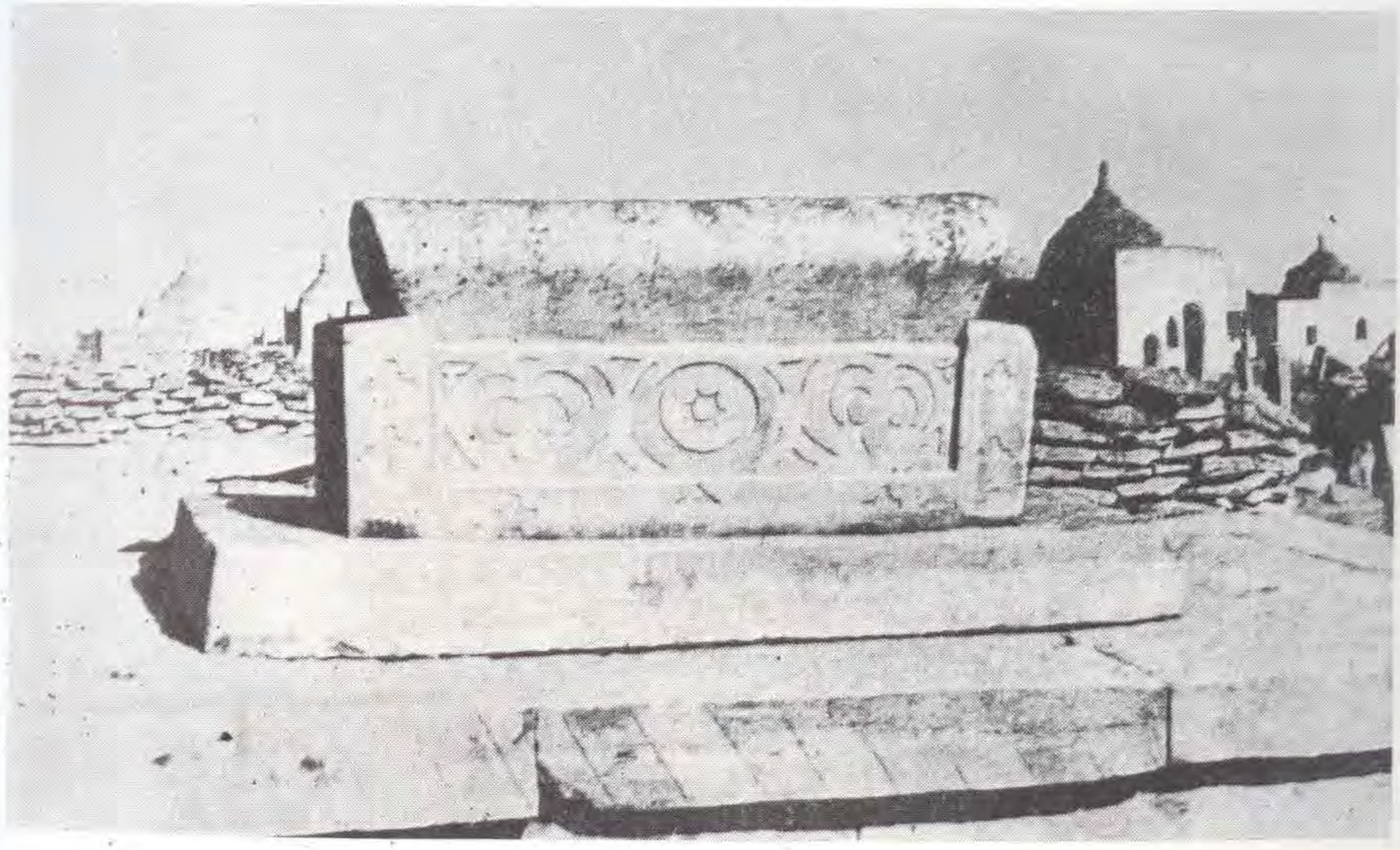
Два скульптурных изображения барана, привезенные с Мангышлака в 60-е годы, экспонируются в Государственном музее искусств Казахской ССР имени А. Кастеева в Алма-Ате.

Возможно, установка скульптуры барана над погребением связана с тотемными древними представлениями или трактовкой барана, как жертвенного животного. На наш взгляд, скульптурное изображение барана, под влиянием ислама утратившее реалистические черты, является прообразом такого вида надгробия, как койтас. (илл. 50—52 на с. 142—144).

Койтас. Некрополь Кошкар-ата. Конец XIX — начало XX вв.
Фото 1973 г.



Койтас. Некрополь Бейнеу. XIV—XVI вв.
Фото 1951 г.



Койтас на некрополе Сейсен-ата. Вторая половина XIX в.
Фото 1951 г.

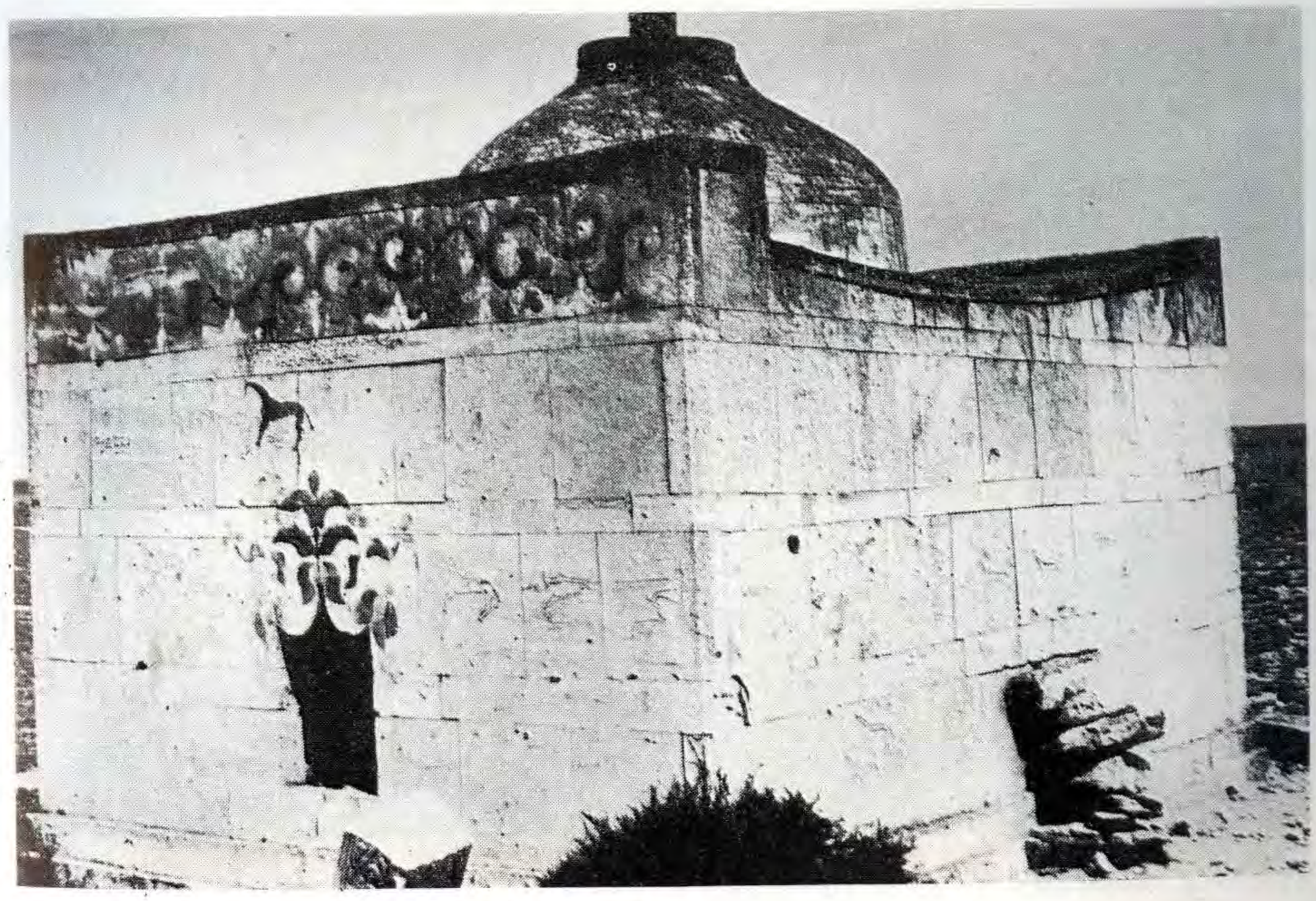
ИЛЛЮСТРАЦИИ

Некрополь Ханга-баба. Фото 1973 г.

Некрополь в Бейнеу. На первом плане — вход в мечеть Бекет-ата.
Фото 1952 г.

Изображения животных на стене мавзолея. Некрополь Бисембай.
Начало XX в.

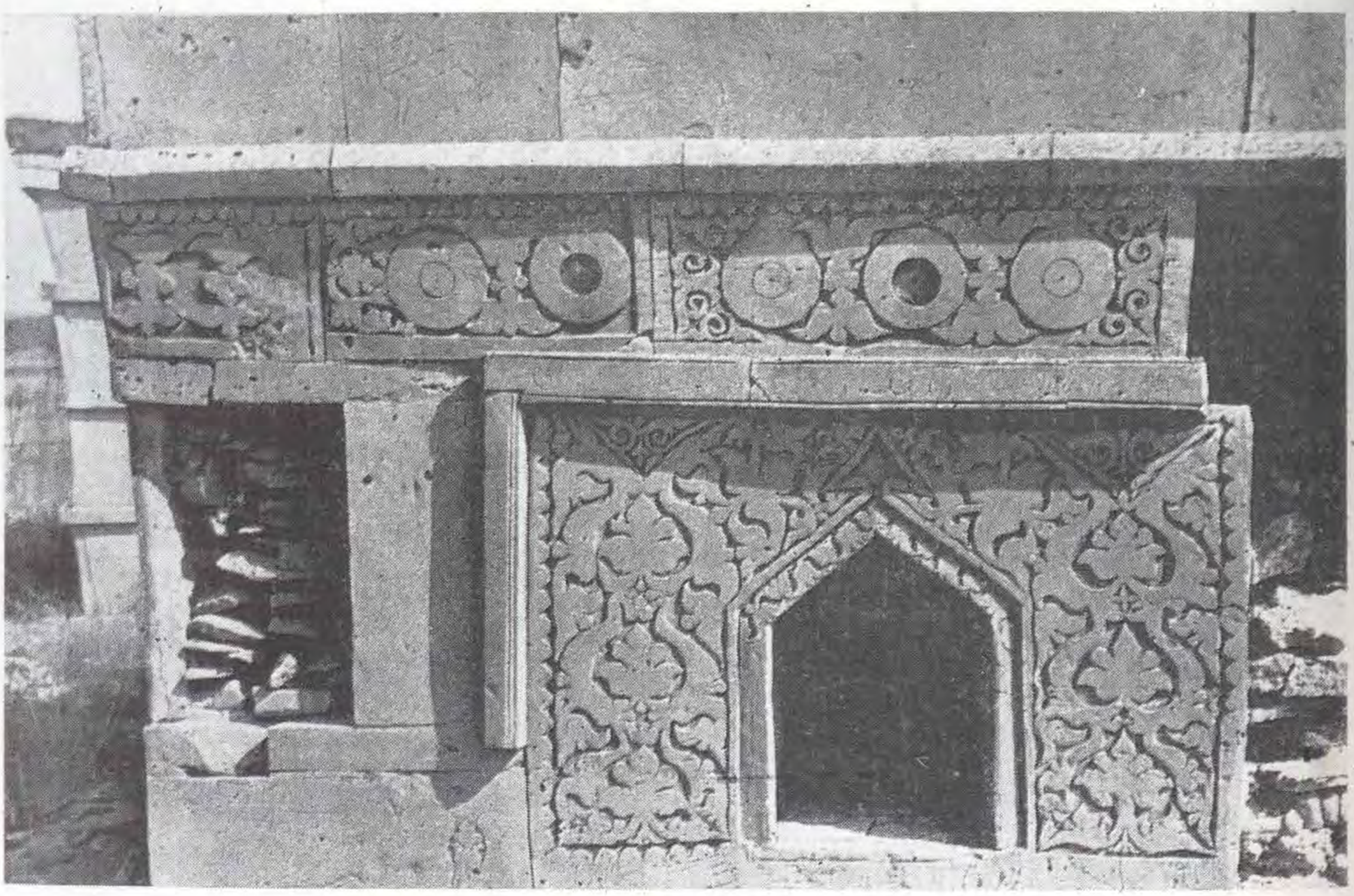
Изображения животных на стене сагана-тама.
Некрополь Сагындык. Мангышлакская область. Конец XIX—
начало XX вв.



Надгробие с каменным шлемом. Некрополь Сейсен-ата. XIV—XVI вв. Фото 1952 г.

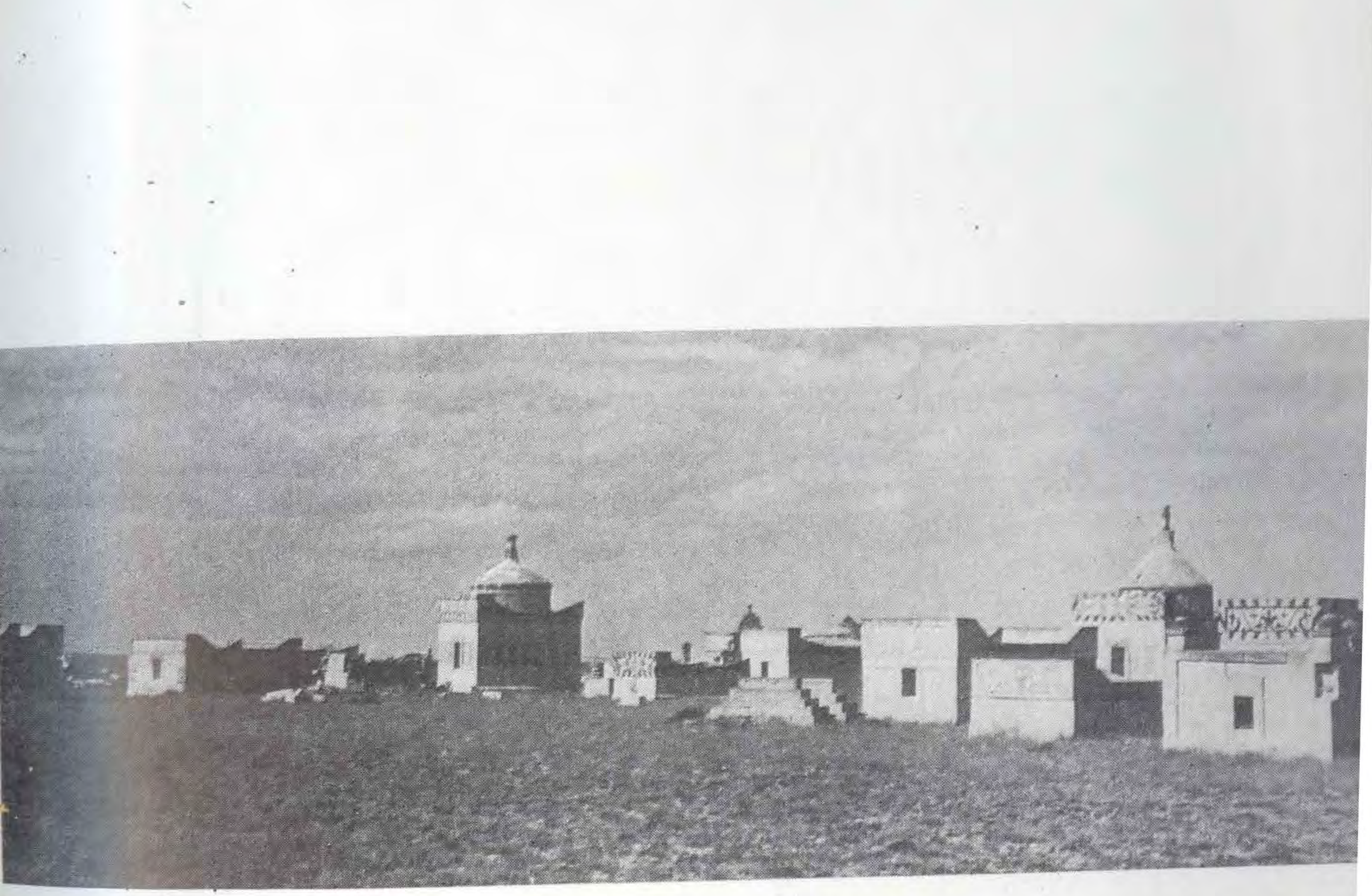
Надгробие с каменным шлемом. Фото 1952 г.

Мавзолеи. Некрополь Камысбай. Конец XVIII— начало XIX в.
Фото 1952 г.



Мавзолей на некрополе Камысбай. I половина XIX в.
Фото 1952 г.

Фрагмент главного фасада. Резьба по камню.

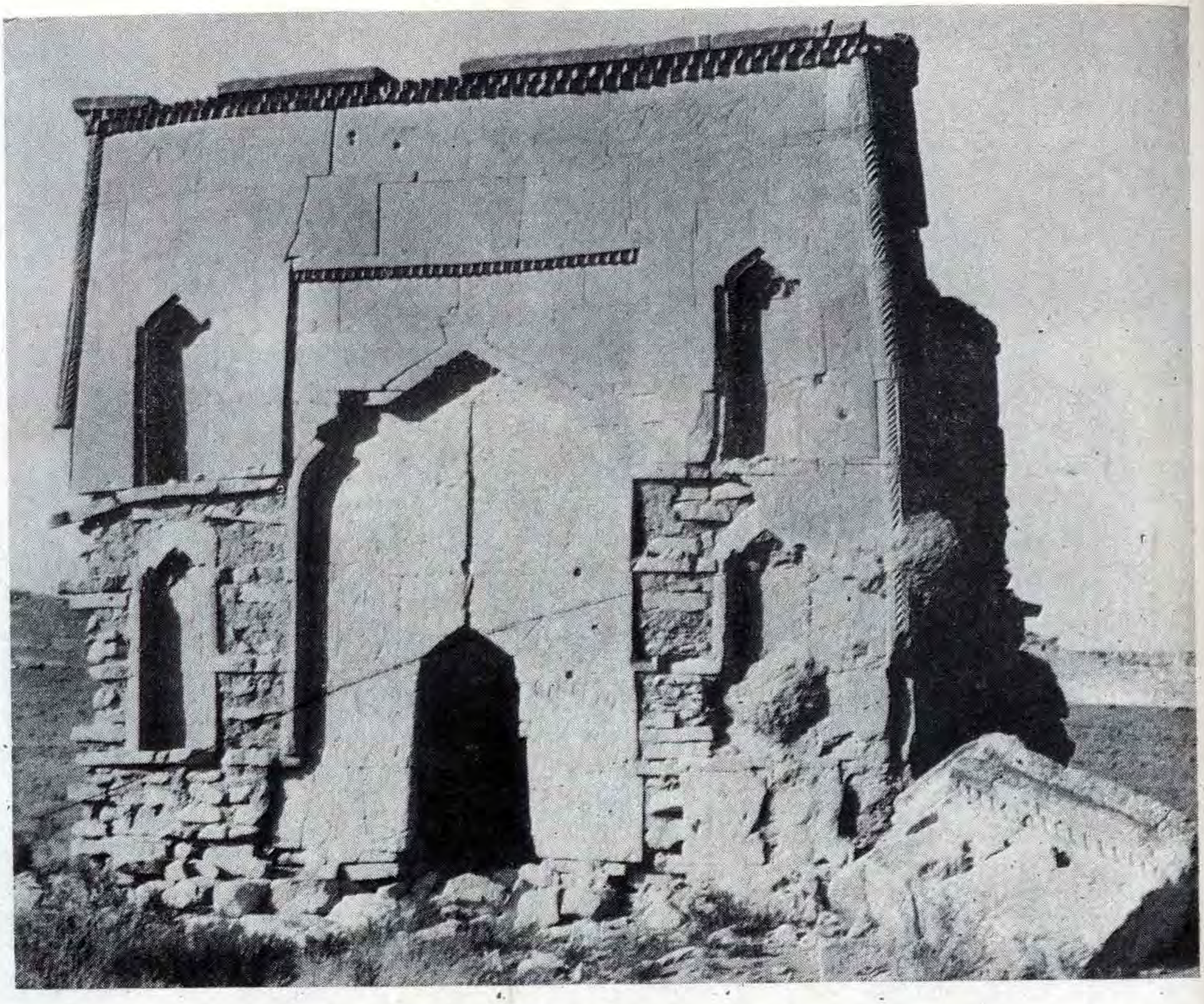


Некрополь Камысбай. Юго-восточная часть. I половина XIX в.
Фото 1952 г.

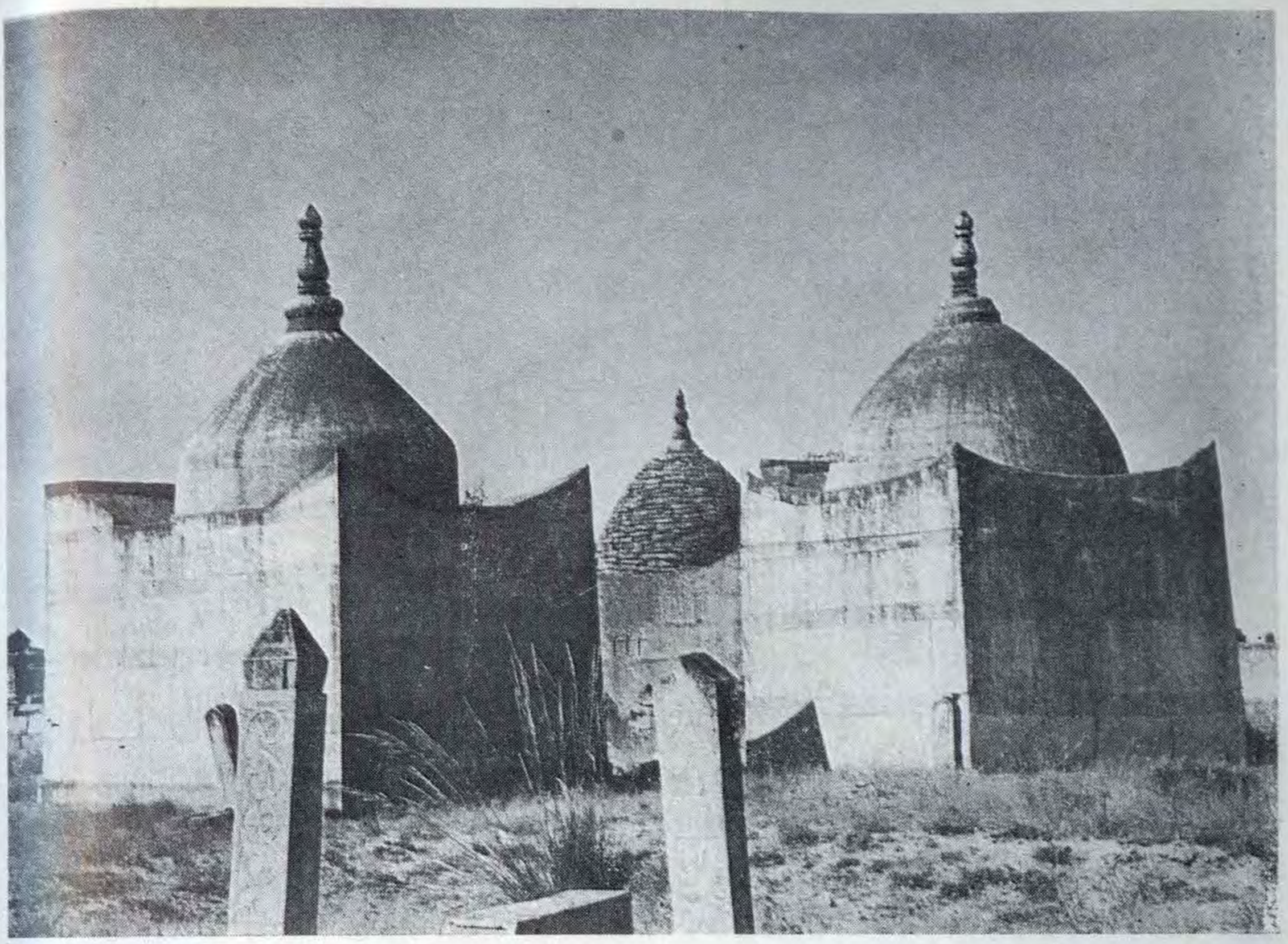
Безымянный мавзолей. Некрополь Сейсен-ата. XIV—XVI вв.
Фото 1952 г.

Мавзолей Уштам. XVI в. Мангышлакская область. Фото 1973 г.

Мавзолей на некрополе Бельтуран. Фрагмент фасада.



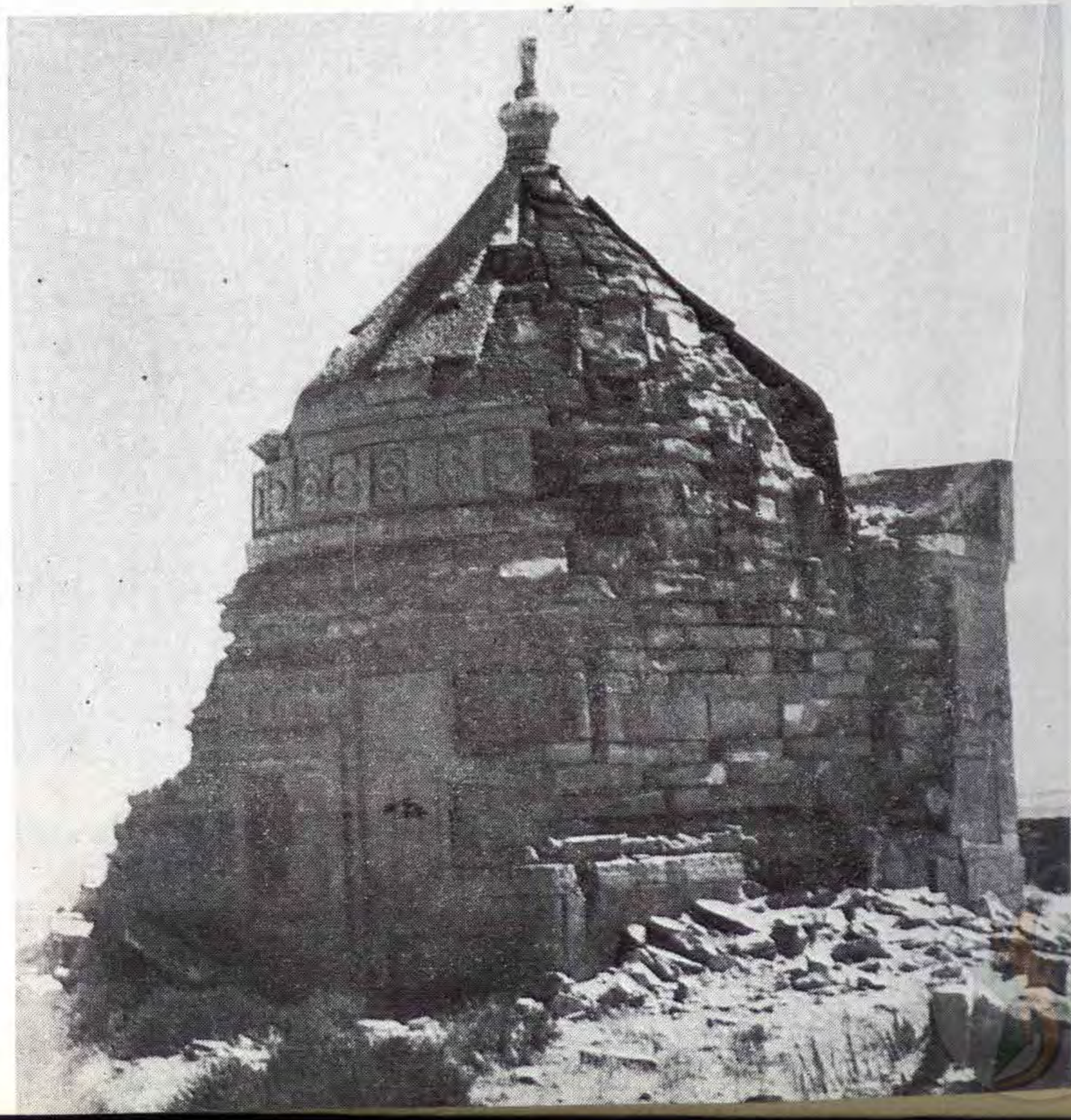
Мавзолей Долы-апа. I половина XVIII в. Мангышлакская область.
Фото 1973 г.

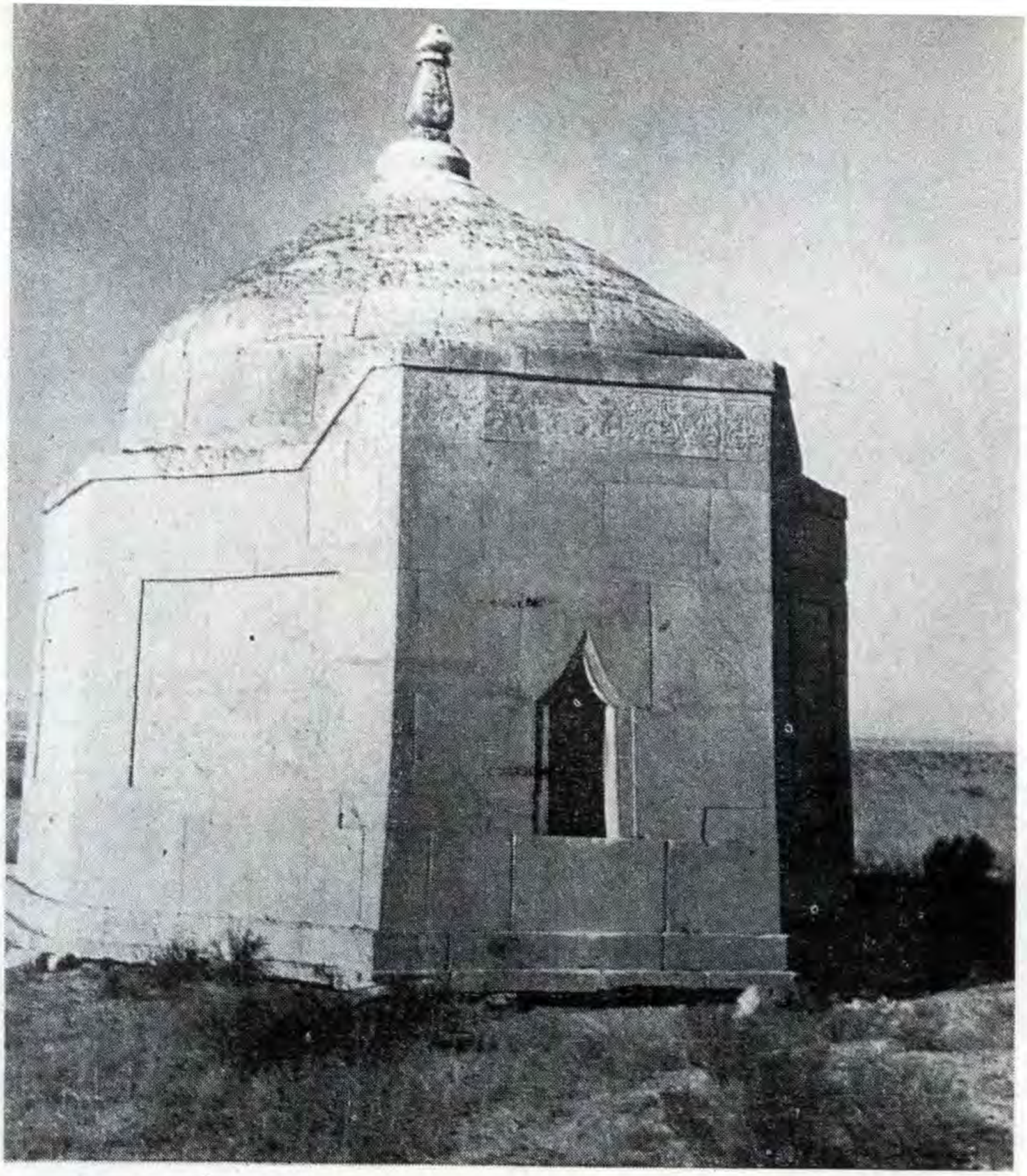


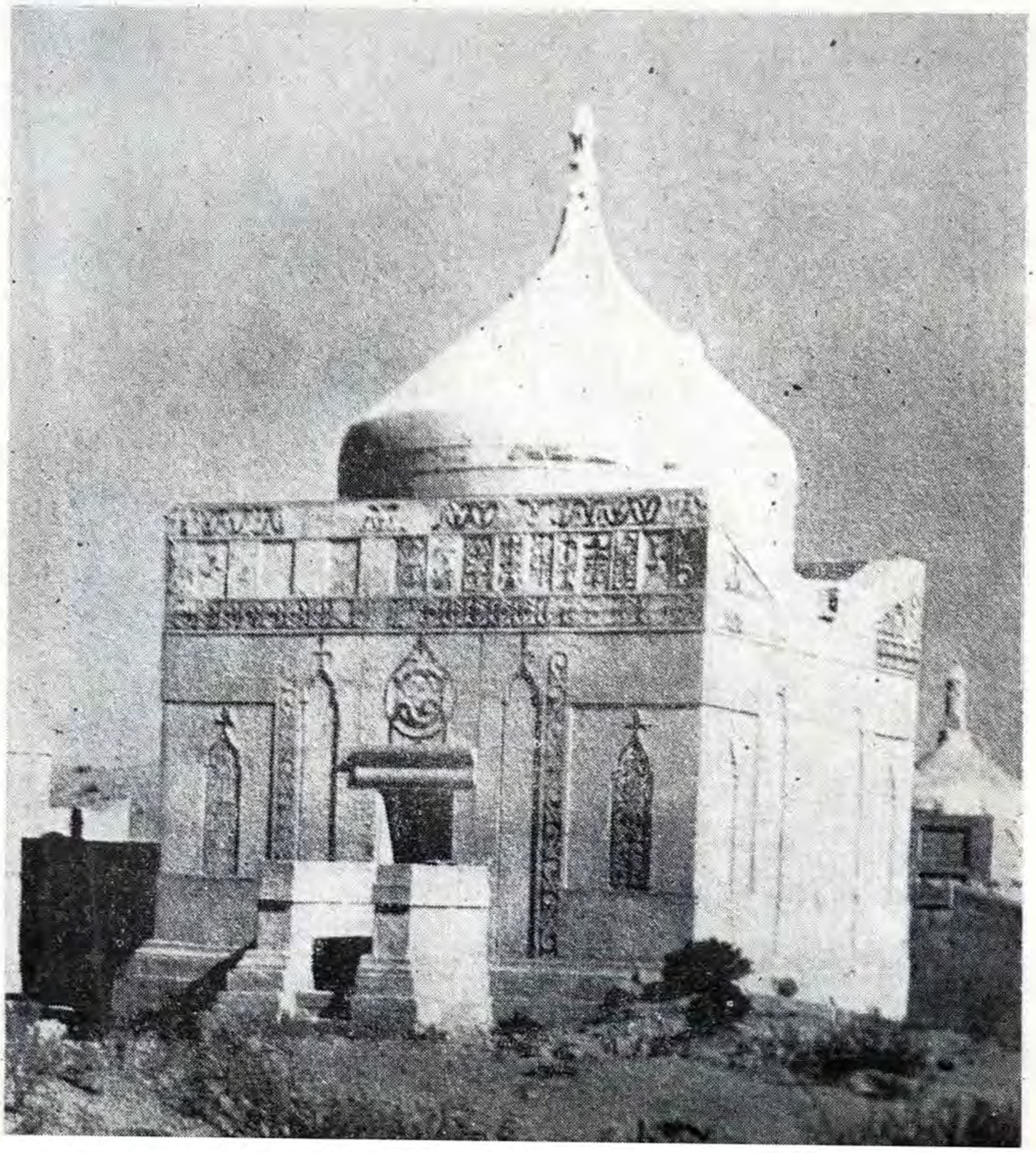
Мавзолей на некрополе Сейсен-ата. Вторая половина XIX в.
Фото 1973 г.

Мавзолей Ергалия на некрополе Сейсен-ата. 1874 г. Фото 1973 г.

Мавзолей Иманбая на Устюрте. 30-е годы XIX в. Фото 1952 г.



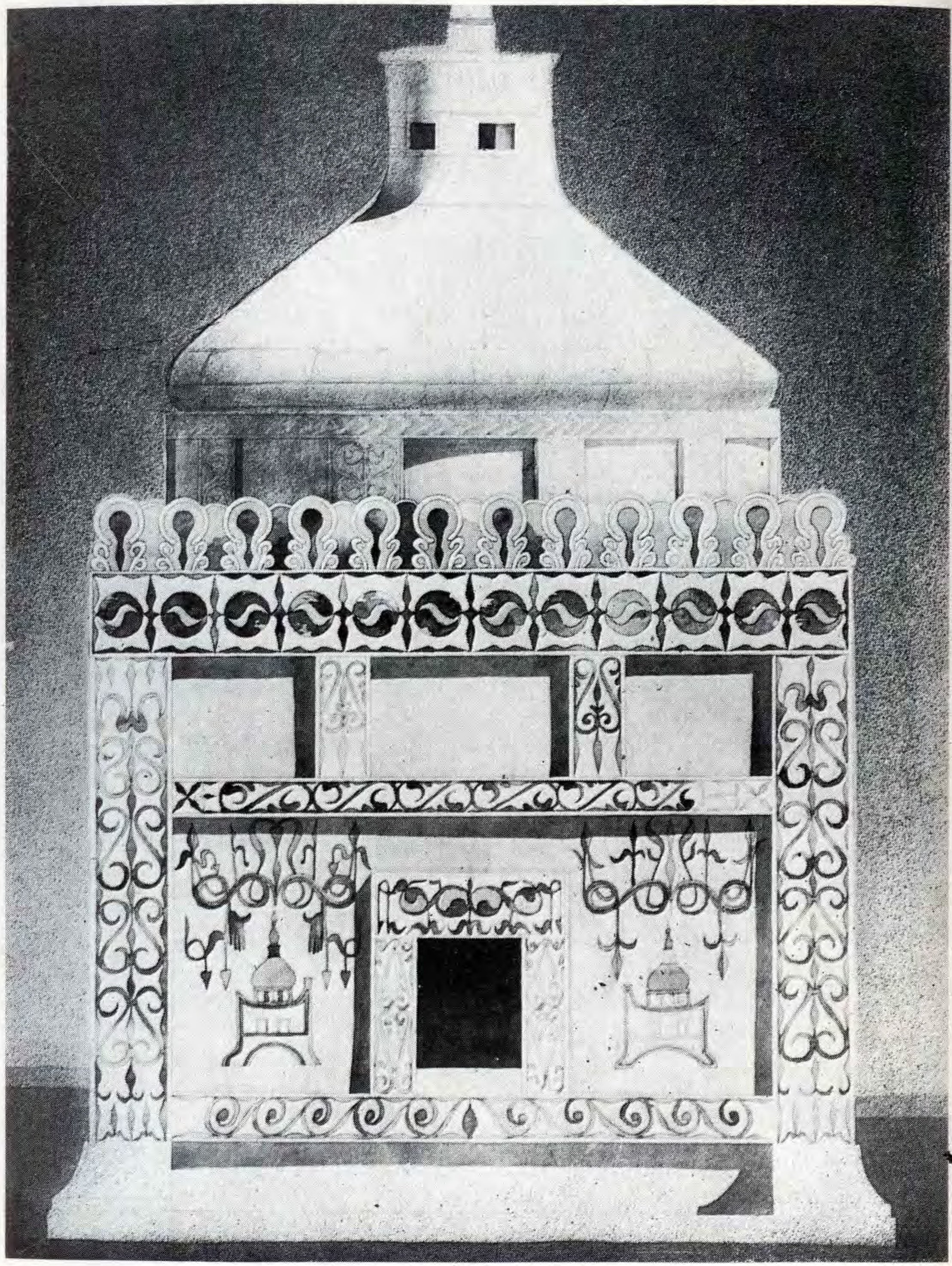




Мавзолей Сундета на Эмбе. Середина XIX в. Фото 1973 г.

Мавзолей Калышева в селе Сенек. 1900 г. Мастер Д. Жандаулетов. Фото 1952 г.

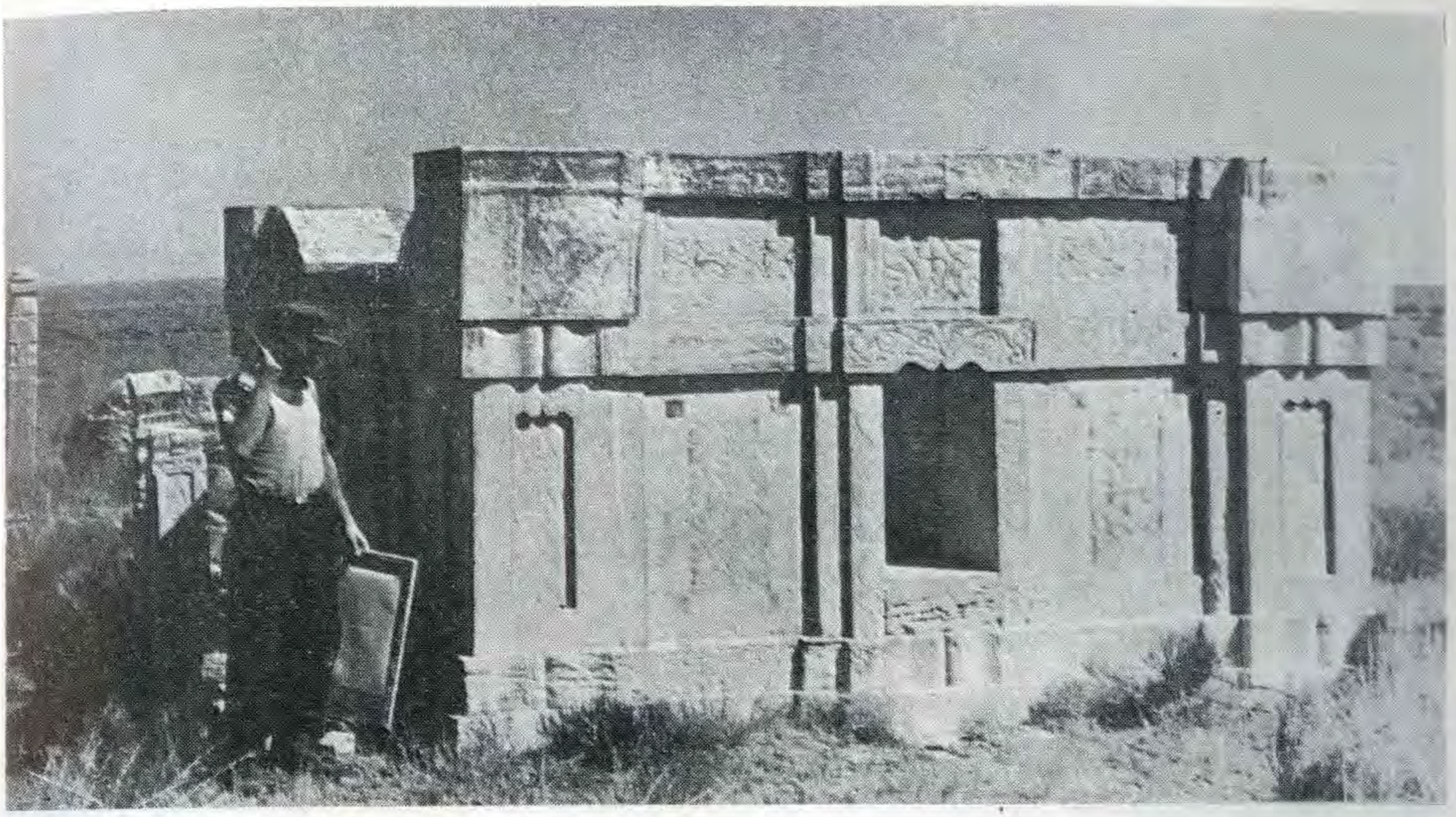
Мавзолей Омара и Тура. 1897 г. Мастера Дуйсен, Умир, Ордабай Каражусуповы. Фото 1951 г.



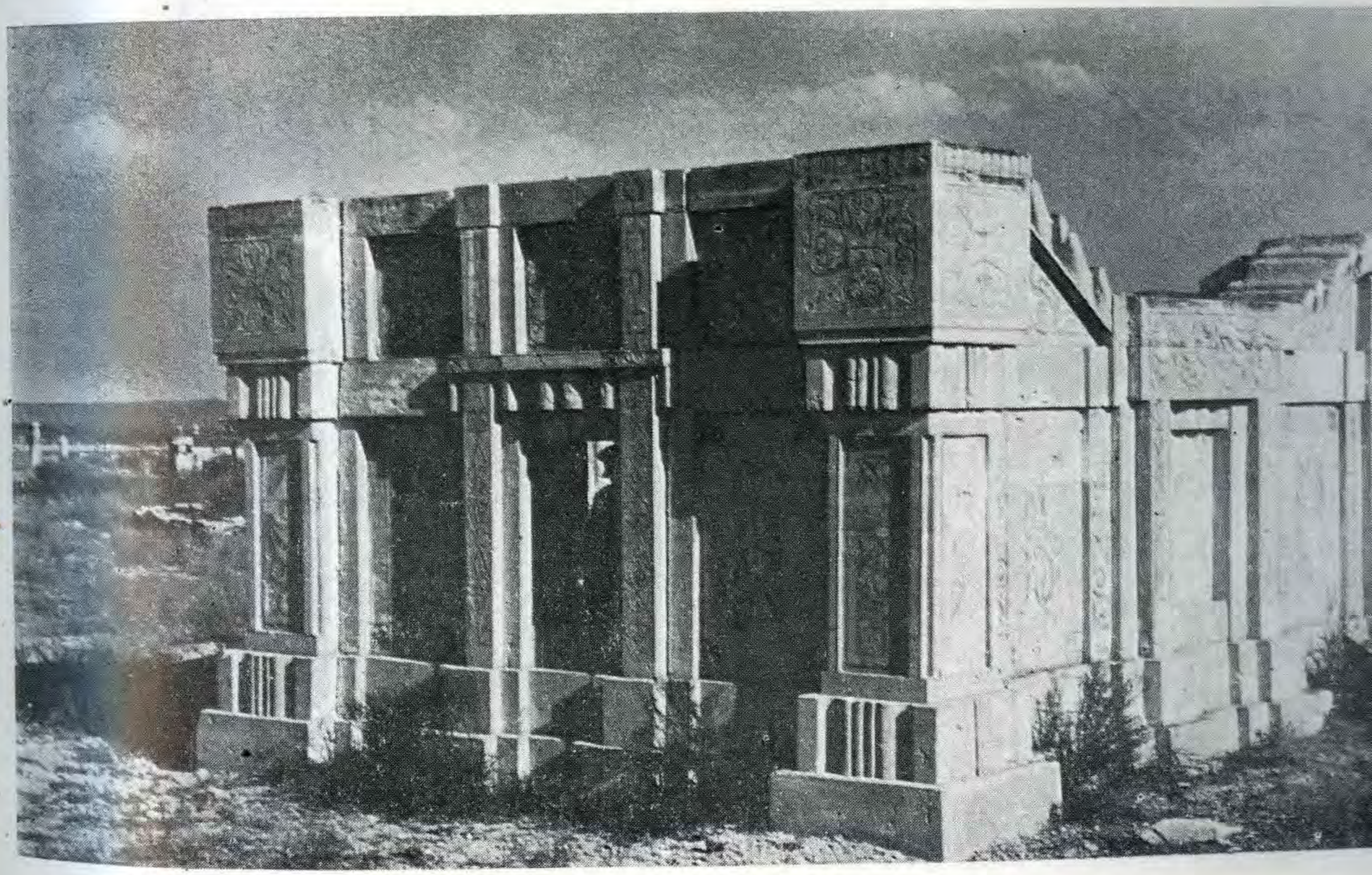
Мавзолей Шойнбая на некрополе Караман-ата. 1914 г.

Мавзолей Шойнбая. Фото 1973 г.
Мастера Умир Карин и Назар Умиров. Главный фасад. Обмер 1973 г.

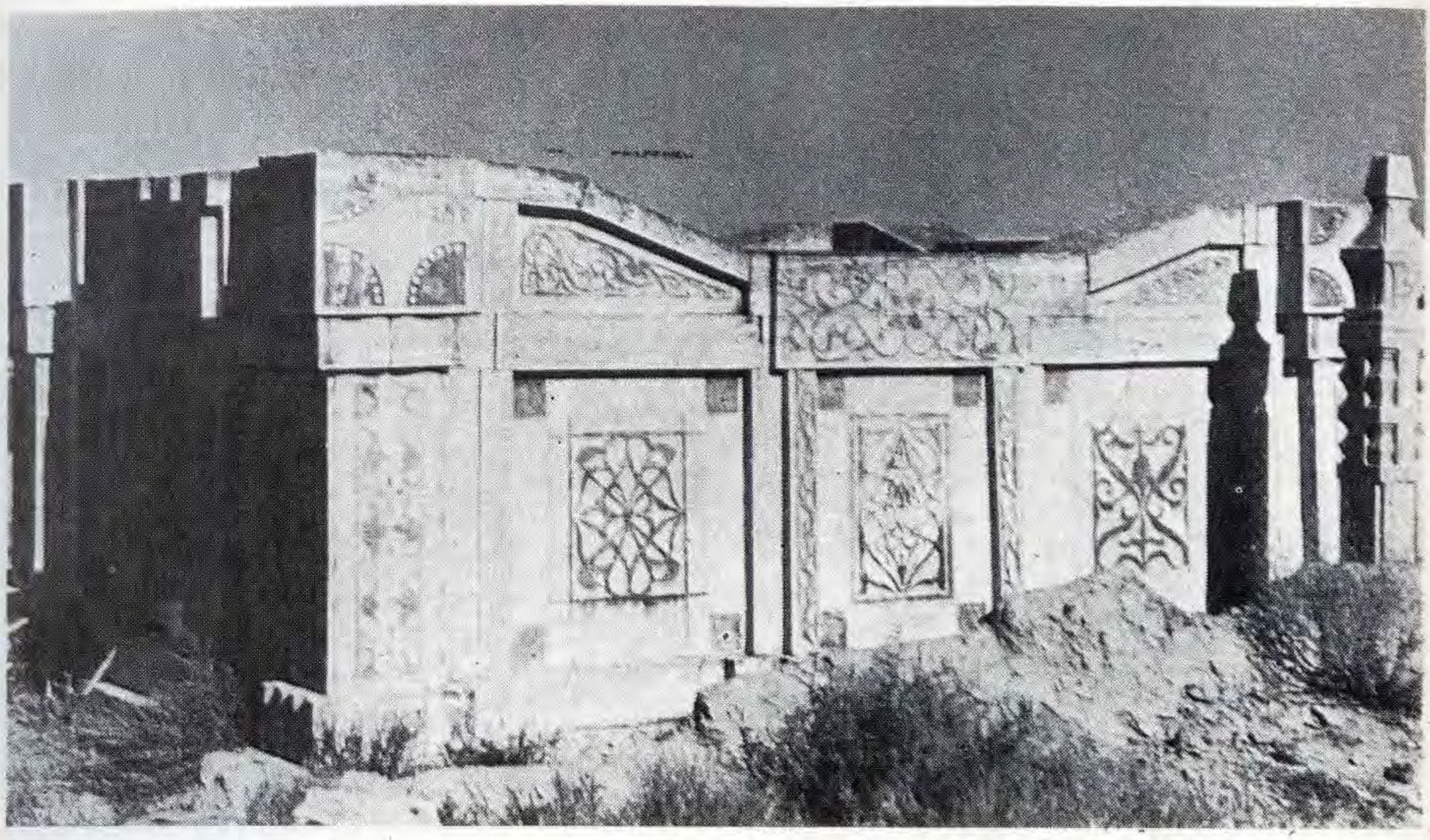
Мавзолей Нурмагамбета. Главный фасад. 1924 г. Мастер Есеналин. Мангышлакская область.



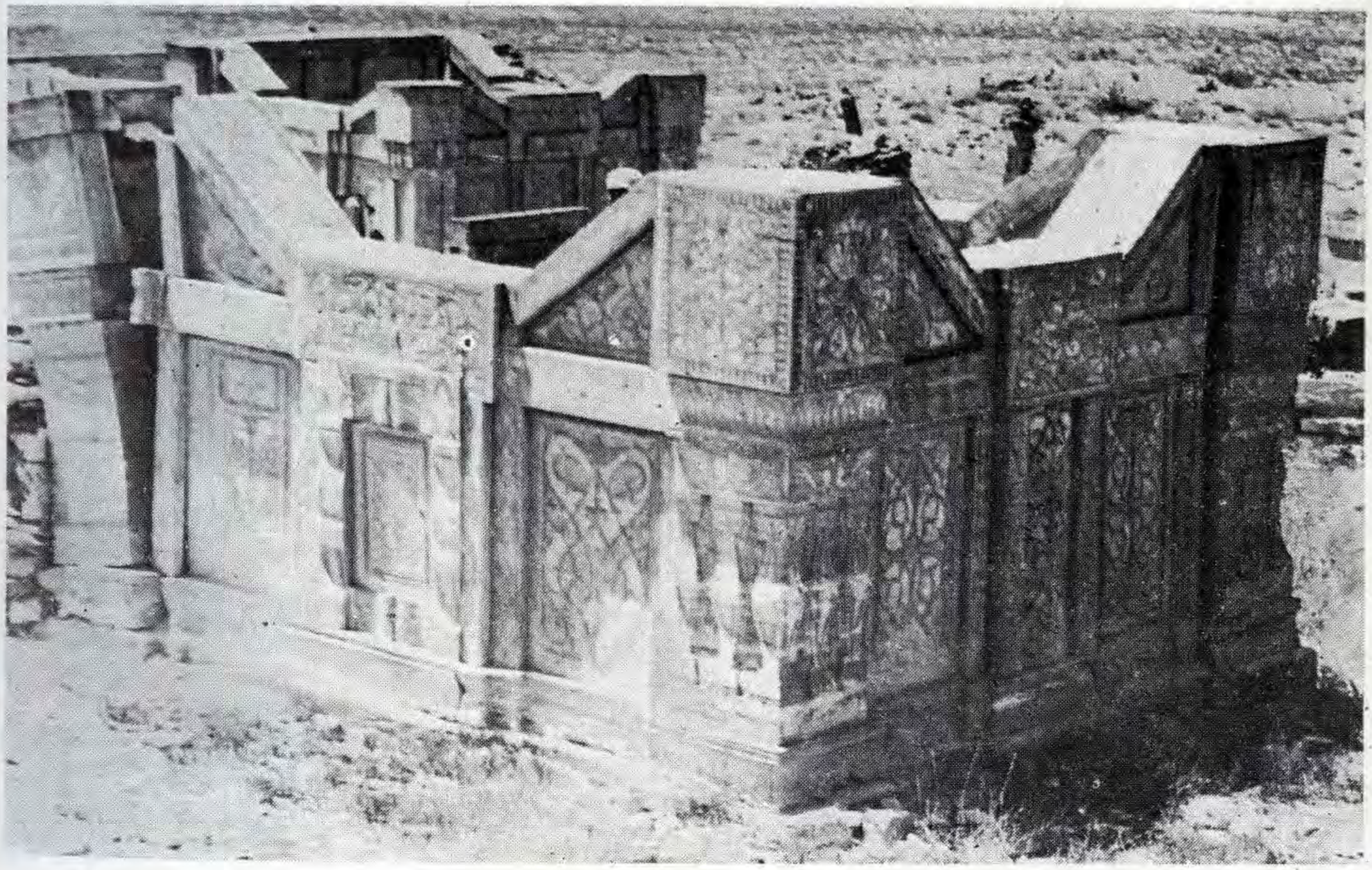
Сагана-там Койлыбаева на некрополе
Асан-кожа на Эмбе. Мастера Каражусуповы. Фото 1952 г.



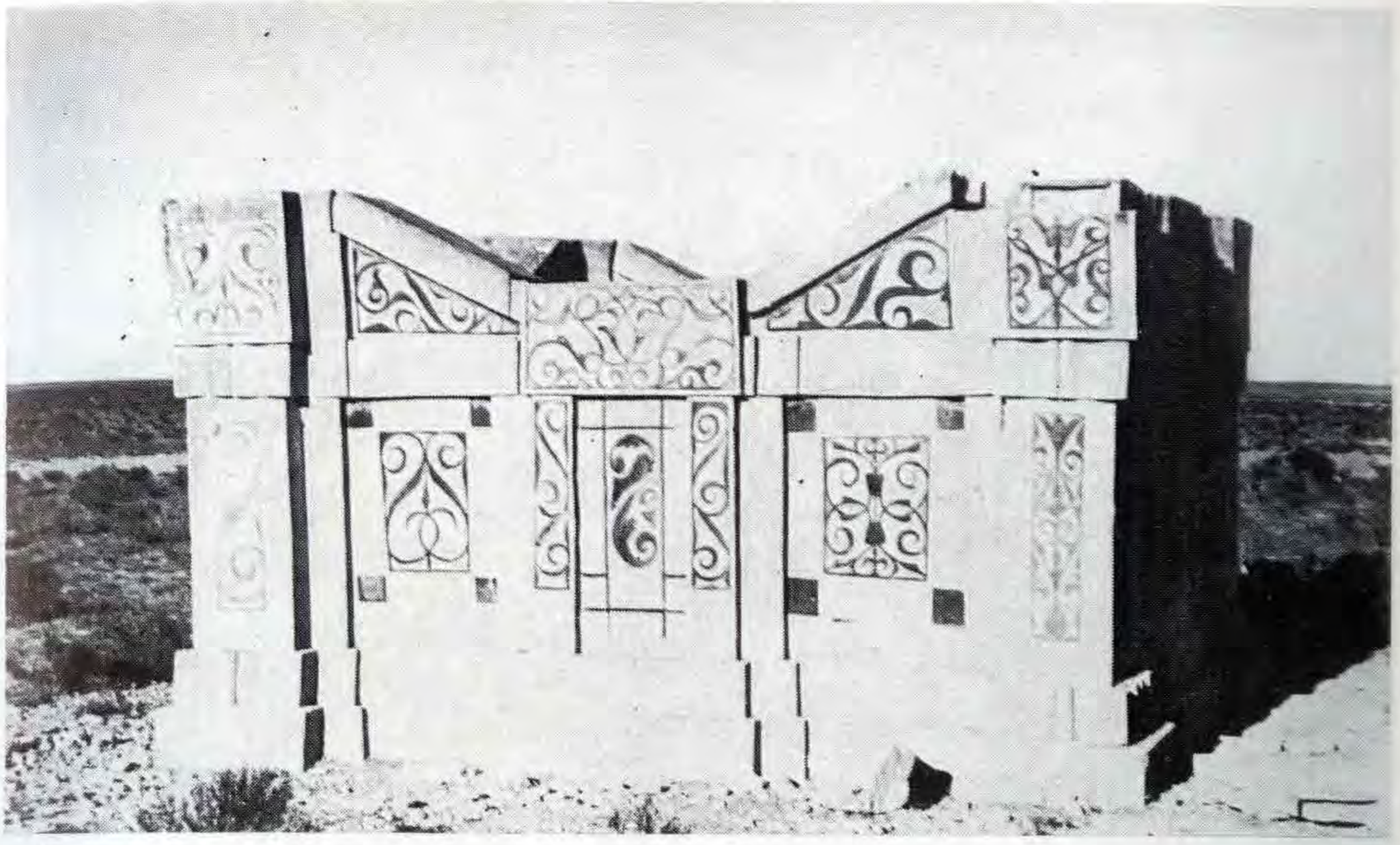
Сагана-там Нурмухамеда на некрополе
Асан-кожа на Эмбе. Конец XIX— начало XX вв. Мастера Каражусуповы.
Фото 1951 г.



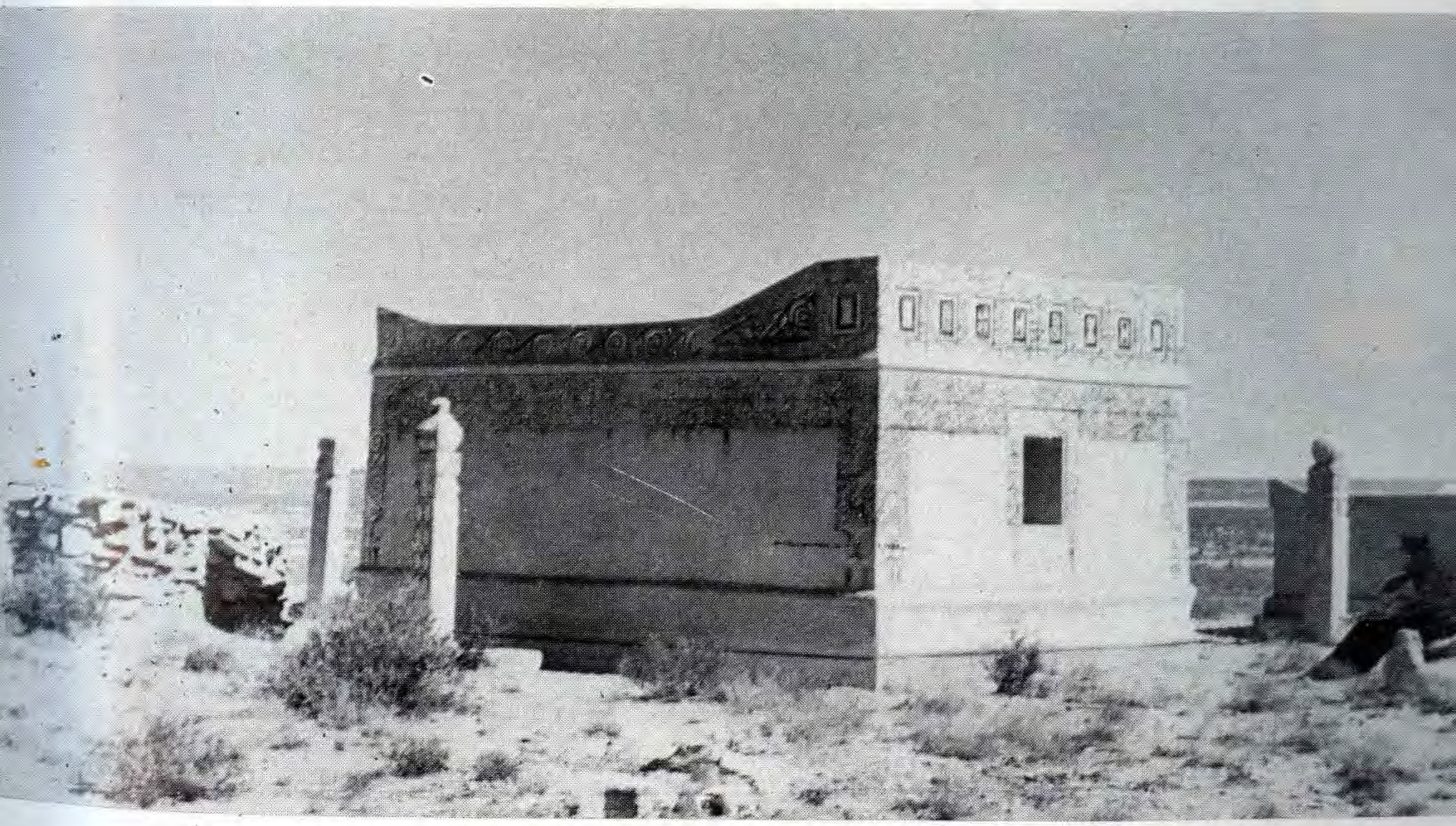
Сагана-там Койлыбаева на кладбище Асан-кожа на Эмбе. Фото 1952 г.



Сагана-там Бощыбая. 1916 г. Некрополь Кайршы-ишан в горах Коленкели. Фото 1973 г.



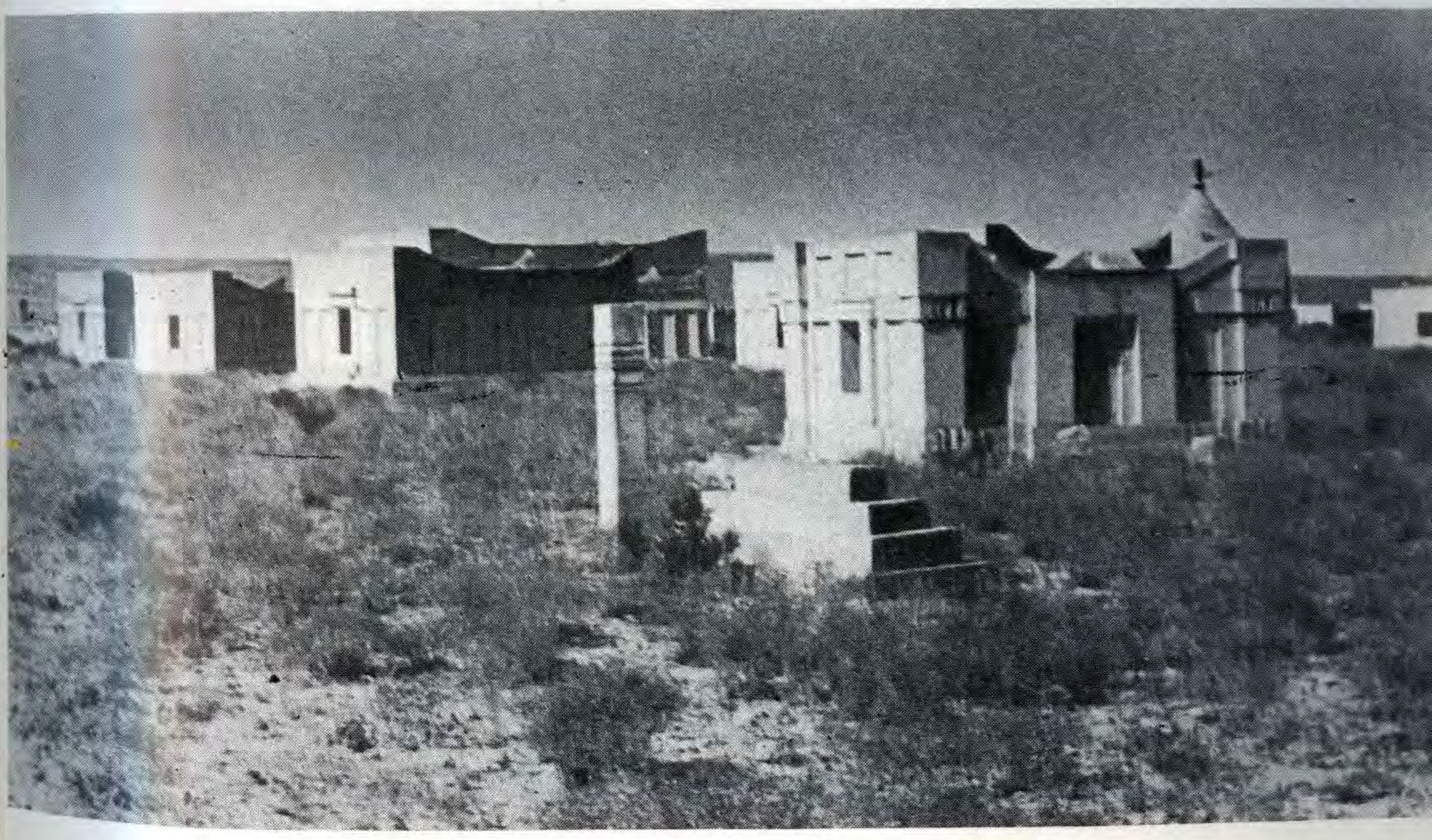
Безымянный сагана-там. Мангышлакская область.



Сагана-там. Мамбетчина. 1910 г. Юго-Восточный Устюрт.

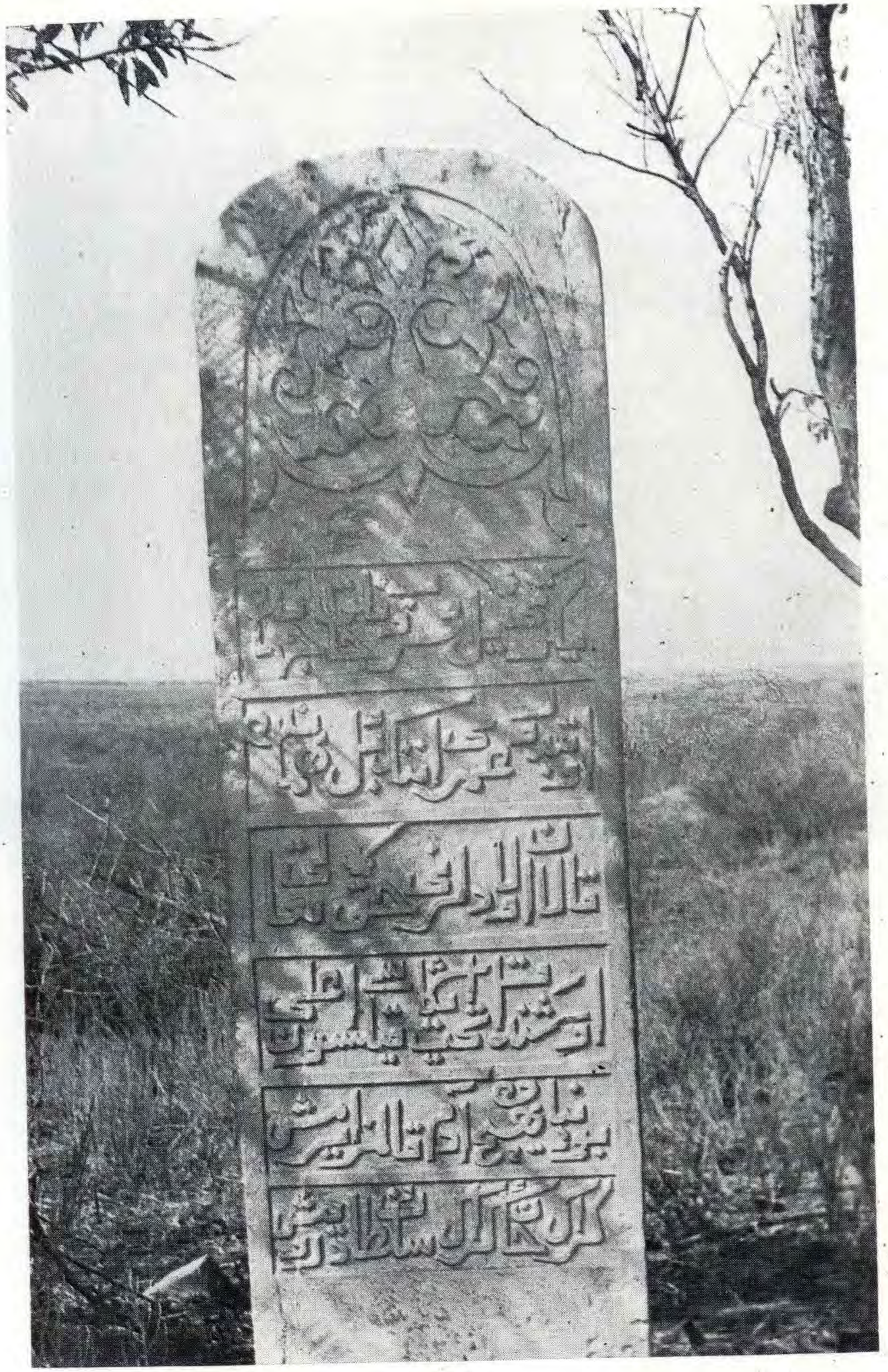
Сагана-там Мамбетчина. Главный фасад.
Фрагмент.

Сагана-там Исхожаева на некрополе Чат. Мангышлакская область. Фото 1973 г.



Сагана-там на некрополе Шопан-ата. 20-е годы XX в. Фото 1973 г.

Надгробные памятники на некрополе Сейсен-ата. Середина XIX в. Фото 1952 г.

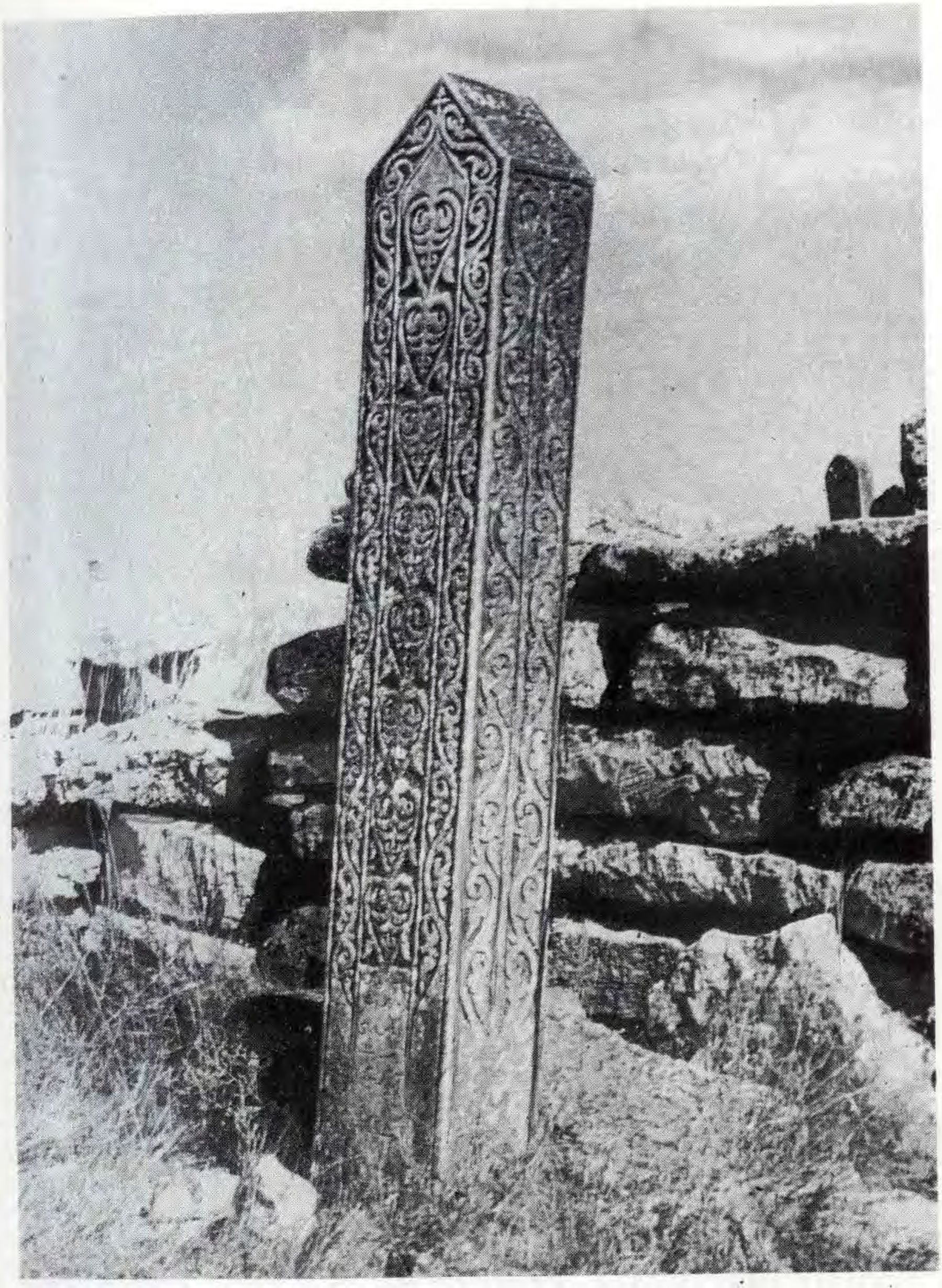


Кулпытас 1835 г. Уральская область.
село Орда. Фото 1980 г.

Кулпытасы на некрополе Ушкан-ата. 1841 г.
Фото 1952 г.

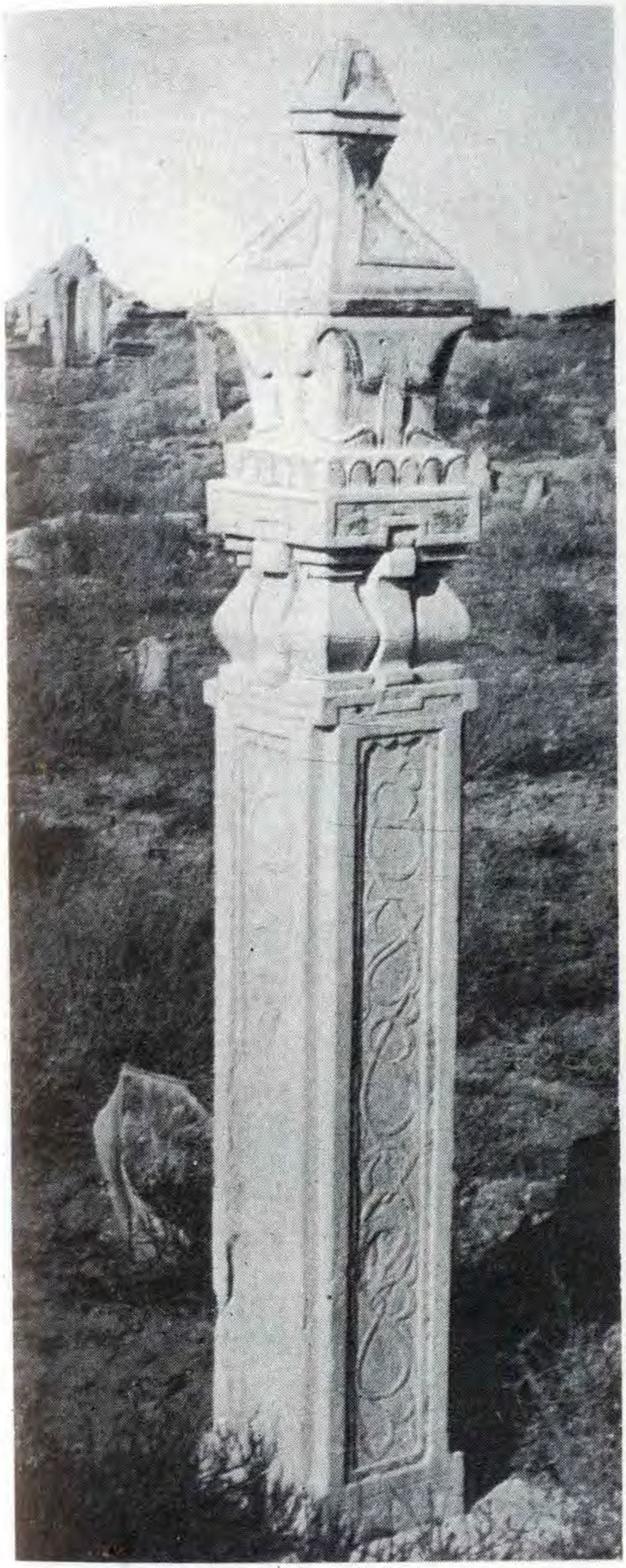
Кулпытас 1842 г. Актюбинская область.
Хобдинский район, урочище Бескопа.

Кулпытас с изображениями инструментов и оружия. Конец XIX в.

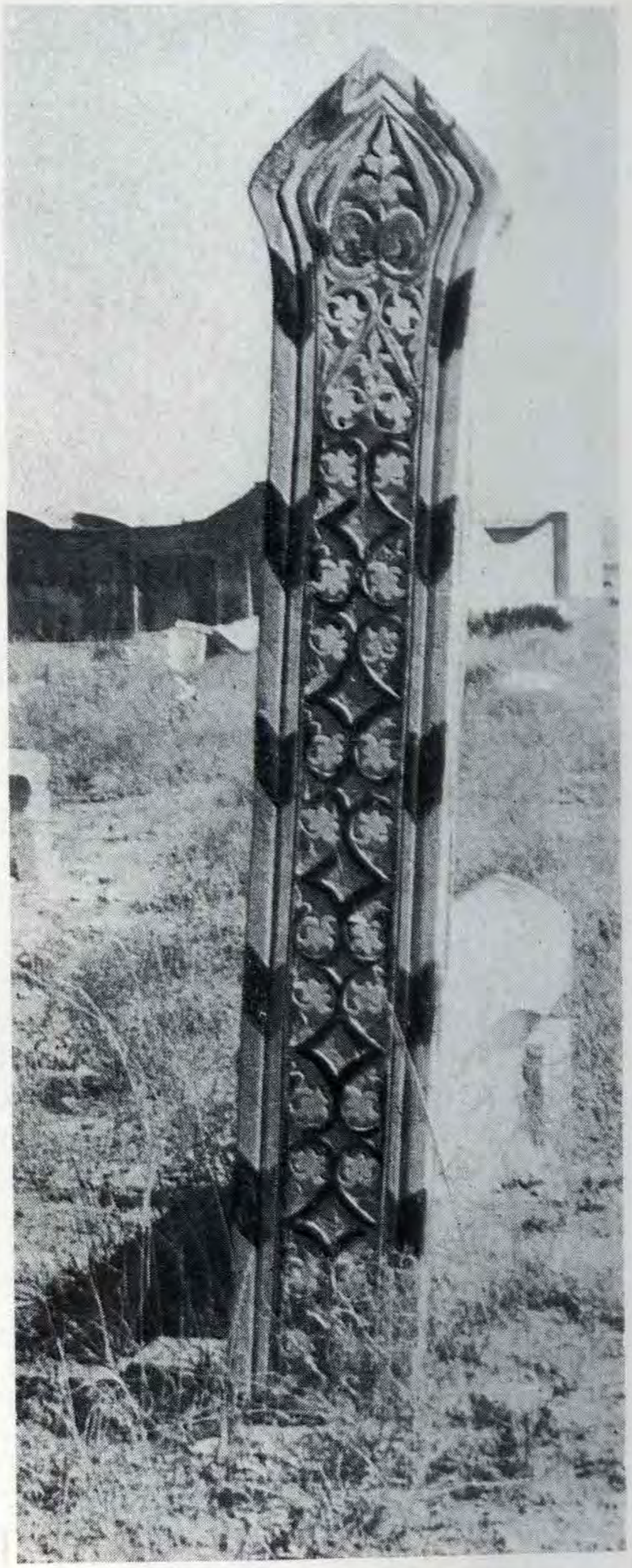


Кулпытас. Некрополь Карагаш. Конец XIX в. Мангышлакская область. Фото 1951 г.

Кулпытас на некрополе Караколь на Эмбе. Вторая половина XIX в. Фото 1973 г.



Кулпытас на некрополе Асан-кожа на Эмбе. 1913 г. Фото 1951 г.



Кулпытас на некрополе Шопан-ата. Начало XX в. Фото 1951 г.

Кулпытас на некрополе Шопан-ата. Конец XIX в. Фото 1951 г.

Кулпытасы на некрополе Ушкан-ата на Эмбе. Конец XIX в.
Фото 1951 г.

Кулпытас на некрополе Ушкан-ата. 1908 г. Мастер Е. Егисенов.
Фото 1951 г.

Кулпытас на некрополе Карачунгул на Эмбе. Фото 1951 г.

Кулпытас на некрополе Карасакал на Эмбе. Начало XX в.
Фото 1980 г.

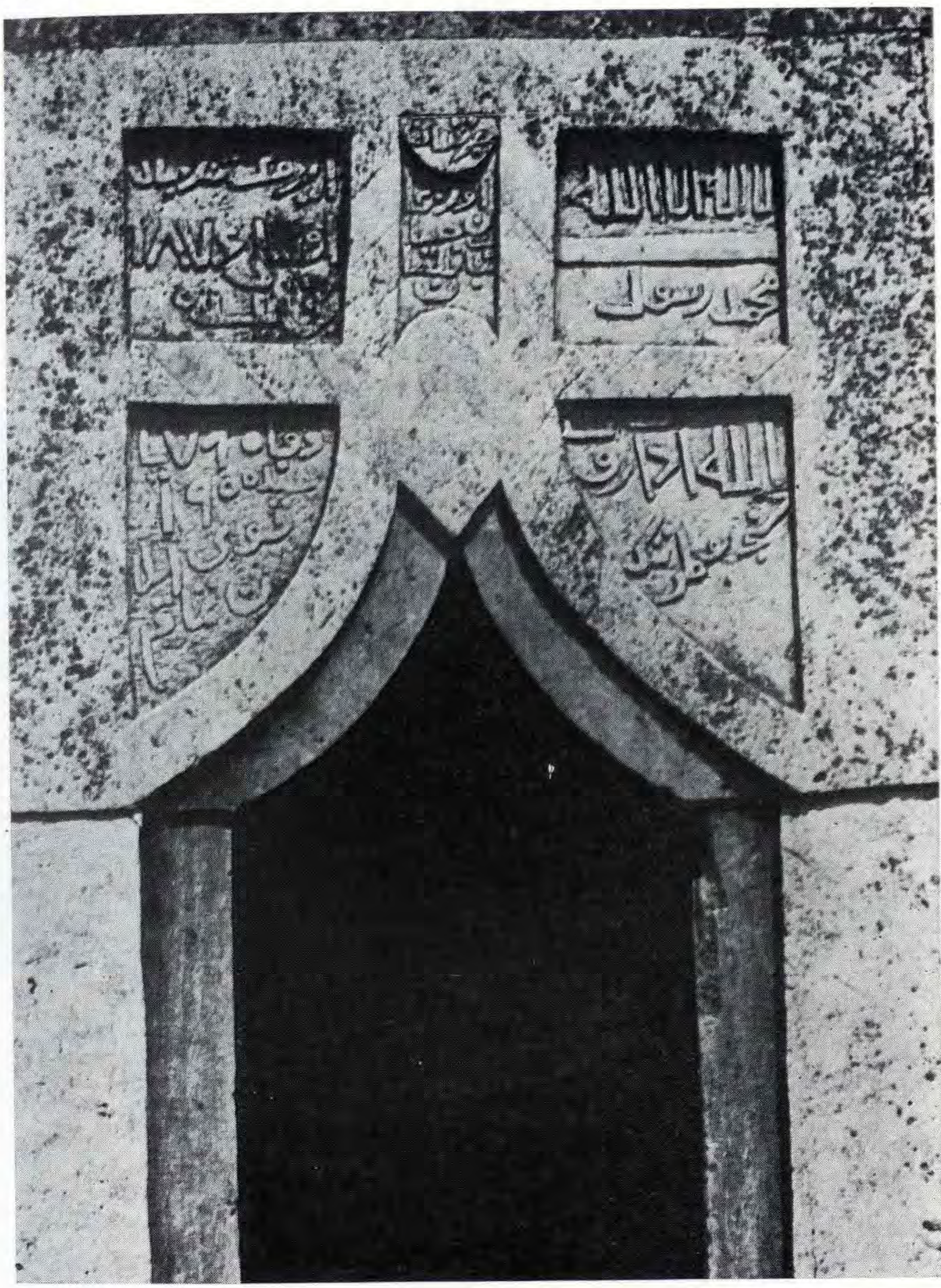
1843 г. Фото 1952 г.
Кулпытас на некрополе Ушкан-ата с тамгой рода кете.

Койтас на некрополе Сейсен-ата. Середина XIX в.

Койтас на некрополе Караколь. Конец XIX— начало XX в.
Фото 1973 г.

Койтас на некрополе Камысбай. I половина XIX вв.
Фото 1968 г.

Мавзолей на некрополе Сейсен-ата. Перекрытие входного проема каменным блоком, обработанным в виде лучковой арки. XIV—XVI вв.



Шторовидная арка входного проема мавзолея Ергалия.

ГЛАВА VII

МАТЕРИАЛЫ И КОНСТРУКЦИИ

Большинство сохранившихся памятников, расположенных в долине р. Эмбы, на Устюрте и Мангышлаке, построено из местного камня-ракушечника, а в районах Уральской и Актюбинской областей — из камня-песчаника.

Месторождения ракушечника почти повсеместно встречаются на Устюрте и Мангышлаке, но наиболее крупные находятся на северо-западном чинке Устюрта (в горах Жельтау, Коленкели) и около форта Шевченко на Мангышлаке.

По своей структуре ракушечники бывают крупно- и мелкозернистые и имеют светло-серый, желтовато-белый и изредка розовый цвета. Мелкозернистый ракушечник, из которого строилась большая часть памятников, обладает высокой механической прочностью на сжатие — 20—30 кг/см^2, объемным весом — 1300—1600 кг/м^3, в условиях малых осадков влагостойкостью —16—20% водопоглощением. Легко поддается распиловке ручной пилой, теске и резьбе. Из него изготовляются стеновые блоки и плиты.

У большинства памятников региона обычно отсутствуют фундаменты и цоколи, за исключением поздних мавзолеев, у которых появляются профилированные цоколи. Подготовка суглинистого основания под здание осуществляется следующим образом: сначала снимается травяной покров, затем грунт строительной площадки уплотняется ручной деревянной тромбовкой. На такое основание по всему периметру наружных стен укладывается один ряд каменных плит, над которым ведется кладка двух параллельных рядов стеновых блоков, пространство между ними засыпается отходами строительных материалов и грунтом на глиняном растворе. Выровненный трехслойный ряд кладки стены перекрывается горизонтальными плитами, обеспечивающими поперечную прочность этой конструкции. Последовательное поярусное чередование крупных блоков высотой 60—70 см и узких лент плит шириной 12—13 см создает четкую систему вертикального и горизонтального членения плоскости стены, которая со временем стала традиционным приемом архитектурной обработки фасадов зданий.

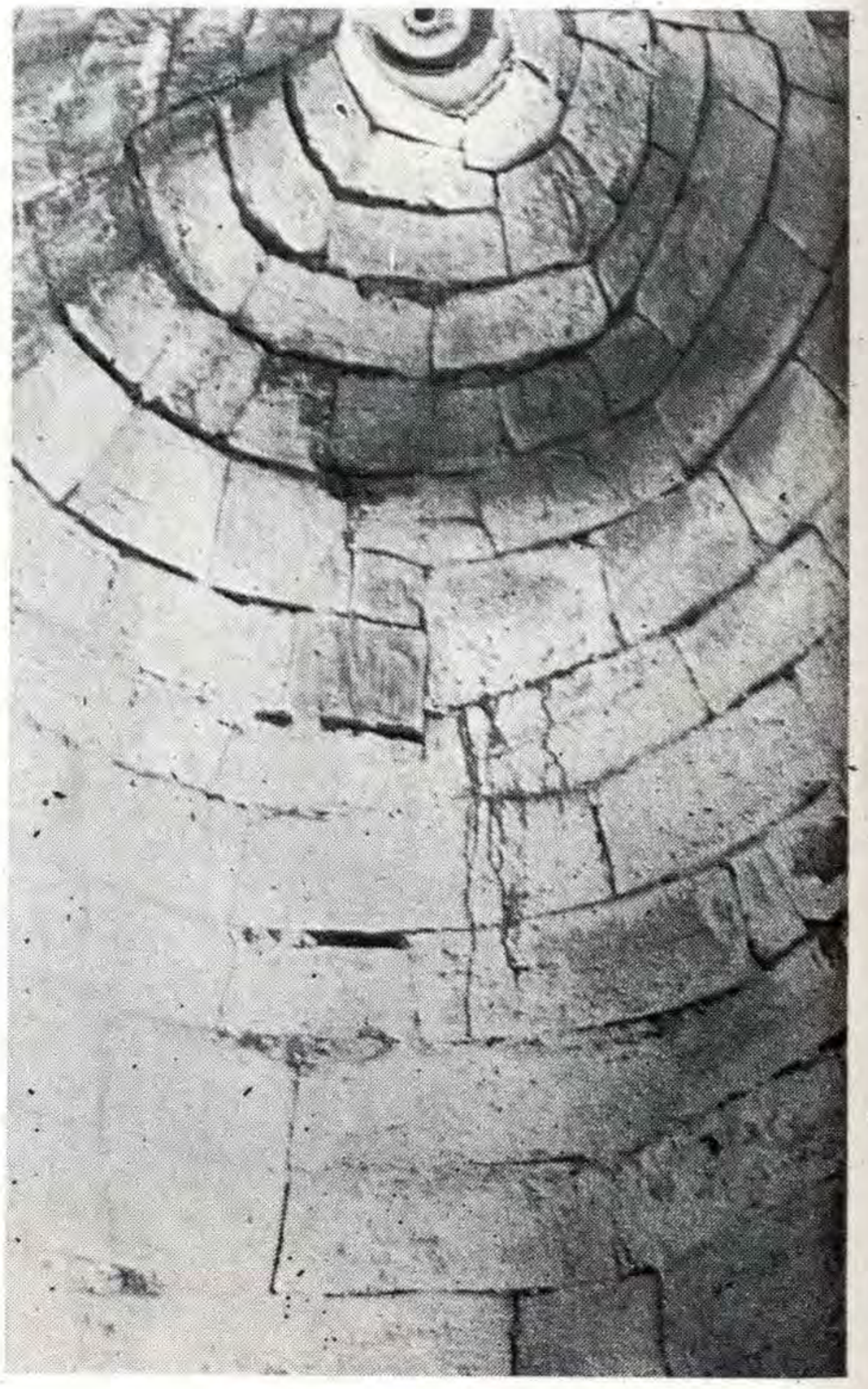
Таким образом, древнейший забутовочный прием кладки стен, известный еще у скифов Северного Причерноморья, у древних римлян, в раннем средневековье в Армении, Владимиро-Суздальской архитектуре XII века, в Западном Казахстане получает своеобразный вариант решения (36, с. 27).

Помимо конструктивно-декоративного достоинства, этот древний прием кладки стен дает возможность сэкономить ценный привозной материал и ускорить темпы строительных работ. Так, при общей толщине трехслойной стены — 96—100 см на долю забутовочного слоя приходится более $^3/_4$ ее ширины.

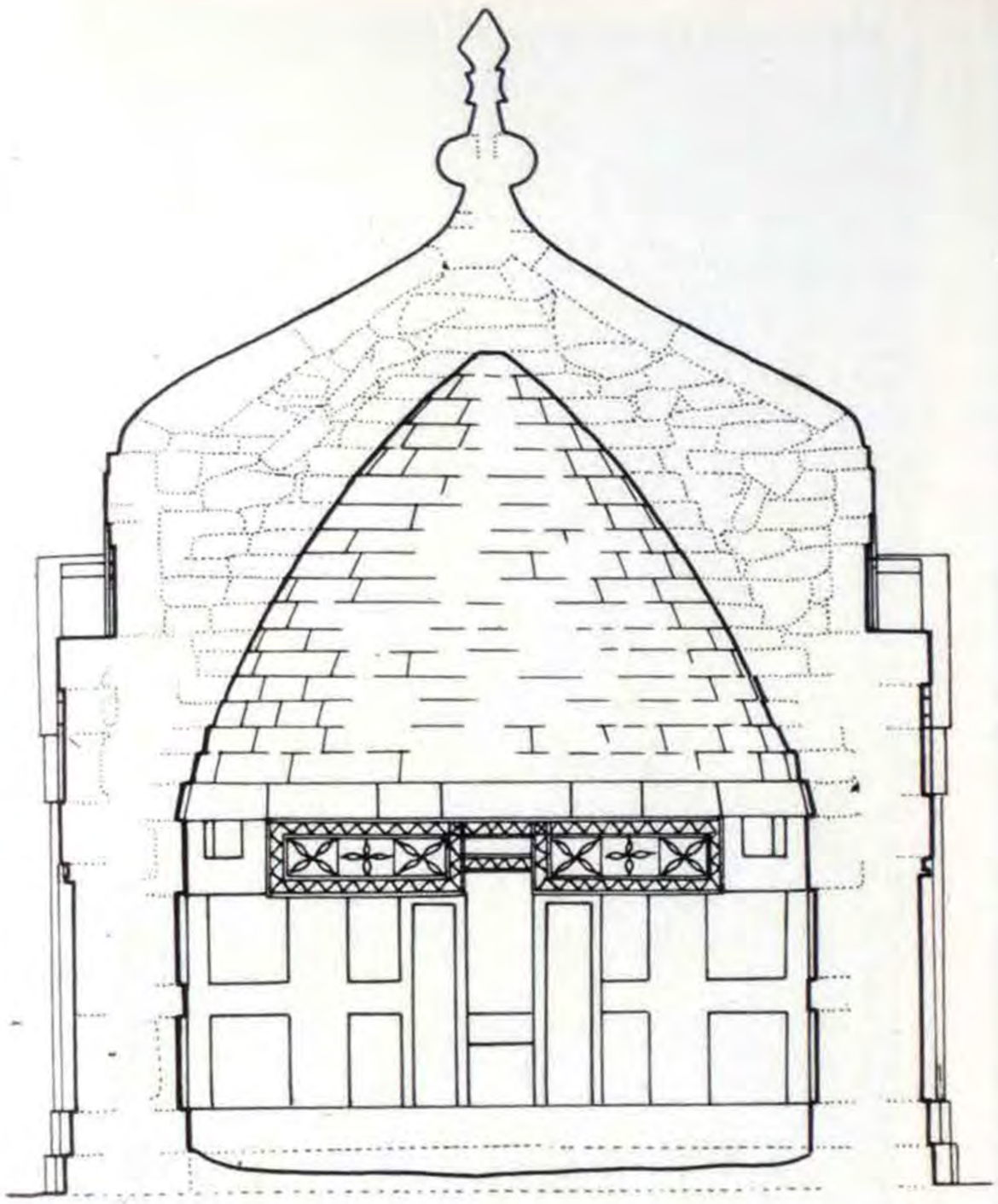
Этим приемом впервые возведены стены восьмиугольной части мавзолея Космола на Устюрте (1 пол. XIV в.), в мавзолеях Бельтуран, Акшора и Уштам (XIV—XVI вв.) он получает дальнейшую разработку, а в некоторых поздних нередко превращается в чисто декоративный прием, лишенный конструктивной функции.

Небольшие проемы дверей и окон, не более 1,3 м у ранних памятников, перекрыты горизонтальной перемычкой из цельного блока или фигурно обработанным каменным блоком в виде лучковой арки (илл. 53 на с. 145). В поздних памятниках входные проемы приподняты от уровня земли на 70—80 см и перекрыты толстыми каменными плитами или шторовидными арками (илл. 54 на с. 146). Относительно широкий, более 3 м, пролет портальной ниши мавзолея Космола перекрывался треуголь-

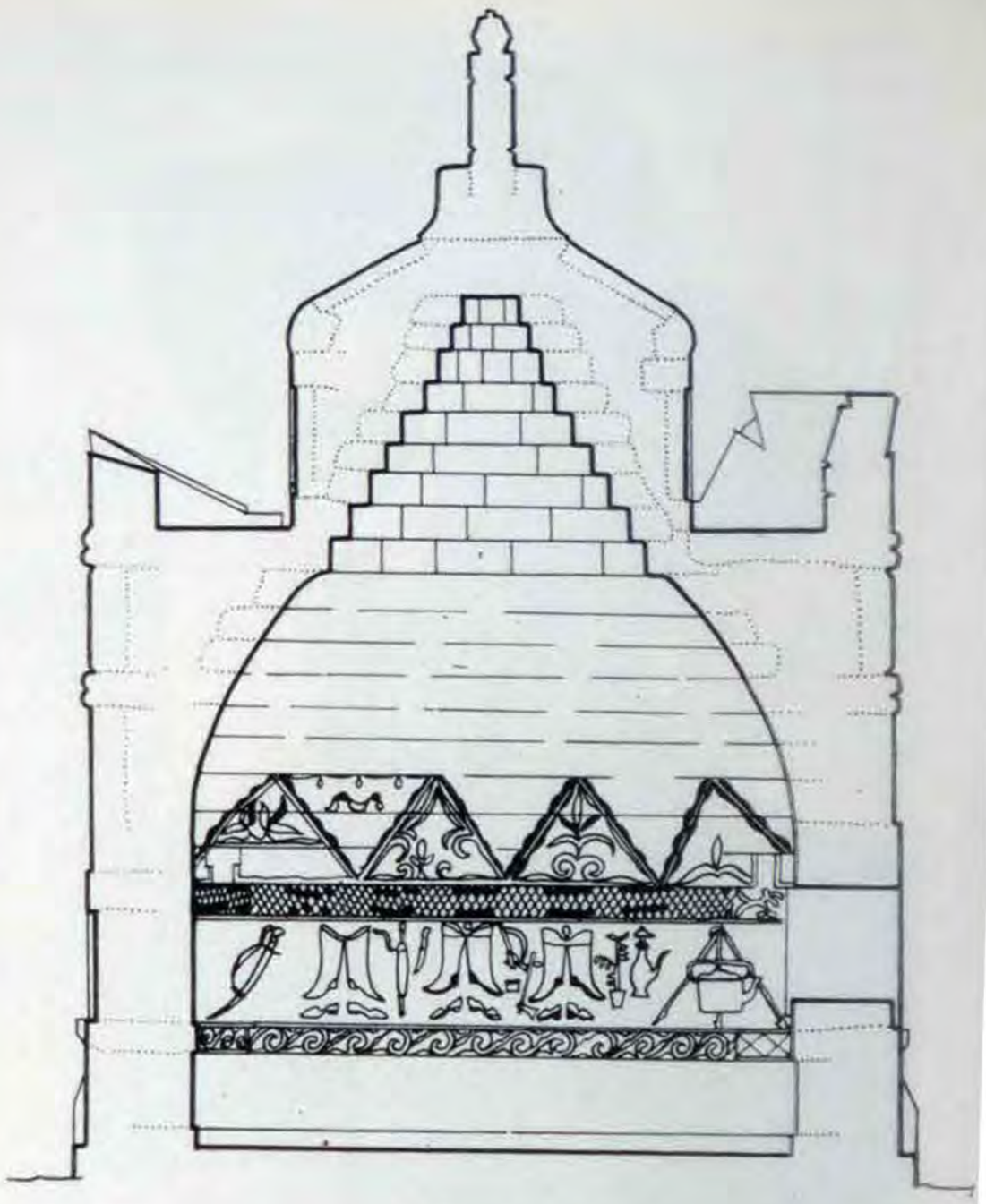
Балочно-нишевой парус мавзолея Иманбая на Устюрте.
70-е годы XIX в. Мастер Даулетнияз



Свод купола в мавзолее Иманбая.
Фото 1951 г.



Мавзолей Нурмагамбета. Обмер 1973 г.



Мавзолей Омара и Тура. Разрез.

но-уступчатой перспективной аркой. На плоских нишах мавзолеев Уштам и Долы-апа стрельчатые арки приобретают декоративное значение (67, 70).

Большинство изученных мавзолеев имеет квадратный или близкий к квадрату прямоугольный план. Изредка встречаемые шестиугольные-восьмиугольные памятники в основном относятся к раннему или позднему периоду.

Переход от квадратного четверика к основанию внутреннего сфероконического купола осуществляется путем устройства упрощенного балочно-нишевого или балочно-ступенчатого паруса, выше которого идут ряды обычной кольцевой кладки из отдельных блоков и плит, на известковом растворе, замыкаемые в зените небольшим круглым плафоном. Эта простая подкупольная конструкция, состоящая из угловых балок и устроенных над ними прямоугольных ниш, обеспечивает плавный переход от четверика к куполу. При прямоугольном четверике бывают случаи посадки барабана внешнего купола на оболочку внутреннего купола, что приводит к разрушению этого узла конструкции.

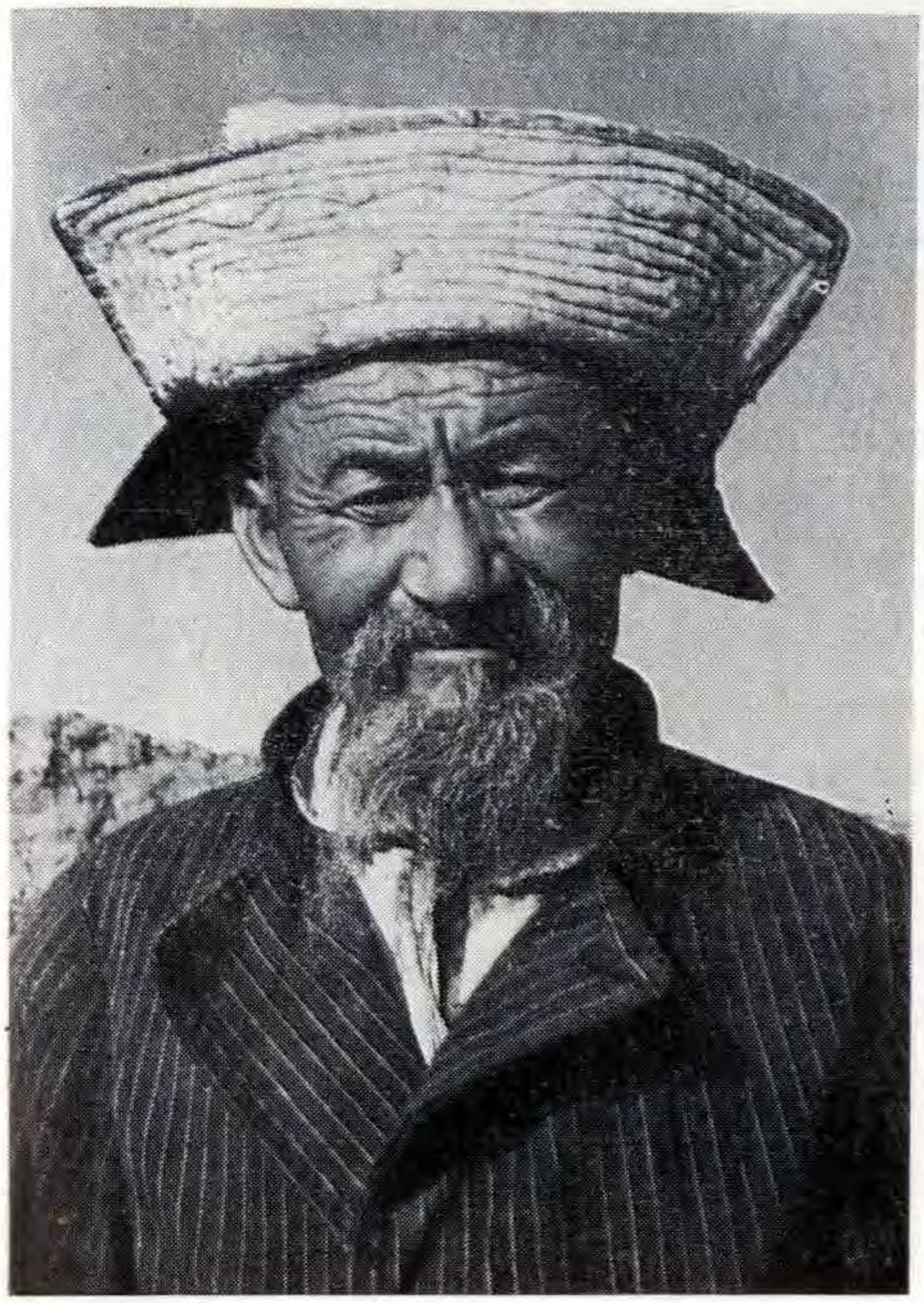
Мавзолей Тажике в Ак-уюке на Мангышлаке (1916 г.), имевший подобное конструктивное решение, преждевременно разрушился. У мавзолея Омара и Тура на Устюрте (1897 г.) при таком же двойном куполе цилиндрический барабан внешнего купола опирается на капитальные стены и здание имеет относительно хорошую сохранность.

Мастер-строитель Шаншар Инсиев

Следует подчеркнуть, что подкупольная конструкция всех каменных мавзолеев региона имеет однотипное решение — балочно-нишевой парус. Кровли купольных мавзолеев плоские, из каменных плит, имеют пологие скаты, обеспечивающие водосток. По наружному периметру кровли у некоторых памятников высечены неглубокие желобки, соединенные у кромки боковых стен с фигурными водометами.

Все виды строительных работ, начиная с добычи камня на карьерах и черновой обработки на месте необходимого количества изделий и кончая постройкой и отделкой зданий, в основном, выполнялись профессиональными артелями строителей под руководством опытных мастеров. Из членов этих артелей, построивших большую часть памятников последней четверти XIX—XX вв., в 50-е годы были живы мастера Назар Умиров, Альмен Бердиев и Шаншар Инсиев, работавшие бригадирами колхозных строителей. В беседах с этими мастерами нам удалось выяснить некоторые архитектурно-строительные термины, введенные впервые в научный обиход в нашей работе «Памятники архитектуры полуострова Мангышлак и Западного Устюрта», опубликованной в 1956 г.

К сожалению, тогда мы не сумели собрать биографические сведения о наиболее крупных народных зодчих Западного Казахстана — Дутбае



Мастер-строитель Назар Умиров

Жандаулетове, Умире Карине, братьях Каражусуповых и других, создавших такие архитектурные памятники, как мавзолеи Омара и Тура и Айтмана на Устюрте, Нурбергена Калышева и Шойнбая на Мангышлаке, Жубана Елеменова на Эмбе и другие.

Если каменные карьеры и места строительства были удалены на значительные расстояния, как, например, долина р. Эмбы и северо-западный чинок Устюрта, то заранее изготовленные стандартные стеновые блоки, плиты и архитектурные детали привозились зимою на санях-волокушах. Строительство начинали с наступлением теплого времени и заканчивали в течение двух-трех месяцев.

Для обработки и отделки камня применялись такие простейшие инструменты, как пила, тесло, долото, молоток, скобель, рашпиль, лопаточка, нож, кисточка и др.

Глинобитно-сырцовые мавзолеи региона, относящиеся к XVIII—XIX вв., устойчиво сохраняя строительную древнюю традицию низовья Сырдарьи, представлены двумя вариантами шатровой композиции. У первого варианта, представляющего собою единое конусовидное сооружение, одинарная оболочка купола начинается с уровня пола и, постепенно суживаясь, образует конусообразное пространство, соответствующее фор-

ме внешнего покрытия. У второго варианта сырцовых мавзолеев, объемная структура которых состоит из различной высоты четверика и пирамидального или конусовидного покрытия, переход от четверика к основанию купола осуществляется при помощи угловых ступенчато-арочных тромпов.

У глинобитно-сырцовых мавзолеев региона, как и у каменных памятников, доминируют архаические виды подкупольных конструкций, известные еще в раннем средневековье. Какие-либо конструктивные новшества не встречаются, что, вероятно, объясняется застойным состоянием строительной техники в этом периферийном районе обширной степи.

Мастер-строитель Альмен Бердиев

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Архитектура Западного Казахстана, несмотря на неблагоприятные исторические и культурно-экономические условия (низкий уровень производительных сил, междоусобные войны, периодические вторжения иноземных племен и народов), развивалась на протяжении многих веков в контакте с архитектурой соседних регионов.

В своих истоках она начиналась с глинобитно-сырцовой архитектуры низовья Сырдарьи, возникшей и сформировавшейся в эпоху поздней бронзы и античности. Объемная композиция и строительные приемы выдающихся памятников этих эпох — мавзолеев Тагискена и Баланды-2 послужили прототипом шатрового типа мавзолеев последующих периодов, получивших широкое распространение на всей территории Казахстана и Средней Азии.

Впервые возникшая портально-купольная композиция мавзолеев на юге Средней Азии в X—XI вв. (24, с. 215), на территории Хорезма, Южного и Центрального Казахстана и на Устюрте, в XII—XIV вв. получает портально-шатровый вид. Но в силу традиций и социально-экономических условий, а также застойного состояния строительной техники в степных районах Казахстана здесь продолжалось преимущественно строительство центрично-шатровых глинобитно-сырцовых мавзолеев.

Из всего вышесказанного ясно, что архитектура Западного Казахстана не была изолирована от строительной культуры соседних регионов. В отдельные исторические периоды она имела непосредственную связь то с архитектурой низовья Сырдарьи, то средневекового Хорезма, а в поздний период с русской архитектурой. В результате умелого сочетания древних традиций местного строительства с некоторыми формами и деталями русского зодчества сложились те своеобразные черты памятников района, которые отличают их от одновременных памятников других районов Казахстана и Средней Азии.

Поскольку в Западном Казахстане (на Эмбе, Устюрте, Мангышлаке) имеется огромное количество надгробных памятников, здесь пришлось применить отборочный метод изучения, в основу которого положена историко-архитектурная идентичность.

Такой подход применим для оценки и описания всех видов и типов памятников и, прежде всего, для характеристики купольных мавзолеев, в архитектуре которых более ясно прослеживаются исторические изменения стилевых признаков.

Заслуженное внимание уделено и характеристике оригинального вида надгробных сооружений — сагана-тамов, среди которых также встречаются подлинные произведения архитектуры, и малым формам архитектуры, в декоре которых широко использованы разнообразные мотивы народного орнамента.

Основная часть изученных нами памятников относится к позднему времени — к XIX—XX вв., когда работали известные народные мастера, создавшие такие великолепные произведения архитектуры, как мавзолеи Жубана Иламанова, Омара и Тура, Айтмана, Нурбергена Калышева, сагана-тамы Нурмухамеда, Койлыбаева, Бощибая, Жамиры-байбише и многие другие, достойные сохранения на века.

Автор далек от мысли, что все вопросы темы разработаны им со всей полнотой и соответствующей аргументацией и надеется, что дальнейшие комплексные архитектурно-археологические исследования памятников Западного Казахстана помогут внести дополнения и корректировку в отдельные положения работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Издание пятое, т. 39, М., 1974.
2. Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов-туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969.
3. Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана — ТИИАЭ АН КазССР, т. 5, Алма-Ата, 1958.
4. Аджигалиев С. М. Абат-Байтак — выдающийся комплекс памятников народного зодчества — Известия АН КазССР, серия филологическая, 1983, № 2.
5. Акишев К. А., Байпаков К. М. Вопросы археологии Казахстана, Алма-Ата, 1979.
6. Аристов А. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. СПб, 1897.
7. Асанов А. А. Памятники архитектуры средневекового Хорезма. Ташкент, 1971.
8. Ашуров Я. С., Галах Т. Ф., Камалов У. Х. Бухара. Ташкент, 1968.
9. Байпаков К. М. Культ барана у сыр-дарьинских племен. В кн.: «Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана». Алма-Ата, 1980.
10. Бартольд В. В. Огузы до образования сельджукской империи. Соч., том. 2, часть 1, М., 1963.
11. Бартольд В. В. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XII в. Соч., т.3, М., 1965.
12. Басенов Т. К. Архитектурные памятники в районе Сам. Алма-Ата, 1947.
13. Басенов Т. К. Орнамент в архитектуре Казахстана. Алма-Ата, 1957.
14. Басилов В. Б. О происхождении туркмен-ата.— В кн.: «Домусульманские верования и обряды в Средней Азии». М., 1977.
15. Бернштам А. Н. Памятники Таласской долины. Алма-Ата, 1941.
16. Босфорт К. Э. Мусульманские династии. М., 1971.
17. Булатов И. С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX—XV вв., М., 1978.
18. Валиханов Ч. Ч. Соч. в пяти томах, т. I, Алма-Ата, 1961.
19. Валиханов Ч. Ч. Соч., т. 3, Алма-Ата, 1964.
20. Валиханов Ч. Ч. Соч., т. 5, Алма-Ата, 1972.
21. Воронин Л. Н. Устройство оснований в памятниках архитектуры Средней Азии— В кн.: «Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана». Вып. I., М., 1950.
22. Воронина В. Л. Особенности сводчатых конструкций в архитектуре Средней Азии.— Сб.: «Национальное своеобразие зодчества народов СССР». М., 1950.
23. Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — нач. XX вв.). Алма-Ата, 1962.
24. Всеобщая история архитектуры, том 8., М., 1969.
25. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.— Л., 1950.
26. Григорьев В. Г. Келесская степь в археологическом отношении.— «Известия АН КазССР», вып. I, 1948.
27. Григорьев В. Г. Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковой крепости. — «Записки Русского географического общества». Книга 2, изд. 2, СПб, 1861.
28. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.
29. Грязнов М. П. Памятники Карасукского этапа в Центральном Казахстане.— «СА», XVI, М.—Л., 1952.
30. Джанибеков У. Д. Культура казахского ремесла. Алма-Ата, 1982.

31. Джикиев А. Этнографический очерк населения юго-восточнсго Туркменистана. Ашхабад, 1972.
32. Ибраев Б. А. К генезису форм купольных мавзолеев Западного Казахстана.— Сб.: «Архитектурное наследство». М., 1981, № 29.
33. Иванин М. И. Хива и Аму-Дарья. СПб, 1873.
34. История Казахской ССР, том 2, Алма-Ата, 1979.
35. История Туркменской ССР, том 1, кн. I, Ашхабад, 1957.
36. История искусства зарубежных стран. М., 1981.
37. История русской архитектуры. М., 1956.
38. Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К. Захоронения воинов савраматского времени на левобережье р. Илек.— В кн.: «Прошлое Казахстана по археологическим источникам». Алма-Ата, 1976.
39. Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина. Алма-Ата, 1972.
40. Қазақ Совет Энциклопедиясы, 1 том, А., 1972.
41. ҚСЭ, 2 том, А., 1973.
42. ҚСЭ, 4 том, А., 1974.
43. ҚСЭ, 9 том, А., 1975.
44. ҚСЭ, 6 том, А., 1975.
45. ҚСЭ, 12 том, А., 1978.
46. КСЭ. Казахская Советская Социалистическая Республика. Энциклопедический справочник., Алма-Ата, 1981.
47. Карутц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. Перевод Е. Петри. СПб, 1910.
48. Кастанье А. И. Древности киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1911.
49. Ковалевский А. И. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956.
50. Лелеков Л. А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточно-иранских народов в первой половине 1 тысячелетия до н. э.— В кн.: «История и культура народов Средней Азии», М., 1976.
51. Лерх П. И. Поездка в Туркестанский край в 1867 г., СПб, 1870.
52. Ломакин Н. П. О полуострове Мангышлак и путях оттуда в разные пункты Закаспийского края.—«Записки Кавказского отд. ИРГО». Книжка VIII, Тифлис.
53. Манылов Ю. П. Археологические исследования караван-сараев Центрального Устюрта.— Сб.: «Археология Приаралья». Вып. I, Ташкент, 1982.
54. Маньковская Л. И., Булатова В. А. Памятники зодчества Хорезма. Ташкент, 1978.
55. Маргулан А. Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана, Алма-Ата, 1950.
56. Маргулан А. Х., Басенов Т. К., Мендикулов М. М. Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959.
57. Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
58. Маргулан А. Х., Ибраев Б. А. Архитектура первобытно-общинного строя.— КСЭ, Энциклопедический справочник. Алма-Ата, 1981
59. Массон М. Е., Пуганченкова Г. А. Гумбез Манаса. М., 1950.
60. Материалы по истории туркмен и Туркмении. VII—XVI вв. Т. I, М.— Л., 1939.
61. Медоев А. Г. Подземная архитектура кочевников полуострова Мангышлак.— «Простор», 1969, № 6.
62. Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства.— Материалы для географии и статистики России. СПб., 1865.
63. Мендикулов М. М. Ушканские кулпытасы.— Вестник АН КазССР, 1953.
64. Мендикулов М. М. Памятники архитектуры полуострова Мангышлака и Западного Устюрта. Алма-Ата, 1956.
65. Мендикулов М. М. Памятники архитектуры Казахстана с коническими или пирамидальными куполами.— Архитектура республик Средней Азии. М., 1951.
66. Мендикулов М. М. Архитектура раннего средневековья. КСЭ, Энциклопедический справочник. Алма-Ата, 1981.
67. Мендикулов М. М. Архитектура X—XIV вв.— КСЭ, Энциклопедический справочник. Алма-Ата, 1981.

68. Мендикулов М. М. Архитектура XIX— нач. XX вв.— КСЭ. Энциклопедический справочник. Алма-Ата, 1981.
69. Мустафин В. А. Каменные бабы.— Приложение к протоколу ТКЛА. 121. 1889.
70. Отчет экспедиции Общества охраны памятников истории и культуры КазССР за 1973 г.
71. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб, 1770.
72. Пашино П. И. Туркестанский край в 1866 г. СПб, 1868.
73. Плетнева С. А. Кочевники восточно-европейских степей в X—XIII вв.— В кн.: «Степи Евразии в эпоху средневековья». М., 1981.
74. Первые русские научные исследования Устюрта. М., 1963.
75. Поляков С. П. Этническая история северо-западной Туркмении в средние века. Издание МГУ, М., 1913.
76. Пугаченкова Г. А. К вопросу о реконструкции ансамбля Доруссиадат Тимуридской усыпальницы в Шахрисябзе.— Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана. Вып. I, М., 1950.
77. Пугаченкова Г. А. Мавзолей Калдыргаш-бия. «Известия АН КазССР», № 80, серия архитектурная, вып. 2., 1950.
78. Путинцева Г. А. Здесь начинается Африка. М., 1973.
79. Радлов В. В. Сибирские древности, т. I., СПб., 1894.
80. Рубрук Вильгельм. Путешествия в восточные страны. Перевод Малейна А. И. СПб., 1911.
81. Рычков Н. П. Дневные записки путешествия в Киргиз-кайсацкие степи. СПб., 1871.
82. Сальников К. В. Древние памятники истории Урала. Свердловск, 1952.
83. Сборник «Западный Казахстан». Алма-Ата, 1951.
84. Семенов М. Г. Отчет об историко-архитектурном исследовании мавзолея Кесене. 1983-1984 гг.
85. Толстов С. П. Города огузов.—«СЭ», 1947, № 3.
86. Толстов С. П. По следам древнехорезмской цивилизации, М.-Л., 1948.
87. Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг.— ТХАЭЭ, т. II, М., 1958.
88. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
89. Труды Южно-туркменской археологической комплексной экспедиции. М., т. III, 1952.
90. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
91. Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1977.
92. Хафиз-Таныш. Шараф-наме-йи шахи.—«Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв.» Алма-Ата, 1969.
93. Формозов А. А. Археологические путешествия. М., 1974.
94. Шишкин В. А. Мазары Зенги-баба.—Сб.:«В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели», Ташкент, 1927.
95. Якубовский А. Ю. Развалины Сыгнака. Л., 1929.
96. Якубовский А. Ю. Феодализм на Востоке. Л., 1932.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

ВИА — Всеобщая история архитектуры
ЗКОИРГО — Записки Кавказского отделения Императорского русского географического общества
ИТОИРГО — Известия Туркестанского отделения Императорского русского географического общества
ИРГО — Императорское русское географическое общество
КСЭ — Казахская Советская Энциклопедия
СА — «Советская археология»
СЭ — «Советская этнография»
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
ТКЛА — Туркестанский кружок любителей археологии
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 6
Глава I. Некрополи и подземные мечети 8
Глава II. Развалины Старой ногайской дороги 29
Глава III. Мавзолеи шатрового типа 35
Глава IV. Купольные мавзолеи Западного Казахстана 57
Глава V. Сагана-тамы 85
Глава VI. Малые формы надгробных памятников 94
Иллюстрации 104
Глава VII. Материалы и конструкции 147
Заключение 153
Литература 155
Принятые сокращения 158

Мендикулов Малбагар Мендикулович

ПАМЯТНИКИ НАРОДНОГО ЗОДЧЕСТВА ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА

Рецензенты:

доктор исторических наук *Х. А. Аргынбаев,*
кандидат архитектуры *Б. А. Глаудинов*

Оформление и макет *В. Григорьева*

Редакторы *С. Пенькова, С. Сахун, А. Рамазанова*

Художественный редактор *К. Жапарова*

Технический редактор *Л. Цой*

Корректоры *З. Турсунова, А. Курмангожина*

ИБ № 548

Сдано в набор 16.02.87 г. Подписано в печать 15.07.87 г. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага мелованная. Гарнитура обыкновенно-новая. Печать высокая. Усл. п. л. 11,7. Усл. кр.-отт 12,7. Уч.-изд. л. 10,65. УГ 19275. Тираж 7600 экз. Заказ 546. Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Өнер» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 480002, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41.

85.11
М 50

Мендикулов М. М.

М 50 Памятники народного зодчества Западного Казахстана.— Алма-Ата: Өнер, 1987.—160 с., илл.

Книга знакомит с архитектурными памятниками Западного Казахстана — подземными мечетями, мавзолеями, купольными и бескупольными и другими видами надгробных сооружений. Автор подробно рассматривает конструктивные особенности культовых построек региона, в частности, много внимания уделяет анализу архитектурно-художественного решения мавзолеев шатрового типа.

Книга рассчитана на специалистов, а также на широкий круг читателей, интересующихся историей архитектуры Казахстана.

М $\frac{4903030000—82}{409(05)-87}$ 72—87

© Издательство «Өнер», 1987